ИСТОРИЧЕСКІЯ

МОНОГРАФІИ

и

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ ОДИНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ.

ИЗДАНІЕ

Д. Е. Кожанчикова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1870.

Въ Типографіи А. К. Киркора. по Фонтанкѣ д. № 54

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Безсиліе бѣлоцерковскаго трактата.—Положеніе Украины.—Переселенія въ Московское Государство.—Посольство отъ Хмельницкаго въ Москву.—Возмущенія въ Украинѣ.—Судная коммиссія надъ возмутителями.—Казни Мозыры, Гладкаго, Хмелецкаго, Гурскаго —Сватовство.—Письмо Хмельницкаго къ молдавскому господарю.—Письмо Лупулы къ польскому королю.—Польское войско подъ Батогомъ.—Предзнаменованія.

Бѣлоцерковскій трактатъ приводилъ Украину къ тому же положенію, въ какомъ она находилась до 1648 г.: четырехлѣтніе труды, потеря народа, опустошеніе Руси не выкупались ничѣмъ. Снова паны возвращались въ свои владѣнія; жиды опять могли быть управителями и арендаторами; жолнерамъ предоставлялось попрежнему право собирать съ поселянъ стаціи и ходить толпами по городамъ и селамъ; положеніе русскаго народа могло даже стать хуже, чѣмъ было прежде, потому что враги ихъ, выстоявъ кровопролитный споръ, готовились предать ихъ ужасамъ мести. Бѣлоцерковскій трактатъ не оградилъ также и восточнаго православія: хотя въ немъ сказано было, что религія греческая остается при давнихъ правахъ, но какъ эти права были уже попираемы, то, слѣдовательно, теперь могли еще менѣе имѣть си-

лы. Впрочемъ, каковы бы ни были права православной религіи, они всегда должны были оставаться только на бумагѣ, пока произволъ былъ сильнѣе всѣхъ письменныхъ постановленій. Бѣлоцерковскій миръ могъ стать только новымъ источникомъ раздоровъ. „Онъ постановленъ былъ на льду“ говоритъ одинъ лѣтописецъ выражая тѣмъ, что это было слѣдствіе обоюдной необходимости прекратить войну по причинѣ наступающей зимы и распространившейся заразы. Поляки, заключая его, знали хорошо, что народъ русскій, столь упорно показавшій себя въ послѣднюю войну, не удовольствуется имъ, и одинъ шляхтичъ, еще изъ подъ Бѣлой-Церкви, писалъ въ Варшаву: „Надобно опасаться, чтобъ хлопы не выбрали себѣ другаго гетмана, а на то походитъ“ [1]). „Нельзя довѣрять Хмельницкому, который дѣйствуетъ невсегда самъ по себѣ, но также и по волѣ безразсудной толпы“, говорилъ Кисель [2]).

Польское войско удалилось отъ Бѣлой-Церкви къ Винницѣ и, по смерти Потоцкаго, Калиновскій принялъ надъ нимъ главное начальство. „Подъ покровительствомъ его, паны стали стекаться въ свои имѣнія и увидѣли (говоритъ лѣтописецъ) [3]), что надобно снова готовиться къ войнѣ“. Поднѣстране и бужане слышать не хотѣли ни о какихъ договорахъ, не давали стацій, не думали повиноваться старостамъ и владѣльцамъ и называли себя попрежнему казаками. Калиновскій вѣшалъ ихъ, четвер-

---

[1]) Wojna z koz. i tat. I. 354.

[2]) Памятн. кіевск. комм.

[3]) Annal. Polon. Clim 1. 317.

товалъ, жегъ медленнымъ огнемъ [4]), не спускалъ и церквамъ Божіимъ, по замѣчанію современниковъ, приказывалъ снимать церковные колокола и переливать на пушки, изгонялъ православныхъ священниковъ [5]). Жолнеры, получивъ потачку, начали обращаться съ хозяевами тѣхъ селъ, гдѣ стояли, какъ съ собственными рабами и распоряжались достояніемъ жителей. Владѣльцы, воротившись въ имѣнія, заставали свои усадьбы въ разореніи; голодъ и недостатокъ въ странѣ, гдѣ не пахали долго земли, лишалъ ихъ возможности извлекать какіе нибудь доходы; они принялись мучить своихъ подданныхъ, чтобъ выпытать, гдѣ спрятаны сокровища, награбленныя въ господскихъ домахъ. „И были слышимы (говоритъ лѣтописецъ) [6]) въ народѣ вопль и воздыханіе, и горе, и ропотъ на Хмельницкаго“.

„Вотъ къ чему привели насъ его побѣды!“ говорили хлопы: „мы ожидали себѣ свободы, а онъ опять насъ закабалилъ въ рабство!“

И въ самомъ дѣлѣ, на Хмельницкаго, повидимому, не было надежды; онъ, казалось, былъ глухъ и нѣмъ къ стонамъ народа и самъ дѣйствовалъ заодно съ панами. Онъ оказывалъ явное недовѣріе къ русскимъ, отдалилъ отъ себя казаковъ, окружилъ себя татарами, „и не разъ (говоритъ лѣтописецъ) приходилось ему погибнуть отъ разъяреннаго хлопства“ [7]). Вдобавокъ, народъ русскій терпѣлъ голодъ; въ особенности Волынь

---

[4]) Истор. о през. бр.

[5]) Истор. о през. бр.—Лѣтоп. самов. 19.—Annal. Polon. Clim. I. 350.

[6]) Истор. о през. бр.

[7]) Annal. Polon Clim. I. 315.

представляла ужасное зрѣлище: еще во время прошлогодней войны четверикъ ржаной муки стоилъ сто двадцать злотыхъ, и убогіе люди, неуспѣвшіе убѣжать, помирали толпами отъ голода. Современникъ разсказываетъ, что, близь Луцка, въ одномъ селѣ женщина зарѣзала двухъ человѣкъ и кормилась ихъ тѣлами, удѣляя и другимъ такой пищи; въ другомъ мѣстѣ голодная мать умертвила и сжарила двухъ собственныхъ дѣтей [8]).

Въ такомъ положеніи единственнымъ спасеніемъ для русскаго народа казалось „итти світъ за очима“, по народной пословицѣ. Подольскіе и брацлавскіе поселяне устремились на лѣвый берегъ Днѣпра, перешли такъ называемую Вишневеччину, земли, занимаемыя прилуцкимъ и лубенскимъ полками, и поселились въ Полтавщинѣ и Ахтырщинѣ, гдѣ, по берегамъ Ворсклы, вдругъ возникали большія слободы. Но такъ какъ и на этотъ отдаленный край поляки имѣли притязаніе, то южноруссы совершенно покидали свое отечество и уходили въ Московское Государство [9]). Еще съ начала XVII-го столѣтія завелся въ Украинѣ обычай переходить на слободы и селиться на привольныхъ степяхъ нынѣшней полтавской губерніи. Подвигаясь далѣе и далѣе, въ царствованіе царя Михаила, новопоселенцы захватили частъ московскихъ владѣній: появились слободы около Путивля, Рыльска и Бѣлагорода [10]). По слѣдамъ отцовъ своихъ и теперь пустились украинцы искать новаго отечества.

Первый примѣръ къ переселенію казаковъ, а не хлоповъ,

---

[8]) Latop. Jerlicza. 120.

[9]) Лѣтоп самов. 19.—Экстр. о слободск. полк.

[10]) Экстр. о слободск. полк.

въ Московское Государство подали волынцы. Тотчасъ послѣ берестечскаго пораженія, тысяча казаковъ возникшаго тогда острожскаго полка, подъ начальствомъ какого то Ивана Дзинковскаго, ожидая нашествія поляковъ, гнавшихся за разбитыми силами Хмельницкаго, убѣжали за границу и просили царя позволить поселиться имъ на московской землѣ. Въ то время московское правительство обращало особенное вниманіе на южную границу государства и старалось заселить пустые берега Дона, Сосны, Оскола, въ нынѣшнихъ губерніяхъ воронежской и курской. Это намѣреніе казалось тѣмъ необходимѣе, что Московское Государство безпрерывно страдало отъ набѣговъ крымскихъ варваровъ. Алексѣй Михайловичъ построилъ тамъ уже нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ. Тысячи казацкихъ семействъ изъ за Днѣпра, людей военныхъ, закаленныхъ въ брани, были — кладъ для государства. Царь не позволилъ имъ селиться около Путивля и Бѣлагорода, какъ они хотѣли, и приказалъ построить имъ городъ на берегу Тихой Сосны, названный Острогожскомъ. Украинцы явились на мѣсто жительства въ готовые дома, снабженные даже хлѣбнымъ зерномъ для перваго обзаведенія. Царь даровалъ имъ право удержать все прежнее казачье устройство: чины полковника, сотниковъ, асауловъ, всю организацію украинскаго полка. Это былъ первый слободскій полкъ [11]). Такой благосклонный пріемъ ободрилъ и другихъ.

Поднѣстране и бужане складывали на воловьи возы или сани, свое имущество, сожигали свои хаты и гумны, чтобъ не доставались остатки ихъ *худобы* врагамъ,

[11]) Памятн. острогож. слободск. полка (рук.)

и отправлялись цѣлыми селами искать другой Украины. Напрасно жолнеры заступали имъ дороги и казнили, на страхъ прочимъ, тѣхъ, кто попадался имъ въ руки: украинцы выѣзжали съ пушками и ружьями, пробивались изъ стараго отечества, покупая кровью новое [12]).

Менѣе чѣмъ въ полгода, на пространствѣ отъ Путивля до Острогожска, появились многія слободы, изъ которыхъ образовались города и богатыя мѣстечки: Сумы, Лебединъ, Ахтырка, Бѣлополье, Короча и пр. Иные подвигались къ югу, въ глубину степи, по рѣкамъ Донцу, Удамъ, Харькову, Коломаку. Въ числѣ слободъ былъ нынѣшній Харьковъ. Основанный среди болотъ и лѣсовъ въ безопасномъ мѣстѣ, онъ сдѣлался полковымъ городомъ съ украинскимъ устройствомъ, но неподвѣдомый гетману. Поселенія назывались вообще слободами, отчего эта земля, заселенная новоприбывшими южноруссами, получила названіе Слободской Украины, Украины свободной, въ противоположность старой Украинѣ, гдѣ жители терпѣли отъ поляковъ [13]).

Отрекаясь отъ поляковъ, эти переселенцы отрекались и отъ своего гетмана. Хмельницкій страшился, чтобъ, такимъ образомъ, всѣ украинцы не перебрались на новоселье, оставя его съ малымъ числомъ на жертву. Въ то же время, боясь потерять совершенно и любовь народную, и благосклонность царя, гетманъ послалъ въ Москву посольство, весною 1652 года, съ предложеніемъ, въ которомъ была оригинальная мысль переселить всѣхъ казаковъ на царскую землю.

---

[12]) Annal. Polon. Clim I. 318.—Лѣтоп. самов. 19.

[13]) Экстр. о слободск. полк.—Кратк. опис. о каз. мал. нар. 66.

„Пожалѣй насъ, государь православный (писалъ Хмельницкій), умилосердись надъ православными Божьими церквами и нашею невинною кровію. Ничего не исполняютъ поляки, что съ нами постановили: святыя Божіи церкви, какія обѣщали отдать намъ изъ уніи, не отдали, да еще обращаютъ въ унитскія и тѣ, которыя оставались у насъ. Они хотятъ искоренить православную вѣру въ народѣ нашемъ, а для того собрали на насъ коронныя войска свои; они ругаются надъ святынею, мучатъ христіанъ православныхъ духовнаго и мірскаго чина и дѣлаютъ такія жестокости, что вашему царскому величеству и слушать будетъ жалко. Со слезами просимъ твое царское величество, не дай, великій государь, клятвопреступникамъ и мучителямъ разорить насъ до конца; прими насъ подъ свою крѣпкую руку“.

Алексѣй Михайловичъ постоянно показывалъ видъ миролюбія и справедливости и не хотѣлъ нарушить мира съ королемъ; онъ оставлялъ исполненіе своихъ замысловъ до времени. Казацкій посланникъ, Искра, получилъ позволеніе видѣть царскія очи, а дьяку Волошанинову препоручено было переговорить съ нимъ. Вотъ любопытный разговоръ дьяка съ казакомъ, переданный потомству.

— Его царское величество, говорилъ дьякъ:—будетъ всегда милостивъ къ гетману и станетъ васъ всѣхъ держать въ своемъ царскомъ жалованьи. Но великій государь не желаетъ нарушить спокойствія и совѣтуетъ гетману и всему войску запорожскому стоять на томъ, на чемъ помирились съ поляками.—

— Но король и сенаторы, и вся Рѣчь Посполитая, возразилъ Искра:—никогда не хранятъ слова и всегда

нарушаютъ то, въ чемъ клянутся. Поэтому гетману и всему войску запорожскому нѣтъ инаго прибѣжища, кромѣ царскаго величества. Просимъ великаго государя заступиться за насъ.—

— Но у вашего гетмана, сказалъ дьякъ:—большая дружба съ ханомъ: не пойдете вы къ хану, если поляки ст нутъ васъ сильно притѣснять?

— У гетмана, отвѣчалъ Искра:—хоть и была съ ханомъ дружба, да по неволѣ, потому что поляки на насъ напали, а намъ, черкасамъ никто не давалъ помощи. Поэтому мы призвали хана въ помощь. Но ханъ хотя и подалъ намъ помощь противъ поляковъ, однако татары, послѣ того, насъ же самихъ разорили. Вѣрить крымскому хану нельзя, потому что онъ бусурманъ, и мы никогда не пойдемъ къ нему, а будемъ надѣяться на одного великаго государя. Если его царское величество не желаетъ нарушить мира съ поляками, то пусть пожалуетъ насъ: позволитъ перейти на порубежныя свои земли, около Путивля, и поселиться на границѣ литовской.

Въ этой просьбѣ видно было, невысказанное намѣреніе Хмельницкаго: въ случаѣ царскаго согласія, онъ могъ сдѣлаться вдругъ страшнымъ для поляковъ, и между тѣмъ, не только не покинуть Украины, а еще распространить ея предѣлы.

Дьякъ сразу понялъ, чего домогаются казаки и отвѣчалъ:

— Хорошо дѣлаетъ гетманъ со всѣмъ войскомъ, что къ бусурману не пристаетъ, а ищетъ милости царскаго величества. Пусть переходитъ гетманъ со всѣми черкасцами въ нашу сторону; есть у его царскаго величества земли большія, пространныя, привольныя: пусть

селятся по Дону, Медвѣдицѣ, на удобныхъ мѣстахъ, а въ порубежныхъ городахъ, на границѣ Литвы, имъ *селиться не годится*, потому что тогда будетъ у нихъ *съ поляками и Литвою большая ссора, и что подалѣ отъ нихъ и то лучше, безо всякаго будетъ задора.* По вѣчному нашему договору съ королемъ положено тѣхъ не возвращать, кто перейдетъ изъ Литвы къ намъ, а отъ насъ въ Литву; поэтому гетманъ со всѣмъ войскомъ можетъ перейти на земли его царскаго величества; отдачи не будетъ; и станутъ они жить въ милости и чести, и пожалуетъ ихъ государь большимъ жалованьемъ и пространными привольными землями [14]).

Въ это время Выговскій располагалъ гетмана и старшинъ на сторону царя. Онъ сносился съ путивльскими воеводами, передавалъ имъ извѣстія и однажды чуть было не поплатился за это жизнью, по случаю нескромности переносчика вѣстей, который разсказалъ казакамъ то, что долженъ былъ говорить Выговскому отъ воеводы, или воеводѣ отъ Выговскаго. Когда къ гетману прибыли царскіе посланцы, Василій Унковскій и подъячій Адрабьевъ, Выговскій имѣлъ съ ними тайный разговоръ и передалъ снимки съ писемъ польскаго короля, крымскаго хана и волошскаго господаря. Онъ снималъ со стѣны образъ Спасителя, цѣловалъ предъ гонцами, въ знакъ своей вѣрности, и говорилъ: „пока я здѣсь, то, съ Божьею помощью, надѣюсь удержать гетмана, и все запорожское войско, и царя крымскаго, и всю крымскую орду отъ нападенія на украинные города его царскаго величества, потому что и крымскій ханъ, и Ну-

---

[14]) Полн. собр. зак. росс. имнер. I. 263—265.

реддинъ, и мурзы, и кто у нихъ есть владѣтели — всѣ меня слушаютъ. Знаютъ всѣ, что, при Божьей помощи, я въ войскѣ запорожскомъ владѣтель во всякихъ дѣлахъ, и гетманъ, и полковники, и все запорожское войско меня слушаютъ и почитаютъ.“ Вліяніе Выговскаго на дѣла извѣстно было сосѣдямъ. и потому всѣ обращались къ нему съ разными выгодными предложеніями. Ракочи приглашалъ его оставить гетмана и пріѣхать къ нему, обѣщая полторы тысячи червонцевъ въ годъ, начальство надъ своимъ войскомъ и нѣсколько городовъ во владѣніе. Выговскій показывалъ это письмо царскимъ гонцамъ и увѣрялъ, что предпочитаетъ всему царскую милость. Впрочемъ. предусмотрительный писарь заранѣе искалъ для себя лично пріюта и опоры у царя, еслибъ положеніе его измѣнилось въ Украинѣ. — „Есть здѣсь многіе. говорилъ онъ тѣмъ же гонцамъ: — которые станутъ гетмана подговаривать, чтобъ онъ былъ подъ началомъ у турецкаго царя и у крымскаго. а у меня того и на умѣ нѣтъ, чтобъ мнѣ куда нибудь помыслить, кромѣ царскаго величества; лишь бы великій государь пожаловалъ меня, — холопа своего. велѣлъ обнадежить своею государскою милостью, велѣлъ бы ко мнѣ прислать свою государеву грамату за рукою думнаго дьяка, чтобъ ни гетманъ и никто о томъ невѣдали, и если его государева милость ко мнѣ будетъ, я съ отцомъ своимъ, и съ братьями, и съ иными пріятелями, пріѣду къ великому государю, и многіе лучшіе люди запорожской земли пойдутъ за мною къ нему, да и о гетманѣ е думаю, чтобъ онъ невѣрнымъ поддался“ [15]).

[15]) Чтенія импер. м. общ. 1858 I. 32.

Но между тѣмъ реестръ кончился; реестровые списки внесены въ гродскія книги; всѣ, которые не вошли въ ограниченное число казаковъ, должны были снова работать панамъ и содержать польскихъ жолнеровъ. Литовское войско вошло въ Сѣверщину. Часть короннаго войска перешла на лѣвый берегъ Днѣпра [16]). Бѣгство въ Московское государство стало затруднительно; самъ Хмельницкій издалъ универсалъ, въ которомъ запретилъ переходить на слободы и приказывалъ служить панамъ. „Ужъ теперь (писалъ онъ) не годится дѣлать того, что дѣлалось прежде: никому не будетъ пощады, кто не хочетъ покориться!"

Но жители не думали о повиновеніи ни панамъ, ни жолнерамъ, и ни самому казацкому гетману. Они зарывали въ землю свое имущество, жгли хаты, загоняли скотъ и завозили хлѣбъ, овесъ и сѣно въ укрѣпленныя мѣстечки, куда и сами прятались съ семействами. „Бѣдный жолнеръ (говоритъ польскій лѣтописецъ) долженъ былъ кровью добывать насущный хлѣбъ. Весною, едва началъ сходить снѣгъ, уже вся Украина была въ огнѣ.

На Заднѣпріи, по Бугу и Днѣстру, оставшіеся жители скрывались по лѣсамъ и оврагамъ, такъ что полякъ не могъ ни пройти, ни проѣхать, безъ вооруженной команды. Въ разныхъ мѣстахъ Украины появились народные предводители, которые или сами домогались гетманскаго достоинства, или хотѣли ввѣрить его кому нибудь другому вмѣсто Хмельницкаго. Хмелецкій, дворянинъ, промѣнявшій свои шляхетскія граматы на ка-

---

16) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 2.

зацкую волю, на правой сторонѣ Днѣпра собиралъ недовольныхъ и готовился лишить Хмельницкаго гетманства [17]). На лѣвой сторонѣ Днѣпра, около Лубенъ, мятежные хлопы избрали себѣ предводителемъ какого то Бугая и дрались съ жолнерами [18]). Около Нѣжина составилось сильное ополченіе, подъ начальствомъ Лукьяна Мозыры [19]); Хмельницкій лишилъ его корсунскаго полка и назначилъ на его мѣсто своего шурина Золотаренка. Подъ знамена Мозыры становились тѣ, которые равнымъ образомъ ненавидѣли и пановъ и своего гетмана, и вскорѣ это ополченіе стало такъ сильно, что два отряда, посланные противъ него Калиновскимъ изъ за Днѣпра, были разбиты, и, наконецъ, Потоцкій, сынъ покойнаго гетмана, явившись на лѣвомъ берегу, не смѣлъ вступить съ Мозырою въ дѣло и поскорѣе убѣжалъ назадъ [20]). Въ миргородскомъ полку, въ селеніяхъ Липовомъ и Рябухѣ, произошла ссора между жолнерами и жителями [21]). Польскіе начальники разбирали это дѣло и, подъ видомъ наказанія, казнили многихъ жителей, истребили мятежныя селенія до основанія, не щадя ни пола, ни возраста [22]). Тогда миргородскій полковникъ Гладкій, не показывая полякамъ явнаго неудовольствія, составилъ съ казаками тайный заговоръ, чтобъ въ назначенный день, по данному сигналу, во всемъ миргородскомъ полку перебить всѣхъ жолнеровъ. Для

---

17) Истор. о през. бр.
18) Annal. Polon. Clim. I. 318.
19) Истор. Мал. Росс. Бант. Кам. I. прим. 303.
20) Annal. Polon. Clim. I. 318.
21) Лѣтоп сам: 19.
22) Лѣтоп. Величка. I. 140.

этого избрано свѣтлое воскресенье. Поляки предались праздничнымъ забавамъ. Тогда жители бросились на враговъ и произвели страшное кровопролитіе [23]). Примѣръ этотъ ободрилъ жителей и другихъ полковъ. Около Мглина и Стародуба произошла подобная рѣзня надъ литовцами, послѣ чего жители, страшась мщенія, стали разбѣгаться по лѣсамъ и вести гайдамацкую войну [24]).

Положеніе Хмельницкаго было часъ отъ часу опаснѣе. Вооруженныя толпы готовились идти на Чигиринъ и растерзать предводителя. Среди всеобщаго возстанія, Хмельницкій принужденъ былъ успокоить хотя нѣсколько русскій народъ и позволилъ записываться въ реестръ, и такимъ образомъ въ то время, когда королю представленъ былъ списокъ съ двадцатью тысячами, въ Украинѣ существовалъ другой реестръ, въ которомъ казаковъ записано было болѣе сорока тысячъ, какъ было послѣ зборовскаго мира.

Вѣсть объ этомъ увеличеніи войска дошла до Калиновскаго. Коронный гетманъ счелъ такой поступокъ за явное несоблюденіе договора и написалъ Хмельницкому письмо съ укоризнами.

Хмельницкій принялъ смиренный видъ обиженной справедливости передъ депутатами Калиновскаго.

— Боже мой! говорилъ онъ: — коронному гетману такъ хочется нарушить миръ, что онъ радъ утопить меня въ ложкѣ воды. —

„Точно, я позволилъ казакамъ записываться въ реестръ (писалъ онъ Калиновскому), но это сдѣлано бы-

---

[23]) Лѣтоп. сам. 19.—Истор. о през. бр.

[24]) Лѣт. сам. 20.

ло по необходимости. потому что они бы меня самого убили, сдѣлано для пользы самихъ поляковъ, чтобъ укротить и усыпить на время необузданное хлопство. Повѣрьте, гетманъ, я всѣми силами стараюсь о спокойствіи, но на все нужно время. Въ доказательство же моей готовности быть вѣрнымъ Рѣчи Посполитой, я желаю самъ, чтобъ виновные по суду были преданы казни" [25]).

Послѣ этого гетманъ послалъ къ королю жалобу на притѣсненія простаго народа жолнерами, разсказывалъ объ убійствахъ и злодѣяніяхъ, совершаемыхъ надъ русскимъ народомъ, представлялъ, что поляки нарушаютъ миръ и подаютъ поводъ къ новымъ безпокойствамъ но не оправдывалъ мятежей русскаго народа и просилъ разбирательства о виновныхъ [26]).

Король и сенаторы были тогда снова раздражены противъ Хмельницкаго. Василій Лупула приказалъ остановить посла его въ Константинополѣ и переслалъ въ Польшу письмо Хмельницкаго къ турецкому правительству. Въ этомъ письмѣ казацкій гетманъ, по прежнему, просилъ помощи и защиты у турокъ противъ поляковъ [27]). „Поляки (говоритъ историкъ) [28]) сочли за лучшее отвѣчать на коварство Хмельницкаго коварствомъ."

Канцлеръ, отъ имени короля, написалъ къ нему вѣжливое письмо.

„Его величество и вся Рѣчь Посполитая принимаютъ

---

[25]) Annal. Polon. Clim. I: 318—319.

[26]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 103.

[27]) Annal. Polon. Clim. I. 302—319

[28]) Histor. ab exc. Wlad. IV 101.

съ большимъ сожалѣніемъ непріятное извѣстіе, что, послѣ столь недавняго примиренія, опять возникаютъ несогласія между обоими войсками, а потому, для водворенія порядка и для открытія зачинщиковъ смутъ, назначена коммиссія, которой членами избраны кіевскій воевода, Михаилъ Аксагъ, Гіеронимъ Завиша и Маховскій. Съ своей стороны, гетманъ Хмельницкій долженъ показать всю строгость надъ нарушителями мира и врагами общественнаго спокойствія изъ казаковъ, если окажется, что они первые подали поводъ, и впередъ употреблять надъ ними суровыя мѣры, а равнымъ образомъ не допускать ихъ оставлять счастливыхъ береговъ Днѣпра, дѣйствовать для успокоенія казаковъ, охранять права владѣльцевъ и войска вмѣстѣ съ гетманомъ Калиновскимъ."

Хмельницкій, съ казацкой стороны, назначилъ въ эту коммиссію кіевскаго полковника. Калиновскій прислалъ отъ войска Ляндскоронскаго [29]).

Эта коммиссія обвинила и присудила къ смертной казни Хмелецкаго, Мозыру, Гладкаго, войсковаго судью Гуляницкаго, и другихъ, которыхъ имена неизвѣстны. Хмельницкій безъ сопротивленія подписалъ смертный приговоръ [30]), показывая видъ, какъ будто онъ дѣлаетъ это по волѣ полковниковъ, а не по своему произволу [31]).

Мозыра первый былъ схваченъ и повѣшенъ съ соучастниками [32]). Гладкому отрубили голову. Современ-

---

[29]) Annal. Polon. Clim. I. 321.

[30]) Истор. о през. бр.—Лѣтоп. мал.

[31]) Памятн. кіевск. момм. III. 3. 84.

[32]) Annal. Polon. Clim. I. 321

никъ говоритъ [33]), что онъ казненъ не столько за возмущеніе, сколько за личную вражду съ Хмельницкимъ: возвращаясь изъ подъ Берестечка, онъ не отказывался, подобно Джеджалыку и Богуну, отъ булавы, и имѣлъ намѣреніе сдѣлаться гетманомъ вмѣсто Хмельницкаго, котораго недовольное казачество готово было тогда выдать полякамъ. Извѣстно, что Гладкій и принесъ это согласіе народа въ польскій лагерь. Кромѣ того, Гладкій былъ недоволенъ сношеніемъ Хмельницкаго съ турками и внушалъ казакамъ опасеніе попасться подъ иго невѣрныхъ. Хмелецкій былъ схваченъ въ расплохъ въ Паволочѣ и тутъ же, на базарѣ, ему отрубили голову. Гуляницкій былъ счастливѣе: онъ скрылся въ монастырѣ, потомъ пробрался въ Молдавію [34]). Кромѣ этихъ осужденныхъ, по разнымъ мѣстамъ Украины, частью по приговору коммиссій и частью по волѣ гетмана рубили головы, вѣшали, сажали на колъ. Около этого времени, по сказанію одной лѣтописи [35]), былъ казненъ въ Кіевѣ, на площади, Гурскій, виновникъ берестечскаго пораженія. Хмельницкій постановилъ, чтобы при каждой польской хоругви были казацкіе депутаты для отвода квартиръ, и издалъ универсалъ, въ которомъ запрещалъ народу помышлять, чтобъ казацкій гетманъ позволилъ имъ когда либо сопротивляться воинскому постою, или неповиноваться владѣльцамъ [36]).

---

[33]) Лѣтоп. сам. 19.

[34]) Истор. о през. бр.

[35]) Кратк. ист. опис. о Мал. Росс. 25.

[36]) Annal. Polon. Clim. I. 321. — Собственнор. универ. Хмельниц. (рукоп.)

Поляки были довольны этимъ явнымъ знакомъ покорности; но Хмельницкій, угождая врагамъ, угождалъ самому себѣ.

Не прошло и мѣсяца послѣ такихъ признаковъ покорности, какъ Хмельницкій былъ уже въ состояніи сбросить съ себя личину и снова явиться врагомъ поляковъ и защитникомъ русскаго народа.

Бѣлоцерковскій договоръ остался неутвержденнымъ на сеймѣ, потому что этотъ несчастный сеймъ открылъ собою рядъ гибельныхъ, разрушительныхъ національныхъ собраній въ Польшѣ. На немъ, между прочимъ, хотѣли судить и предать безславію нѣкоторыхъ богатыхъ и своевольныхъ пановъ; они подкупили одного литовскаго посла, Сицинскаго; этотъ посолъ *сорвалъ* сеймъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что засѣданіе его продолжалось долѣе опредѣленнаго времени. Хмельницкій тогда имѣлъ право считать этотъ договоръ недѣйствительнымъ; онъ и прежде предвидѣлъ, что поляки скоро подадутъ ему предлогъ разорвать унизительный миръ, а потому тотчасъ по заключеніи бѣлоцерковскаго договора послалъ турецкому падишаху такое письмо: „Ваше царское величество обѣщали намъ прислать на помощь крымскаго хана и еще иное войско изъ Добруджской земли, но мы не желая праздно провождать время при помощи высочайшаго Бога, имѣли съ ляхами ужасную битву и такъ какъ помощь изъ Крыма и Добруджи къ намъ опоздала, то намъ пришлось заключить съ ляхами миръ, но достойный, безъ нарушенія прежней дружбы съ крымскимъ ханомъ, которую желаемъ сохранить до конца дней своихъ, равно какъ и быть вѣрными подданными вашего царскаго величества. Султанъ

Нуреддинъ, находясь съ нами въ битвахъ, держалъ себя мужественно, какъ подобаетъ доброму союзнику, а потому достоинъ почета и награды отъ вашего царскаго величества. Хотя мы и помирились съ ляхами, но держимъ ихъ въ рукахъ. Поэтому покорно просимъ ваше царское величество, послать свои граматы къ хану крымскому и повелѣть, чтобы онъ хранилъ съ нами дружбу и находился при насъ во всѣхъ сраженіяхъ, что и мы, съ своей стороны, взаимно ему обѣщаемъ" [37]).

Расхваливъ падишаху султана Нуреддина и приписавъ ему болѣе того, что онъ сдѣлалъ для казаковъ, Хмельницкій заключилъ договоръ съ нимъ и съ Карачь-Мурзою. Они стояли уже на границѣ Украины, съ двадцатью тысячами татаръ, и готовы были вступить, по мановенію Хмельницкаго. Какъ только гетманъ узналъ, что бѣлоцерковскій трактатъ не утвержденъ польскою націею и, слѣдовательно, необязываетъ болѣе Украины, онъ пригласилъ татаръ и приказалъ казакамъ готовиться въ походъ налегкѣ, безъ возовъ и пожитковъ [38]).

Молдавскій господарь, наказанный за нарушеніе даннаго слова, въ 1650 году, по совѣту поляка Кутпарскаго, снова обѣщалъ отдать домну Локсандру за Тимоѳея, но просилъ отсрочки на годъ, извиняясь молодостью невѣсты. Съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли, онъ старался всячески вредить Хмельницкому, и, можетъ быть, Богданъ не окончилъ бы такъ несчастливо своей войны, еслибъ молдавскій господарь не передавалъ полякамъ перехваченныхъ его писемъ и не возбуждалъ

---

[37]) Рукопись министер. иностр. дѣлъ.

[38]) Лѣтоп. Величка I. 107—109.

противъ него хана, извѣщая послѣдняго о сношеніяхъ казацкаго гетмана съ московитянами. Послѣ бѣлоцерковскаго мира, Лупула продолжалъ искусно вредить Хмельницкому и вооружилъ противъ себя хана: надѣясь на силу поляковъ, онъ не побоялся задержать крымскаго посла и отнять у него письма [39]). Отъ этого ханъ съ большимъ радущіемъ предложилъ Хмельницкому помощь, и снова называлъ его любезнымъ другомъ и союзникомъ [40]).

Приготовляясь заранѣе къ войнѣ, Хмельницкій еще разъ написалъ къ Лупулѣ и намоминалъ ему, что давно пора исполнить обѣщаніе. Лупула снова отвѣчалъ ему отказомъ, отдѣлываясь разными отговорками, изъ которыхъ Хмельницкій видѣлъ его явное нежеланіе [41]).

Тогда, по увѣренію одной лѣтописи [42]), Хмельницкій написалъ къ Лупулѣ въ такомъ тонѣ: „Сосватай, господарь, дщерь свою съ сыномъ моимъ, Тимоѳеемъ, и тобі] добре буде, а не видаси —изотру, изомну и останку твоего не останеться, и вихремъ прахъ твой размечу по воздуси".

Лупула чрезъ Кутнарскаго извѣстилъ Калиновскаго объ угрожающей опасности и просилъ самого короля о заступленіи.

„Извѣстно вашему величеству (писалъ онъ), что уже два года Хмельницкій, мятежникъ вашего величества, принуждаетъ меня къ тому, что унизительно для моего до-

---

[39]) Annal. Polon Clim. I. 320.

[40]) Ibid. 335.

[41]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 102.

[42]) Повѣст. о томъ, что случ. въ Украинѣ. 19.

стоинства. Снова, надменный успѣхами, требуетъ онъ сыну своему, Тимоѳею, обѣщанную невѣсту, дочь мою, единственное утѣшеніе моей старости, и грозитъ оружіемъ, если я не удовлетворю его: уже слышу звукъ непріязненнаго войска, которое готовитъ на меня Тимоѳей съ Карачь-Мурзою. Онъ рѣшился овладѣть моею дочерью, хотябъ умертвивъ отца ея, и называетъ ее своимъ достояніемъ, ссылаясь на обѣщаніе мое, два года назадъ, вынужденное оружіемъ. Ради вѣрности моей къ Рѣчи Посполитой, ради моего владѣтельнаго достоинства, ради обѣта, даннаго поляками, умоляю, чтобъ Калиновскій не допустилъ свободно пройти въ Молдавію казакамъ и татарамъ, ихъ союзникамъ. Предстоитъ удобный случай уничтожить ихъ, безпечныхъ, непомышляющихъ о нападеніи. Казаки такъ много преступили противъ поляковъ, что Польша должна защищать меня отъ несправедливаго насилія, меня, живущаго подъ крыломъ польскаго орла".

Король въ то время готовился идти въ Пруссію и утѣшалъ господаря тѣмъ, что Хмельницкій, быть можетъ, только стращаетъ своимъ походомъ. Онъ обѣщалъ ему помощь. Хмельницкому попалась въ руки эта корреспонденція [43]).

Между тѣмъ Калиновскій, по просьбѣ Лупулы, сталъ лагеремъ на берегу Буга, близь горы Батога, или Батова, неподалеку отъ Ладыжина, и готовился преградить путь Тимоѳею. Польское войско состояло, по сказанію украинскаго лѣтописца, изъ пятидесяти тысячъ [44]),

---

[43]) Histor. ab exc. Wlad IV. 102.

[44]) Лѣтоп. Величкн. I, 108.

а по извѣстію польскихъ современныхъ историковъ—[45]) изъ двадцати тысячъ слишкомъ. Изъ нихъ двѣнадцать тысячъ было конницы, а восемь пѣхоты, раздѣленной на восемь полковъ, въ каждомъ по тысячѣ человѣкъ. Это разногласіе, однако, разрѣшается: быть можетъ, польскій писатель считаетъ одних фронтовыхъ, а украинскій—всѣхъ годныхъ къ бою, которые были въ обозѣ. Войско польское не любило главнокомандующаго; полководцы были съ нимъ во всемъ несогласны, а Калиновскій, упрямый и строптивый, хотѣлъ всегда поставить на своемъ, хотя бы чужія мнѣнія очевидно были справедливы. Паны совѣтовали ему стать близь Брацлава или Райгорода, но Калиновскій выбралъ вовсе неудобное мѣсто; впереди лагеря была рѣка Бугъ; съ другихъ сторонъ окружали поляковъ лѣса и болота; гора Батогъ, съ обрывами, возвышалась позади избраннаго мѣста [46]). Калиновскій напоминалъ всѣмъ, что онъ главнокомандующій и дѣлалъ такъ, какъ не хотѣлось другимъ.

Для Хмельницкаго ничего не могло быть желаннѣе этого повода къ начатію войны, который сами поляки подавали ему. Онъ могъ одолѣть непріятеля, разрушить унизительный договоръ и ясно доказать предъ цѣлымъ свѣтомъ, что виною разрыва непріятели. И вотъ казацкій гетманъ собралъ четыре казацкихъ полка чигиринскій, черкасскій, переяславскій и корсунскій [47]) да пять тысячъ крымцевъ, подъ начальствомъ Нурреди-

---

[45]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 104 —Latop. Jerl.

[46]) Wojna dom. Ч. 2. 70—71.

[47]) Рукоп. Имп. П. Библ. N. 63.—Ks. pam. Jak. Michal. 658.

на и двинулся къ Ладыжину [48]). Четырнадцать тысячъ ногайцевъ, подъ предводительствомъ Карачь-Мурзы, пошли дорогою; они должны были переправиться чрезъ Бугъ, ниже урочища Батога, и ударить на поляковъ въ назначенное время: гетманъ заранѣе разсчиталъ день, въ который казаки и татары могли съ разныхъ сторонъ сойтиться и напасть на непріятеля. Не доходя за нѣсколько десятковъ верстъ до Ладыжина, Хмельницкій послалъ къ Калиновскому слѣдующее письмо:

„Хмельницкій Калиновскому, русскій гетманъ польскому, желаетъ здравія. Не хочу скрывать предъ вашею вельможностью, что своевольный сынъ мой, Тимоѳей, съ нѣсколькими тысячами войска, идетъ жениться на дочери молдавскаго господаря. Конечно, до этого нѣтъ никому дѣла, но я удивляюсь, что многочисленное польское войско, неизвѣстно для чего, стало при Батогѣ, какъ будто съ намѣреніемъ заступить дорогу моему сыну. Я прошу вашу вельможность, для спокойствія отечества, отступить съ своимъ войскомъ, тѣмъ болѣе, что польское войско стоитъ на мѣстѣ, вовсе неудобномъ для обороны. Я опасаюсь, чтобъ свадебные бояре, по легкомыслію, не завели ссоры съ войскомъ и сынъ мой, по своей юности, не вздумалъ искать первой удачи военнаго поприща“ [49]).

Отправляя это письмо, Хмельницкій написалъ въ немъ: *изъ Чигирина*, и поставилъ заднее число. Письмо это произвело различныя мнѣнія и догадки между поляками.

[48]) Лѣтоп. Величк. I. 110.

[49]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 102.

— Хмельницкій,—говорили одни:—теперь уже сталъ не тотъ, что былъ: онъ поступаетъ искренно, иначе, для чего бы ему указывать намъ неудобства нашего положенія? скорѣе бы онъ имъ воспользовался.

— Нѣтъ,—говорили другіе:—онъ все тотъ же измѣнникъ, какъ и былъ; онъ хочетъ заранѣе оправдаться, и выдумалъ, что сынъ ого идетъ безъ его позволенія. Онъ хочетъ опустошить Молдавію; намъ нельзя оставить безъ обороны вѣрнаго союзника Рѣчи Посполитой.

Другіе командиры не вѣрили Хмельницкому, однако совѣтовали гетману отойти съ дороги и не мѣшать пройти Тимоѳею, а между тѣмъ собрать войско изъ за Днѣпра. Особенно уговаривалъ Калиновскаго Пржіемскій, начальникъ артиллеріи, старый воинъ, посѣдѣвшій въ битвахъ во Франціи и Швеціи, гордившійся тѣмъ, что выдержалъ славную осаду подъ Бриссакомъ.

— Послушайте меня, старика,—говорилъ онъ:—я съ молоду красно говорить не учился, да дѣло смыслю; но вѣдь словами татарской сабли отъ шеи не отобьешь. Будетъ бѣда, если мы ихъ остановимъ: запьетъ казакъ нашею кровью свадебную пирушку; побьютъ у насъ лошадей, а потомъ загонятъ, какъ волковъ въ яму и кончится тѣмъ, что, или постыдно сдадимся, или напрасно погибнемъ. Уйди лучше, панъ гетманъ, съ конницею, а я съ нѣмецкою пѣхотою останусь здѣсь; мы спасемся; и если непріятель нападетъ на насъ, то станемъ обороняться, а ты между тѣмъ соберешь войско изъ за Днѣпра. Я тебѣ два мѣсяца обѣщаюсь биться противъ нихъ.—

Многимъ показался этотъ совѣтъ благоразумнымъ, но Калиновскій, по обыкновенію, не принялъ его.

„Хмельницкій боится насъ (говорилъ онъ) и болѣе ничего! сынъ его идетъ съ немногочисленнымъ войскомъ; теперь то и случай нанести ударъ врагу отечества. Смѣшно было бы, еслибъ я повѣрилъ коварному письму и не спасъ чести господаря въ такомъ трудномъ положеніи“.

На пущую бѣду полякамъ, посланный подъѣздъ привезъ вѣсти, нарочно распущенныя Хмельницкимъ, будто Тимоѳей идетъ только съ пятью тысячами. Тогда ничто не могло остановить Калиновскаго: онъ заранѣе восхищался, что лишитъ Хмельницкаго сына и отомститъ вполнѣ за стыдъ корсунскаго пораженія и постыдный плѣнъ свой. Для предотвращеніи нападѣнія въ тылъ, онъ отправилъ значительный отрядъ по направленію къ Ладыжину.

Войско, и безъ того неоживляемое ни любовію къ полководцу, ни надеждою на побѣду, пугалось тогда разными предзнаменованіями. Въ полночь увидѣли на ясномъ небѣ двѣ сверкающія метлы: онѣ стали вытягиваться и образовали мечъ, обращенный рукоятью къ востоку, а остріемъ на польскій обозъ. На другую ночь представились жолнерамъ въ воздухѣ изображенія вооруженныхъ войскъ, которыя какъ будто сражались между собою.

„И не только небеса и земля (говоритъ украинскій лѣтописецъ) предсказывали ляхамъ грозящую бѣду. Была подлѣ Ладыжина большая скала, нависшая надъ Бугомъ; тамъ было ущелье; съ недавняго времени сталъ отзываться оттуда голосъ на подобіе человѣческаго; онъ предсказывалъ будущее и отвѣчалъ на всѣхъ языкахъ, на какомъ бы къ нему ни обратились“. Никто не видѣлъ этого существа. Разно говорили о немъ. Одни почитали

его безтѣлесным духомъ, существующимъ въ одномъ голосѣ; другіе говорили, что это душа умершаго человѣка, заклятая въ камнѣ. Когда спрашивали имя его, онъ отвѣчалъ, что его зовутъ Спасовскимъ. Одинъ офицеръ французъ, бывшій въ польскомъ войскѣ, отправился къ этой скалѣ и чудное существо сказало ему по французски:

„Идите и скажите вашему гетману, чтобъ онъ поскорѣе ушелъ отсюда: прійдетъ сюда свирѣпый пьяница, который думаетъ ему остричь бороду; бритва у него острая: опасно, чтобъ съ бородой онъ не отрѣзалъ ему головы.“

Въ добавокъ къ этимъ предзнаменованіямъ, во время смотра, хорунжій упалъ съ лошади и гетманское знамя разостлалось по землѣ.

„Явный признакъ несчастія!“—кричали тогда жолнеры.

Калиновскій не вѣрилъ знаменіямъ, не слушалъ совѣтовъ и готовился къ нападенію.

Окопы сдѣланы были чрезвычайно широко; польское войско занимало почти цѣлую милю. Напрасно Пржіемскій увѣрялъ, что это повредитъ и представлялъ въ примѣръ Збаражъ: Калиновскій не измѣнилъ свой настойчивости и отговаривался, что придутъ скоро войска изъ за Днѣпра.

Въ то время, Хмельницкій приказалъ пяти тысячамъ татаръ идти впередъ, мимо польскаго лагеря, а Тимошъ съ частью казаковъ отправился заранѣе другимъ путемъ и перешелъ Бугъ, выше Ладыжина; старикъ Хмельницкій оставался назади, показывая видъ, будто не думаетъ нападать и только наблюдаетъ за сыномъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Батогская битва.—Истребленіе поляковъ.—Хмельницкій прибываетъ на поле битвы.—Письмо Хмельницкаго въ Польшу.—Осада Каменца.—Тимоѳей отправляется въ Молдавію.—Изгнаніе жолнеровъ изъ Украины.—Свирѣпства народа.—Сосновскіе.—Универсалъ Хмельницкаго.—Прибытіе Тимоѳея въ Яссы.—Свадьба Тимоѳея.—Возобновленіе осады Каменца.—Сеймъ въ Польшѣ.—Казацкіе послы на сеймѣ.—Польскіе коммиссары въ Чигиринѣ.—Народныя бѣдствія.

29-го мая (по другимъ 1-го іюня н. с., т. е. 22-го мая с. ст., по третьимъ 2 іюня) передовой отрядъ появился въ виду польскаго лагеря; онъ состоялъ бельшею частью изъ татаръ. Они не показывали никакого враждебнаго вида, какъ вдругъ поляки, по приказанію Калиновскаго, привѣтствовали ихъ залпомъ. Татары и казаки обращаются въ бѣгство.

— Они бѣгутъ,—закричалъ Калиновскій:—бейте невѣрныхъ! Сегодня суббота, день Божіей Матери! Впередъ!

Конница понеслась изъ обоза, и тысяча голосовъ огласили воздухъ именемъ Божіей Матери.

Союзники бѣгутъ все далѣе и далѣе, нарочно, чтобъ раздвоить войско; поляки ихъ преслѣдуютъ, какъ вдругъ позади ихъ поднялась пыль: летитъ съ малымъ отрядомъ ротмистръ Зелинскій.

— Назадъ! назадъ!—кричитъ онъ:—казаки въ тылу обоза! Казаки нападаютъ на обозъ!—

Конница стремительно поворотила назадъ, растерянная и испуганная внезапностью, а бѣгущіе, въ свою очередь, обратились вслѣдъ за ними, пуская стрѣлы и пули. Поляки добѣжали до обоза, союзники стали отъ поляковъ немного далѣе разстоянія пушечнаго выстрѣла.

Тимоѳей Хмельницкій напалъ на поставленный вдали отъ войска отрядъ и почти совершенно истребилъ его. Оставшіеся прибѣжали безъ памяти въ обозъ и извѣщали, что казаки чрезъ нѣсколько часовъ явятся за ними; отъ страха увѣряли они, что у непріятеля тысячъ сто.

Наступила короткая лѣтняя ночь. Смятеніе и паническій страхъ распространились въ конницѣ. Поляки столпились и начали разсуждать о своемъ положеніи.

— Гетманъ губитъ войско, кричали они:—черезъ него мы всѣ должны погибать! Зачѣмъ онъ завелъ насъ сюда? Зачѣмъ не послушался умныхъ людей, которые совѣтовали ему отступить? Зачѣмъ онъ не узналъ настоящимъ образомъ о силахъ непріятеля? развѣ для генерала существуетъ слово: „не ожидалъ?“ —

Ропотъ и неудовольствіе скоро перешли въ явное возмущеніе.

— Безумецъ! сумасбродъ! — кричала толпа:—его не научилъ татарскій плѣнъ! Ему опять хочется въ Крымъ. Такъ пусть же идетъ самъ, когда ему нравится: отдадимъ его татарамъ!

— Отдать его, отдать!—кричали голоса:—этимъ мы спасемъ себя! Зачѣмъ пропадать всѣмъ чрезъ одного глупца?—

— Нѣтъ, не татарамъ, кричали другіе:—отдадимъ его

Хмельницкому онъ за это пощадитъ все войско и еще наградитъ насъ.

Эти ужасныя слова пересказали Калиновскому. Онъ прибѣгаетъ къ мятежникамъ съ обыкновенною своею запальчивостью:

— Измѣнники! трусы! кричалъ онъ:—съ ума сошли вы отъ малодушія! Куда вы убѣжите? Въ рѣку топиться, что ли? Впередъ! Я приказываю! впередъ изъ обоза!—

Жолнеры отвѣчали ругательствами. „Кровь Калиновскаго, пощаженная татарами, чуть было не пролилась отъ польскихъ мечей“, говоритъ современникъ. Предводитель перемѣнилъ тонъ.

— Братья! соотечественники любезные! сослуживцы мои!—говорилъ онъ:—опомнитесь! Что за безуміе ослѣпило васъ? Прежде сраженія вы хотите погубить меня, вождя вашего и товарища. Но знайте, братья, я готовъ принесть въ жертву мои сѣдины, если только кровь моя искупитъ ваше малодушіе. Я предъ вами: убивайте меня; пусть я паду, но вы побѣдите!—

Эта германиковская выходка не обратила къ раскаянію воиновъ; они все таки сыпали проклятіе на своего командира и готовились бѣжать и отдаться врагамъ. Калиновскій оставилъ ихъ и побѣжалъ къ Пржіемскому совѣтоваться.

Но, чрезъ нѣсколько времени, на разсвѣтѣ, прибѣгаетъ къ нему сынъ его Самуилъ.

— Они бѣгутъ!—извѣщаетъ онъ.

— Нѣтъ, они не побѣгутъ!—закричалъ бѣшенный гетманъ. — Пушки впередъ! Пѣхота впередъ! Палите по нимъ! Бейте трусовъ. Я ихъ передѣлаю въ храбрыхъ!

лишить ихъ всякой надежды уйдти, такъ они у меня перестанутъ подличать и, по неволѣ, пойдутъ на непріятеля, когда смерть у нихъ будетъ и спереди и сзади.—

Артиллерія понеслась на бѣглецовъ; пѣхота побѣжала скорымъ маршемъ. Грянулъ залпъ, туча картечей и пуль повалила ряды поляковъ. Одни стоятъ, какъ мертвые, не въ силахъ произнести слова, другіе бѣгутъ безъ памяти, третьи, въ бѣшенствѣ, отвѣчаютъ пулями и бросаются на нѣмцевъ. Калиновскій приказываетъ повторить залпъ; начинается междуусобное сраженіе... но вдругъ въ обозѣ пожаръ... слуги, вѣроятно русскіе, можетъ быть и поляки, желавшіе прислужиться казакамъ, зажгли сѣно въ нѣсколькихъ мѣстахъ; въ минуту загорѣлись шатры и въ то же время, изъ за холма, съ страшнымъ крикомъ, появились казаки, которымъ дано было знать о смятеніи.

Нѣсколько минутъ казаки стояли какъ вкопанные, пораженные неожиданнымъ зрѣлищемъ. „Не хитрость ли это?“ говорили они сначала, но скоро поняли въ чемъ дѣло. Золотаренко, большой непріятель поляковъ, по выраженію польскаго лѣтописца, увидя пожаръ и междуусобіе закричалъ:

„Эй братці! дивіться, що ляхи роблють! Не мордуйтесь же, дурно січучі ляхівъ: голими руками іхъ заберемъ, въ іхній огонь іхъ заженемъ: сами подохнуть. Оттеперъ то, братці, помстімося за кривду нашу берестецьку, спалимъ, згубимъ нашихъ злодіивъ!“ Казаки стремительно бросились на враговъ съ разныхъ сторонъ.

Конница, непришедшая еще въ память отъ многихъ пуль и картечей, растерянная внезапнымъ и свирѣпымъ натискомъ казаковъ, бросилась въ разсыпную. Но ото-

всюду поражали ихъ враги. и густыя толпы поляковъ, словно робкое стадо, по выраженію современника, летѣли въ Бугъ. Нѣсколько тысячъ утонуло въ одно мгновеніе. Испуганные участью товарищей, другіе бросились въ обозъ, но казаки погнались за ними и вогнали въ огонь. Другіе бѣжали въ поле, въ лѣсъ, въ болото; казаки гонялись за ними, перерѣзывали дорогу, заходили съ боковъ, стрѣляли, рубили, кололи со всѣхъ сторонъ. Храбрѣйшіе, видя, что смерть неизбѣжна, столпились около гетмана и, въ отчаяніи, рѣшились дать отпоръ непріятелю, но всеобщее смятеніе лишило ихъ возможности прійдти въ порядокъ; дымъ горящаго лагеря закрывалъ имъ глаза.

„Я не хочу болѣе жить! (кричалъ Калиновскій) мнѣ стыдно смотрѣть на это восходящее солнце!“

Онъ бросился въ толпу непріятеля, искалъ смерти, получилъ нѣсколько ранъ, загнанный между деревьевъ: тамъ татарская стрѣла нанесла ему окончательный ударъ.

Враги отрубили мертвому гетману голову и доставили Нуреддину. Султанъ приказалъ нести ее предъ собою и торжественно показывалъ казакамъ. Подлѣ него ѣхалъ Золотаренко.

— Здохла собака (кричалъ онъ), теперь уже не вкусить. —

— Не доплатилъ намъ окупу (говорилъ Нуреддинъ), обѣщалъ прислать въ Крымъ и не сдержалъ слова.—

— Дайте его голову намъ (сказалъ Золотаренко): ми ніи пошлемо до нашого батька Хмельницкаго.

И казаки отнесли эту голову въ подарокъ своему гетману, въ доказательство своей побѣды.

Нѣмецкая пѣхота, состоявшая изъ восьми полковъ, стала въ углу, образуемомъ рѣкою Бугомъ, и рѣшилась не погибнуть безъ отпора. Начальство принялъ Марко Собѣскій, братъ Яна; мужественно отбили они нападавшихъ казаковъ.

Но вдругъ, будто сильный дождь изъ облака, или вихорь пустынный, по выраженію украинскаго лѣтописца, Карачъ-мурза, съ четырнадцатью тысячами ногайцевъ, бросился на нихъ въ тылъ изъ за другой стороны горы Батога. Ужасный крикъ огласилъ воздухъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ, разрѣзываемая насквозь, пѣхота смѣшалась и, противъ воли, положила оружіе; татары и казаки рубили ее по всѣмъ направленіямъ.

Собѣскій былъ убитъ.

„Многаго лишилось въ немъ отечество (говоритъ современникъ), а еще болѣе родная мать, но никто не умѣетъ выразить печали, кромѣ того, кто ее чувствуетъ."

На протяженіи нѣсколькихъ миль, казаки, въ разсыпную, гонялись за бѣгущими воинами, поражая ихъ копьями и выстрѣлами, вытаскивали изъ болота и кустовъ и умерщвляли. Напрасно поляки бросали оружіе и молили о пощадѣ. „Не было къ нимъ милости за ихъ тиранства и *здырства*",—говоритъ украинскій лѣтописецъ, татары хотѣли щадить ихъ, чтобъ взявши въ плѣнъ, отпустить за выкупъ, но казаки заплатили мурзамъ, за то, чтобъ не мѣшали имъ истребить враговъ. Нѣкоторые удачно переплыли чрезъ Бугъ, но не избавились отъ гибели: изъ окрестныхъ селъ и хуторовъ сбѣжались русскіе хлопы, обрадованные вѣстью освобожденія, и добивали бѣглецовъ косами и дубинами. Двадцать тысячъ поляковъ погибло въ этой несчастной битвѣ; по-

ловина изъ нихъ пала подъ картечами и пулями собственной артиллеріи и пѣхоты, и утонула въ Бугѣ, прочіе были истреблены казаками и хлопами по полю. „Отъ се вамъ за Берестечко! отъ се вамъ за Трилісы! отъ се вамъ за унию! отъ се вамъ стацыі" приговарили русскіе избивая ихъ.

Нѣкоторые поляки избавились отъ смерти тѣмъ, что одѣвались въ женское платье и садились въ арбы вмѣстѣ съ татарками; другимъ татары вымазывали порохомъ лицо, третьи прятались по шею въ тинѣ... Немногіе успѣли перейти Бугъ, но и тѣ погибли отъ хлоповъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Самуилъ, сынъ Калиновскаго; въ деревнѣ Бубновкѣ обломился подъ нимъ мостъ, прискочили мужики и не дали ему выкарабкаться изъ воды. Разсказываютъ, что молодая жена этого пана, не дождавшись своего мужа изъ подъ Батога и не сомнѣваясь, что онъ не былъ счастливѣе цѣлаго войска, отъ горести ничего не ѣла и не пила, и думала уморить себя. Лекаря уговаривали окружавшихъ увѣрить ее, что Самуилъ живъ и находится въ татарской неволѣ. Бѣдная вдова продавала свои драгоцѣнности и раздавала на выкупъ супруга, а добрые люди нарочно поддерживали въ ней пустую надежду, чтобъ попользоваться ея богатствомъ.

Старый Хмѣльницкій, получивъ въ подарокъ отъ сына голову Калиновскаго, отправилъ извѣстіе брату его, вмѣстѣ съ Потоцкимъ стоявшему съ войскомъ за Днѣпромъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ знакъ поруганія, послалъ ему остриженнаго коня съ веревкою вокругъ шеи, свитою изъ гривы и хвоста. Подождавъ, пока казаки безъ него окончатъ пораженіе войска, Хмельницкій, на третій день

сраженія, явился въ обозъ, показывалъ видъ неудовольствія, гнѣвался на сына и на казаковъ за кровопролитіе, обласкалъ тридцать поляковъ, взятыхъ въ плѣнъ, увѣрялъ ихъ, что вся эта бойня сдѣлана своевольными, противъ его желанія, и, въ доказательство своей невинности, приказалъ отъискать трупъ Калиновскаго: въ карманѣ его одежды нашли предостерегательную записку Хмельницкаго. Онъ обдарилъ шляхтичей и позволилъ имъ свободно отправиться въ Польшу. Распросивши татаръ, гетманъ узналъ, что они спасли отъ разъяренной толпы еще двѣсти пятьдесятъ шесть человѣкъ; онъ благодарилъ ихъ за это человѣколюбіе, выкупилъ плѣнниковъ, отправилъ ихъ въ Чигиринъ, приказывалъ казакамъ обращаться съ ними съ почтеніемъ и обѣщалъ немедленно выкупить, какъ скоро получитъ заплаченныя за нихъ деньги. Какъ побѣдитель, онъ взялъ себѣ всю артиллерію изъ пятидесяти семи орудій, а прочее предоставилъ союзникамъ; но татары были этимъ очень недовольны, потому что не взяли ничего; весь лагерь сдѣлался добычею пламени. Литовскій канцлеръ въ своихъ запискахъ говоритъ, что Калиновскій прежде накликалъ на себя ненависть Хмельницкаго. Онъ подговорилъ какого-то казака Бублика свести со свѣта казацкаго гетмана, но убійца не успѣлъ совершить порученія, былъ схваченъ и на пыткѣ показалъ тайну [1]).

---

[1]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 103 — 104. — Woyna dom. Ч. 3. 69 — 74. — Annal. Polon. Clim. I. 321 — 330. — Histor. belli. cosac. polon. 218 — 221. — Лѣтоп. Величкн. I. 106 — 114. — Кратк. истор. о бунт. Хмельн. 42. — Кратк. истор. опис. о каз. мал. нар. 66. — Latop. Jerl. 136—138. Histor. Jan. Kaz. I. 144.—150. Jak. Micha. Ks. Pam. 654—656 659.—Pam. Albr. Radz. II. 470.

Хмельницкій надѣялся тогда, что господарь, узнавъ о побѣдѣ его, согласится на бракъ, и потому не пустилъ болѣе татаръ въ Молдавію. Задержавъ своего сына при себѣ, онъ написалъ Лупулѣ письмо, въ которомъ, по сказанію современника, выражался такъ:

„Не изволь, вельможный господарь, пренебрегать союзомъ со мню и отказывать въ своей дочери. Самъ услышишь, какое незагладимое пораженіе нанесъ я ляхамъ и убилъ въ нихъ воинственный духъ такъ, что они теперь не осмѣлятся воевать и не только примутъ такой миръ, какой я самъ дамъ имъ, но униженно будутъ испрашивать зборовскаго договора, столько разъ ими нарушеннаго. Не хвались своимъ происхожденіемъ и предками: больше чести сдѣлаться великимъ своимъ искусствомъ, чѣмъ быть обязаннымъ величіемъ только рожденію и титуламъ. Притомъ, если ты не согласишься по доброй волѣ, то исполнишь мое желаніе по неволѣ.“

Война была начата и Хмельницкій хотѣлъ воспользоваться временемъ, пока не собралось польское войско, чтобъ отнять снова Подоль, и потому тотчасъ изъ подъ Ладыжина вступилъ съ войсками въ подольскую землю и занялъ Винницу. Въ то же время, показывая видъ будто не имѣетъ никакого намѣренія дѣлать Польшѣ вредъ, онъ послалъ къ королю письмо и оправдывалъ себя за разбитіе войска.

„Сынъ мой (писалъ онъ) шелъ на свадьбу, какъ вдругъ Калиновскій остановилъ его на дорогѣ, въ противность правамъ мира, когда и Богъ не отнимаетъ земли и воды ни у добрыхъ, ни у злыхъ. Я предостерегалъ гетмана и совѣтовалъ уступить съ дороги. Простите, ваше величество, моихъ казаковъ, если они, какъ весе-

лымъ людямъ свойственно, простерли слишкомъ далеко свою шалость.“

Чтобъ не допустить народъ до волненія, гетманъ послалъ по сосѣднимъ городамъ Украины и Подоліи универсалъ, въ которомъ описывалъ, какъ случилось пораженіе Калиновскаго и выражался такъ:

„Исполняя данный мною обѣтъ Рѣчи Посполитой, я предостерегалъ свирѣпаго Калиновскаго, но онъ посмѣялся моимъ убѣжденіямъ, и завязалъ сраженіе, которое, при Божіей помощи окончилось совершеннымъ пораженіемъ поляковъ, какъ обыкновенно бываетъ съ грабителями и разбойниками, нападающими скрытно на путешественниковъ въ дорогѣ“ [2]).

Хмельницкій, въ заключеніе приказывалъ народу не поднимать мятежа, но быть готовымъ на случай нападенія со стороны поляковъ [3]).

Татары требовали, чтобъ Хмельницкій позволилъ имъ ворваться въ Польшу загонами; казаки также совѣтовали идти на Львовъ, но Хмельницкій не хотѣлъ опустошать русской земли, и безъ того слишкомъ пострадавшей; а чтобъ отвлечь ихъ отъ этого предпріятія, обѣщалъ имъ добычу въ Каменцѣ и рѣшился обратить всѣ силы на эту важную крѣпость. Еслибъ она была завоевана, онъ былъ бы увѣренъ, что Подоль остается въ рукахъ его. Онъ полагалъ, что свѣжій страхъ батогскаго пораженія не дастъ полякамъ скоро опомниться и заставитъ ихъ отдать крѣпость, потому и написалъ къ жителямъ Каменца и къ гарнизону крѣпости ласко-

---

[2]) Истор. о през. бр.

[3]) Histor. ab exc. Wlad. IV.

вое письмо, въ которомъ просилъ впустить въ крѣпость сына его Тимоѳея, съ цѣлью отъискать тамъ личныхъ враговъ своихъ, будто бы ушедшихъ отъ пораженія.

17-го іюня, городъ Каменецъ послалъ къ Хмельницкому отвѣтъ, въ которомъ гетмана казацкаго сравнивали съ безбожнымъ Никанoромъ, бичомъ іудеевъ. Хмельницкій двинулся на Каменецъ, но долженъ былъ оставить свое намѣреніе: изъ Украины пришли угрожавшіе слухи о вторженіи польскаго войска; говорили даже, будто король вступаетъ въ русскую землю и хочетъ огнемъ и мечемъ принудить ее къ повиновенію. Сверхъ того, Тимоѳей просилъ отца отпустить его въ Молдавію. „Влюбленнаго юношу (говоритъ польскій историкъ) болше занимала мысль о бракѣ, чѣмъ о взятіи крѣпости; нетерпѣніе терзало его, когда онъ былъ столь близокъ отъ Волощины, гдѣ находилась его возлюбленная, когда онъ дышалъ съ нею однимъ воздухомъ и мѣнялся частыми вздохами [4]). Хмельницкій отошелъ въ Украину".

Войско, испугавшее казаковъ, находилось дѣйствительно позади ихъ, но совсѣмъ по другому побужденію, нежели они предполагали. Братъ Калиновскаго не зналъ еще о погибели войска и хотѣлъ поспѣшить на помощъ, а между тѣмъ, желая выместить обиды на русскомъ народѣ, позволялъ подчиненнымъ дѣлать на пути всякія притѣсненія и злодѣянія, но войско не успѣло еще перейти на правый берегъ, какъ вдругъ разнеслась громовая вѣсть [5]), и самъ Калиновскій получилъ отъ Хмель-

---

[4]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 170

[5]) Лѣтоп. самов. 20.

ницкаго извѣстіе съ остриженнымъ конемъ [6]). Предводители, чтобъ спасти жолнеровъ отъ мести народа, бросились съ войскомъ, котораго было четыре полка [7]), за Десну, для того, чтобъ соединиться съ литовцами, но толпы вооруженнаго народа осыпали жолнеровъ со всѣхъ сторонъ; тогда войско стремительно поворотило влѣво, побросало весь багажъ и, спасая единственно жизнь, переправилось чрезъ Днѣпръ—пѣхота на лодкахъ и просто на бревнахъ, а конница вплавъ, и, какъ птицы, говоритъ лѣтописецъ [8]), полетѣло до Паволочи, а оттуда поскорѣе поспѣшило убраться на Волынь [9]). Однако это бѣгство стоило полякамъ не однихъ имуществъ: нѣкоторые отряды достались на жертву русскимъ. Предводитель одного изъ такихъ отрядовъ, Домарацкій, со многими панами стоявшій въ Прилукахъ, не успѣлъ убѣжать въ Польшу и, думая прорваться, какъ видно, въ Литву, бросился къ Конотопу, но казаки не дали имъ далеко уйти: они догнали ихъ у села Подлиннаго и, по приказанію прилуцкаго полковника Сомка [10]), отрубили имъ головы [11]).

Литовское войско также поспѣшило уйти изъ Сѣверщины съ такою же опасностью и потерями, какъ и коронное. Въ Стародубѣ и Мглинѣ многіе литовцы заплатили жизнью за право собирать стаціи и насиловать женщинъ [12]).

---

[6]) Истор. о през. бр.

[7]) Latop. Jerl. 139.

[8]) Annal. Polon. Clim. I. 334.

[9]) Истор. о през. бр.

[10]) Прежній прилуцкій полковникъ Тимоѳей Носачъ, получилъ чинъ войсковаго обознаго.

[11]) Лѣтоп. Величкн. I. 119.

[12]) Лѣтоп. самов 21.

Ненависть простаго народа обратилась снова на владѣльцевъ. Въ Кіевѣ въ то время проживало множество шляхтичей, боявшихся жить въ своихъ домахъ. Какъ только разнеслась вѣсть въ городѣ о батогожскомъ пораженіи, они разбѣгались въ такомъ страхѣ, что покидали на дорогѣ возы съ припасами и одеждою и сожигали свои вещи, о чемъ очень сожалѣли, когда пришли въ память. Надъ тѣми, которые не успѣли убѣжать, повторялись сцены прежнихъ годовъ; доставалось не только виновнымъ, но и невиннымъ; не уважалась ни добродѣтель, ни кротость. Благочестивые люди старались всячески вразумить необузданный народъ, и одинъ современный историкъ передалъ любопытное событіе, которое считалось въ Украинѣ за явленіе правосудія Божія. Былъ (говоритъ очевидецъ) въ Конотопѣ староста Сосновскій, человѣкъ почтенный и благочестивый. Пятеро дѣтей его возрастали въ правилахъ чистоты и кротости. Даже въ кровавую эпоху 1648 года, когда разъяренные жители предавали смерти всякаго, кто только казался имъ панскаго рода, даже и тогда Сосновскій не убѣжалъ подобно другимъ, и не покинулъ своего имѣнія. Свирѣпое гайдамацство, не щадившее младенцевъ, неуважавшее ни святыни алтарей, ни тишины могилъ, пощадило Сосновскаго; онъ пережилъ страшные четыре года въ Украинѣ, любимый русскими. Но, въ день Пятидесятницы, 1652 года, пьяная вольница ворвалась въ замокъ, вытащила семейство, замучила его дѣтей и жену, а потомъ умертвила его самого. Спаслись только трое особъ изъ его семейства. Тѣла убитыхъ бросили въ колодецъ, глубиною до десяти саженъ. Въ день Воздвиженія Честнаго Креста, вода вдругъ поднялась до

самой оконечности сруба, выбросила тѣла, совершенно невредимыя, и снова возвратилась въ свое мѣсто. Народъ со страхомъ смотрѣлъ на это чудо (какъ называетъ его лѣтописецъ) и раскаявался въ злодѣяніи. Тѣла мучениковъ похоронены съ честью всѣ въ одной могилѣ, близъ колодца, и надолго осталась объ этомъ память во всей Украинѣ [13]).

Гетманъ, прибывъ въ Украину, очень радовался, что войско выступило изъ нея, но вовсе не показывалъ съ своей стороны поощренія убивать и изгонять шляхтичей; напротивъ, онъ негодовалъ за мятежъ и казнилъ виновныхъ.

„Если я приказывалъ казацкому товариществу быть на готовѣ вооруженнымъ, на коняхъ съ запасомъ живности, это сдѣлано было только на случай вторженія ляховъ (писалъ онъ къ одному изъ полковниковъ лѣвой стороны). Но это не значитъ то, что на меня выдумываютъ, будто я, гетманъ, приказывалъ умерщвлять шляхту и урядниковъ въ Украинѣ и Сѣверщинѣ; напротивъ, я всегда и прежде приказывалъ, и теперь приказываю не причинять ни малѣйшаго оскорбленія панамъ, или изъяна ихъ имуществамъ. *Нехай кожний зъ свого тишиться, нехай кожний свого глядить*: казакъ своихъ вольностей, а тѣ, которые не приняты въ списокъ, должны служить панамъ и платить имъ десятую копу за то, что взорали панскіе ланы и сѣяли на нихъ хлѣбъ. А того, что они дѣлаютъ, не годится теперь дѣлать, и непослушный будетъ наказанъ военнымъ судомъ“ [14]).

---

[13]) Лѣтоп. самов. 20.

[14]) Собствен. универ. Хмельниц. (рукоп.)

Гетманъ отдѣлялъ интересы собственно казацкаго сословія отъ интересовъ посполитыхъ людей. Казаки, пользуясь своими вольностями, долженствовали образовать новое свободное сословіе наравнѣ съ шляхтою, а панскіе люди опять должны были служить панамъ. Сословіе послѣднихъ увеличивалось, потому что къ нему принадлежали уже и казацкіе чиновники, имѣвшіе ранговыя помѣстья. Состояніе посполитыхъ, правда, дѣлалось легче подъ покровомъ гетмана, чѣмъ прежде, но тѣмъ не менѣе посполитые были недовольны и этимъ; они хотѣли быть совершенно свободными земледѣльцами, равными по правамъ казачеству. Такимъ образомъ, съ самаго зборовскаго мира, возникла вражда между казаками и посполъствомъ — важнѣйшая причина неустройствъ въ Украинѣ впослѣдствіи.

Господарь, получивъ извѣстіе о пораженіи Калиновскаго, увидѣлъ, что у него нѣтъ болѣе надежды противостоять Хмельницкому. Но онъ не хотѣлъ слишкомъ внезапно сдѣлаться изъ союзника врагомъ Рѣчи Посполитой и написалъ королю, что не хочетъ отдать дочери своей за Тимоша; но, лишившись помощи, оставленъ теперь на произволъ неумолимому Хмельницкому, который, какъ думали тогда, домогался руки домны Локсандры для своего сына только для того, чтобъ низвергнуть Лупулу и возвести на господарскій престолъ его зятя. Молдавскіе бояре требовали усильно, чтобъ онъ согласился не медля на предложеніе казацкаго гетмана.

„Неужели изъ угожденія полякамъ,—говорили они,—которые только обольщаютъ насъ словами, а въ бѣдѣ покидаютъ, неужели мы для нихъ должны опять терять свои имущества и, забѣжавъ въ лѣса, смотрѣть оттуда

на пылающіе города и замки наши? Если ты, господарь, еще долѣе будешь похлѣбствовать полякамъ и наведешь на Молдавію казацкіе полки и дикія татарскія орды, то можетъ произойти бунтъ и отдадутъ престолъ Хмельницкому" [15]).

Лупула могъ всего надѣяться отъ подданныхъ. Много накопилъ онъ серебра и золота; чрезъ то нѣкоторыя семейства обѣднѣли; нѣкоторые бояре были находимы мертвыми на постелѣ: подозрѣніе падало на господаря; притомъ племянникъ его [16]), развратный и своевольный, съ толпою молодежи дѣлалъ въ Яссахъ безчинства и позорилъ боярскихъ женъ и дочерей. Лупула спѣшилъ избавиться отъ опасностей и написалъ къ гетману, что онъ всегда считалъ честью породниться съ его родомъ, что ему мѣшали поляки, а теперь онъ радуется, что уже нѣтъ болѣе препятствія. Онъ просилъ Тимоша на свадьбу, но умолялъ не водить съ собою татаръ.

„Беллона, богиня войны, не ходитъ въ дружкахъ (писалъ онъ). Неприлично тебѣ являться на свадебное торжество съ такимъ множествомъ невѣжливыхъ кавалеровъ. Отпусти татаръ, оставь безпокойныя казацкія шайки въ Украинѣ, уговори отца не приближаться съ войскомъ къ Молдавіи и пріѣзжай съ Богомъ въ сопровожденіи домашней свиты" [17]).

Хмельницкій потребовалъ заложникомъ безопасности сына, племянника Лупулы, который и пріѣхалъ въ Чи-

---

[15]) Истор. о през бр.

[16]) Ист Малор. Марк. I. 315.

[17]) Annal. Polon. Clim. I: 348.

гиринъ. Тогда Тимошъ, ввѣренный отцомъ попеченію Выговскаго, отправился на давно-желанный бракъ съ значительнымъ отрядомъ. Въ Ямполѣ, по обычаю того времени, встрѣтилъ его повѣренный отъ невѣсты, переодѣтый и безъ всякой пышности. Онъ долженъ былъ привѣтствовать жениха отъ ея имени. На другой день молодой Хмельницкій перешелъ украинскую границу и въ первомъ молдавскомъ городѣ, Сорокѣ, встрѣтилъ его двоюродный братъ Лупулы съ четырьмя тысячами почетной стражи: это былъ обрядъ гостепріимства; они провожали его съ почестями до столицы [18]).

Домна Локсандра должна была предпочесть Вишневецкому молодца съ черными усами, съ грубымъ мужественнымъ лицомъ и отрывистою казацкою рѣчью. Тимошъ не имѣлъ тѣхъ качествъ свѣтскаго аристократа, которыми могъ похвастать его соперникъ, воспитанный среди грубой казацкой ватаги; Тимошъ не зналъ гостиннаго обращенія, за то никто лучше его не умелъ рубиться саблею, никто такъ метко не попадалъ въ цѣль изъ ружья и изъ лука; всѣ изумлялись, когда онъ садился на степнаго татарскаго коня и, какъ молнія, вертѣлся на всемъ скаку [19]). Тимошъ обладалъ выраженіемъ мужества и воинственной силы, а это въ тотъ вѣкъ плѣняло женщинъ больше комплиментовъ и лести. Онъ нравился также и матери Локсандры. Желая угодить Хмельницкому, теща приготовляла свадебное пиршество по украинскому обычаю, а невѣста, въ

---

[18]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 107.

[19]) Истор. Мал. Марк. I. стр. 317.—Изъ архид. Павла.

вечеръ расплетанія косы, приказала себѣ пѣть казацкія думы [20]).

Когда женихъ подъѣхалъ къ Яссамъ, уже многочисленная толпа народа ожидала его у воротъ города; вышелъ на встрѣчу гофмаршалъ, а за нимъ Лупула съ знатнѣйшими боярами. Тимошъ соскочилъ съ коня, припалъ къ ногамъ тестя и обнялъ его колѣни, а господарь поднялъ и поцаловалъ въ голову нареченнаго зятя. Господарь (говоритъ лѣтописецъ) [21]) сказалъ ему тогда какой то комплиментъ, но дурень Тимошка не умѣлъ отвѣчать на него и стоялъ какъ столбъ, поглядывая на Выговскаго, за то писарь не проронилъ слова и разсыпался въ изъявленіяхъ любви. Потомъ господарь сѣлъ на коня и поѣхалъ позади Тимоша. Толпа повалила за ними съ восклицаніями и, при звонѣ колоколовъ, звукѣ бубенъ, трубъ, барабановъ, гости въѣхали въ дворецъ. 31 августа совершилось бракосочетаніе. Свадебное торжество представляло смѣшеніе украинскихъ обычаевъ съ молдавскими; казаки играли роль бояръ украинской свадьбы, а молдавскія боярышни были одѣты дружками; весь дворецъ былъ усыпанъ розмаринами; множество знатныхъ и простыхъ пировали на великолѣпномъ обѣдѣ при звукахъ невыносимой, по замѣчанію современника, сербской и турецкой музыки. Наконецъ, 7 сентября, Лупула проводилъ зятя съ дочерью въ Украину [22]).

---

[20]) Woyna dom. Ч. 2. 77.—Истор. о през. бр.—Pam. o wojn. koz. za Chm. 111.

[21]) Pam. o wojn. koz. za Chm. 110.

[22]) Wojna dom. Ч. 2. 77. — Лѣтоп. Велич. I. 118. — Pam. o wojn. koz. za Chm. 110.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 121.

Во время бракосочетанія сына, Хмельницкій пошелъ за нимъ съ войскомъ и снова обратился на Каменецъ, на который, по замѣчанію поляковъ, у него былъ большой апетитъ. Онъ писалъ: „господамъ регментарамъ войтамъ, бурмистрамъ и всѣмъ мѣщанамъ привѣтъ отъ войска запорожскаго. По волѣ Божьей, мы разгромили польское войско и по слѣдамъ бѣжавшихъ пришли подъ Каменецъ, не упрямьтесь, иначе, мы, прося Бога, будемъ искать способовъ взять васъ, и не отступимъ, пока Божья воля не совершится. Если же вы покоритесь, то потерпите меньше вреда; мы, видя ваше смиреніе, не допустимъ кровопролитія и отойдемъ отъ васъ съ своимъ войскомъ. Вы окружены нашими силами; не надѣйтесь на польскія войска; ихъ много погибло. Сегодня же дайте намъ рѣшеніе, чтобъ мы знали вашу волю. Поручаемъ себя вашей дружбѣ и желаемъ всякаго благополучія“.

Ему отвѣчали: „Получивъ отъ вашей милости извѣстіе о погубленіи вами христіанскихъ войскъ, къ утѣшенію враговъ св. креста, мы принимаемъ съ любовью эту праведную кару, которую Богъ ниспослалъ намъ за грѣхи, гордыню и пороки наши. Но мы не отчаиваемся въ его милосердіи, и такъ какъ вы искуплены кровью Христа и вѣруете въ него, то мы просимъ вашу милость: не посягайте безъ причины на христіанскую кровь и отступите отъ города, который вамъ ничего не сдѣлалъ. Помните, что Богъ справедливъ и милосердъ, а жребіе войны выпадаетъ неодинаково. Остаемся доброжелательны къ вамъ и къ войску запорожскому“ [23]).

---

[23]) Jak. Michal. Ks pam. 658.

Хмельницкій осадилъ городъ и готовился взять его штурмомъ, но въ войскѣ распространилась моровая болѣзнь; татары требовали, чтобъ имъ позволили грабить города и села, и подняли такой ропотъ, что предводитель могъ опасаться междуусобной войны съ казаками. Онъ въ другой разъ отступилъ отъ Каменца, „и тогда (говоритъ польскій историкъ) онъ сдѣлалъ престранный поступокъ: не въ силахъ будучи укротить своевольство татаръ, онъ позволилъ имъ пуститься загонами по Украинѣ и въ то же время распустилъ по сосѣдству универсалы, которыми возбуждалъ казаковъ и народъ на этихъ союзниковъ“ [24]).

Столь же оригинально казалось и то, что Хмельницкій, въ одно и то же время, два раза просилъ у короля и Рѣчи Посполитой прощенія и два раза штурмовалъ крѣпость Рѣчи Посполитой. На первое письмо, которое Хмельницкій послалъ къ королю, когда первый разъ думалъ взять Каменецъ, не было отвѣта. Сенаторы не могли подумать ничего, кромѣ того, что Хмельницкій ругается надъ безсиліемъ Польши. Батогское пораженіе, бѣгство жолнеровъ изъ Украины, новое изгнаніе шляхты произвели сначала паническій страхъ во всемъ королевствѣ. „Поляки (говоритъ русскій лѣтописецъ) [25]) ожидали появленія несмѣтной арміи подъ Варшавой и собрались бѣжать въ Данцигъ и Пруссію: они бы убѣжали за море (прибавляетъ лѣтописецъ), еслибъ умѣли плавать по морю. Между тѣмъ, дворяне русскаго вое-

---

[24]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 107.

[25]) Истор. о през. бр.

водства страшились, чтобъ казаки не взбунтовали единовѣрныхъ хлоповъ, собрали отряды, укрѣпляли мѣстечки. Король въ такихъ обстоятельствахъ назначилъ чрезвычайный сеймъ, и, 12 іюня, оповѣстилъ въ универсалѣ, что Польша снова находится въ опасности и требуетъ безотлагательнаго принятія мѣръ къ своему сохраненію" [26]).

Много перемѣнъ надобно было сдѣлать на этомъ сеймѣ; много знатныхъ пановъ погибло подъ Батогомъ или умерло въ короткое время. Мѣсто Калиновскаго занялъ Потоцкій, одинъ изъ сыновей стараго Николая; въ обозные, на мѣсто сына Калиновскаго, назначенъ Чарнецкій, вмѣсто Пржіемскаго—Сапѣга; въ русской землѣ явились новые воеводы: Ляндскоронскій получилъ воеводство русское; черниговское отдано было Тышкевичу, сыну стараго Яна. День батогской битвы открылъ не одному пану дорогу къ почестямъ и богатствамъ; староства убитыхъ на сраженіи розданы панамъ, убѣжавшимъ изъ за Днѣпра, въ награду за долгое терпѣніе отъ буйнаго народа.

Предлагали собрать посполитое рушенье, но депутаты не могли согласиться на это; прошедшій годъ побѣда надъ казаками слишкомъ дорого стоила хозяевамъ, и притомъ польскіе хлопы, пользуясь выходомъ помѣщиковъ, начали было подражать украинскимъ. Сеймъ далъ согласіе на посполитое рушенье только въ крайнемъ случаѣ, а до того времени рѣшилъ довольствоваться вербунками; положили собрать въ воеводствахъ пятьде-

---

[26]) Памят. кіевск. комм. II. 3. 19.

сятъ тысячъ новаго войска, и назначили подать для содержанія такого числа воиновъ. Благородное юношество краковской академіи вызвалось добровольно идти подъ военныя знамена, „въ доказательство (говоритъ лѣтописецъ), что это заведеніе не только просвѣщаетъ поляковъ науками, но способствуетъ и къ сохраненію отечества“ [27]).

Хмельницкій, услышавъ о сборѣ сейма и зная, что дѣло касается его, послалъ снова депутатовъ въ Варшаву, препоручилъ имъ оправдать его и цѣлое казацство. Казацкій предводитель написалъ нѣсколько писемъ панамъ Рѣчи Посполитой, избралъ ихъ ходатаями. Одно изъ такихъ писемъ къ мазовецкому воеводѣ мы приведемъ для образчика:

„Калиновскій погибъ (писалъ онъ), но не отъ моего сына, потому что гетманъ напалъ на него безъ всякой причины. Не долженъ ли былъ сынъ мой защищаться противъ произвола свирѣпаго тирана? Та война справедлива и богоугодна, когда берутъ оружіе въ защиту себя, когда не остается никакого средства, кромѣ оружія! Во все продолженіе своей воинской власти, Калиновскій поступалъ съ казаками безчеловѣчно; не вспоминая того, что дѣлалось давно, нельзя умолчать о недавнемъ. Въ несчастное время онъ напалъ на Украину, грабилъ, предалъ страну крайнему разоренію. Кучами тѣлъ человѣческихъ покрылъ онъ поля берестечскія, наполнилъ трупами болота, степи, лѣса, запрещалъ хоронить мертвыхъ, отдавая на съѣденіе звѣрямъ. Подъ

---

[27]) Annal. Polon. Clim. I. 353—354.

Бѣлою-Церковью онъ не хотѣлъ мира и требовалъ совершеннаго истребленія всѣхъ казаковъ. Всю прошлую зиму онъ тиранилъ самымъ ужаснымъ образомъ простой народъ, и собственная моя жизнь была несвободна отъ его предательскихъ козней. Неумолимый, необузданный, онъ не только терзалъ людей, но простиралъ святотатственныя руки и на храмы Божіи; колокола, которыми народъ созывался на молитву, онъ переливалъ на орудія; онъ похищалъ все, что только пожелалъ. Сынъ мой шелъ въ Волощину жениться, а онъ изъ зависти, преградилъ ему путь и вѣрно бы лишилъ жизни, еслибъ удалось. Но судьба опредѣлила иначе; свадебные факелы, приготовленные для брачной ночи, освѣтили убійство и задушили его своимъ дымомъ. Правда, сынъ мой поступилъ легкомысленно; но если Рѣчь Посполитая проститъ его, изъ уваженія къ молодости, то онъ загладитъ свой проступокъ; если же будутъ ему угрожать, то надобно опасаться, чтобъ и онъ не сталъ себѣ искать въ другомъ мѣстѣ обороны. Самъ непріятель долженъ сознаться, что Калиновскій не имѣлъ или разсудка, затрогивая невинныхъ, или счастья, не одолѣвъ вооруженныхъ“ [28]).

Многіе были того имѣнія, чтобъ не отвѣчать казакамъ.

„Хмельницкій (говорили они), столько разъ нарушая присягу, сдѣлался до того недостойнымъ всякаго довѣрія королевскаго, что еслибъ онъ приносилъ жертвы предъ алтаремъ и, преклоняя колѣни, клялся именемъ

---

[28]) Annal. Polon. Clim. I. 331.

Бога живаго, то и тогда нельзя полагаться на него" [29]).

Но обстоятельства для поляковъ были до крайности угрожавшія: шведскій король хотѣлъ воспользоваться состояніемъ Польши и напасть на нее войною; царь московскій снова присылалъ требовать возмездія за пропуски въ титулахъ. Въ это время, нѣкоторые изъ благомыслящихъ членовъ Рѣчи Посполитой возвысили голосъ, доказывая, что не одно своевольство казаковъ и черни причиною бунтовъ.

„Мы обвиняемъ враговъ своихъ, а на себя не оглянемся (говорили эти сыны отечества). Что такое наша Польша? Адъ подданныхъ, осужденныхъ на вѣчную работу владѣльцамъ; дворяне, вмѣсто награды, за труды платятъ имъ безчеловѣчнымъ обращеніемъ, берутъ подати съ участковъ земли, съ сохи, съ дыма, съ каждой головы, и наконецъ выдумываютъ такіе поборы, какіе только могутъ взойти на умъ. Этого мало. Что остается бѣдному человѣку, послѣ панскихъ поборовъ, для прокормленія съ женою и дѣтьми, то заберетъ у него жолнеръ: найдетъ хоругвей десять въ одно село; всѣхъ надобно поить, кормить, каждому дай, а кто не захочетъ или, лучше сказать, не можетъ, у того повернутъ все кверху дномъ; придутъ еще слуги, возницы и до того оберутъ несчастнаго поселянина, что у него ни крохи не останется! Отъ этого хлопы разбѣгаются, бунтуютъ, города и мѣстечки пустѣютъ, поля остаются незасѣянными, прекращаются ремесла, останавливается торговля, и самые владѣльцы теряютъ свои доходы, и въ казнѣ вѣчныя недоимки. Жолнеръ, который прихо-

---

[29]) Wojna dom. Ч. 3. 79.

дитъ защищать жителей отъ непріятелей, поступаетъ съ ними хуже, чѣмъ непріятель" [30]).

Всѣ эти обстоятельства заставили позвать на сеймъ казацкихъ депутатовъ. Они явились съ покорнымъ видомъ, но вмѣстѣ какъ невинные, желающіе оправдать себя отъ клеветы. Со слезами божились они всѣми святыми, что Хмельницкій не зналъ о батогскомъ пораженіи и, въ доказательство, ссылались на письмо его, которымъ онъ предостерегалъ Калиновскаго.

— И вы еще плачете, говорилъ имъ съ жаромъ канцлеръ: — когда, между тѣмъ, замышляете новыя козни противъ короля и Рѣчи Посполитой! Кровь христіанская, невинно вами пролитая, какъ кровь праведнаго Авеля, вопіетъ къ Богу объ отомщеніи, а вы думаете притворными слезами омыть столько клятвопреступленій! О крокодилы, терзающіе человѣчество! о народъ невѣрный! накажетъ тебя Господь карою братоубійцы Каина.—

Но послѣ этихъ нравоученій съ ними обращались ласковѣе; отъ имени сейма назначены были коммиссарами Зацвилиховскій и Черный, издавна знакомые Хмельницкому. Во вниманіе къ раскаянію казаковъ объявляли всеобщее прощеніе и забвеніе батогскаго дѣла, а Хмельницкому и всему дому его обѣщаны особыя большія почести со стороны Рѣчи Посполитой, если только онъ совершенно прекратитъ союзъ съ татарами и дастъ въ залогъ своего сына.

Въ сентябрѣ, Зацвилиховскій и Черный прибыли въ Чигиринъ. Не доѣзжая до резиденціи казацкаго гетмана,

---

[30]) Annal. Polon. Clim. I. 343.

они были встрѣчены Тимошемъ, въ сопровожденіи двухсотеннаго коннаго отряда. Сынъ Хмельницкаго, отъ имени отца, просилъ ихъ на хлѣбъ соль, привѣтствовалъ какъ дорогихъ гостей. Когда они въѣхали во дворъ, старикъ Хмельницкій встрѣчалъ ихъ у крыльца съ распростертыми объятіями, называя старыми друзьями; изъявлялъ радость, что видитъ ихъ. Съ особыми знаками гостепріимства они были приглашены къ торжественному столу. Хмельницкій наполнилъ кубки виномъ, провозгласилъ здоровье его королевскаго величества и пушечные выстрѣлы сопровождали заздравные кубки. Цѣлый день Хмельницкій не говорилъ о дѣлѣ, показывалъ видъ, какъ будто считаетъ ихъ своими частными гостями, а послы, радуясь пріему, надѣялись успѣха. Но утромъ, на другой день, когда они объявили ему, что пріѣхали отъ короля и Рѣчи Посполитой, Хмельницкій принялъ холодный тонъ и сказалъ:

— Я удивляюсь, господа, вашей отвагѣ, что вы, такія знатныя особы, пожаловали въ такой огонь, когда моровое повѣтріе свирѣпствуетъ повсюду. Что за дѣло, нетерпящее отлагательства? Право, я не надѣялся васъ видѣть.—

— Намъ надобно удивляться, сказалъ одинъ изъ пословъ:—слыша отъ твоей милости такой вопросъ, когда ты прислалъ къ королю просить прощенія своихъ преступленій и милосердія.—

Хмельницкій вспыхнулъ, обнажилъ саблю и началъ махать у нихъ подъ носомъ, по выраженію лѣтописи:

— Милосердія! прощенія! говорилъ онъ:—за что? за то, что не сдѣлалъ зла королю? Въ томъ ли мое преступленіе, что, послѣ разбитія Калиновскаго, удержалъ

татаръ и казаковъ, и не допустилъ ихъ до вторженія въ Польшу въ то время, когда я не только могъ васъ уничтожить, но даже прогнать за Римъ? Такъ за этимъ вы пріѣхали? Что вы, въ самомъ дѣлѣ, представляетесь простаками? Что вы строите со мною шутки? Развѣ я не знаю, что король готовитъ на меня войско!—

— На посла нечего кричать, возразилъ Черный: — посолъ какъ оселъ: несетъ то, что на него положатъ. Поступай, какъ тебѣ угодно съ нашими предложеніями, но ты долженъ помнить право народовъ, соблюдаемое повсюду.—

Выговскій принялся уговаривать взбѣшеннаго гетмана и обращался то къ тому, то къ посламъ, уговаривая послѣднихъ вытерпѣть этотъ припадокъ вспыльчивости. Наконецъ Хмельницкій успокоился и сказалъ:

— Еслибъ не тебя, панъ Зацвилиховскій, моего давняго знакомца и пріятеля прислали съ этимъ посольствомъ, то я бы иначе поступилъ. Да и панъ Чарненькій третій разъ уже у меня! Хорошо! Ну, что жь у васъ за условія?—

Ему подали пункты. Прочитавъ, Хмельницкій далъ такое рѣшеніе: „съ татарами я не могу разойдтись, потому что ляхи ищутъ моей гибели; коммиссіи нечего теперь затѣвать, когда король готовится идти на меня войною: какъ ему угодно! Желаю, чтобъ онъ былъ, предводителемъ; я готовъ встрѣтить его тамъ и тогда, гдѣ и когда онъ захочетъ. Сына я не пошлю въ залогъ, потому что одинъ малъ, а другой недавно женился: нельзя же ему оставить такъ скоро молодой жены! Мнѣ предлагаютъ почести; но тотъ, кого возвысила судьба, не нуждается въ нихъ. Пусть прежде король и Рѣчь

Посполитая подпишутъ зборовскій договоръ, тогда будетъ миръ, а безъ того невозможно мириться".

Послы королевскіе уѣхали, ничего не сдѣлавъ [31]). Между тѣмъ, генеральный судья Самойло Богдановичъ поѣхалъ въ Москву извѣстить его царское величество, что поляки не исполняютъ договоровъ, и просить царя принять Украину подъ свою крѣпкую руку [32]); а другіе послы—въ Турцію съ такими же предложеніями принять Украину въ покровительство.

Осенью, около Ковеля собралось войско и король приказалъ гетману Потоцкому выступить въ Украину. Хмельницкій не опасался этого; онъ зналъ, что въ Польшѣ въ такое скорое время не соберутъ податей, опредѣленныхъ для платы войску. Въ самомъ дѣлѣ, не дойдя до Украины, жолнеры начали роптать и Потоцкій принужденъ былъ распустить ихъ по окрестнымъ селеніямъ для собранія продовольствія; тогда жолнерство производило самыя ужасныя безчинства: это заставило Потоцкаго отнестить къ королю, который, сожалѣя о жителяхъ, приказалъ пріостановить походъ; между тѣмъ, наступила зима и жолнеры разбрелись. Потоцкій надѣлалъ врагамъ смѣха своими приготовленіями.

1652 годъ оправдалъ предсказанія астрологовъ, къ которымъ тогда имѣли большую вѣру. Кромѣ батогскаго пораженія, Польша испытала почти всѣ возможныя бѣдствія. Все лѣто опустошало Польшу моровое повѣтріе; „и валялись трупы человѣческіе (говоритъ лѣтопись)

---

[31]) Wojna dom. Ч. 81.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 122.—Лѣтоп. Величка. I. 122.—123.—Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. 354—355.

[32]) Акты Южн. и Зап. Росс. III. 484.

какъ снопы по полямъ; осиротѣлыя семейства скитались по лѣсамъ и ущельямъ; звѣри забѣгали изъ дебрей въ людскія жилища". Преданіе, сохраненное современниками, говоритъ, будто носильщики, подбиравшіе тѣла зачумленныхъ, испытавъ болѣзнь и думая, что въ другой разъ она не пристанетъ, мазали мозгами изъ зараженныхъ труповъ двери домовъ, чтобъ увеличить заразу и получить себѣ выгоды, обдирая одежды умершихъ. Подобные вымыслы всегда сопровождаютъ моровыя повѣтрія. Страшные пожары опустошили многолюдные города; отъ дождей погибъ хлѣбъ въ поляхъ; рѣки выступали изъ береговъ. Вода разрушала и сносила домы, и истребляла людей. Въ одномъ мѣстѣ, по извѣстію современника, на плывшей по Вислѣ копнѣ сѣна сидѣли волкъ и коза въ совершенномъ дружелюбіи: общая опасность сдѣлала волка кроткимъ и козу безстрашною.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Набѣгъ Чарнецкаго на Украину.—Разорѣнія.—Битва подъ Монастырищемъ.—Сеймъ въ Брестѣ-Литовскомъ.—Письмо Хмельницкаго къ полякамъ.—Молдавскія дѣла.—Изгнаніе Лупулы.—Водвореніе Лупулы Тимоѳеемъ Хмельницкимъ.—Походъ Тимоѳея въ Валахію.—Битва.—Вторичное изгнаніе Лупулы.—Союзъ поляковъ съ Ракочимъ.—Походъ Хмельницкаго.—Рада подъ Тарнополемъ.—Посольство Ждановича.—Московское посольство.—Универсалъ Хмельницкаго,—Сношенія съ Турціею, Крымомъ и Московіею.—Сочавская осада.—Смерть Тимоѳея Хмельницкаго.—Сдача Сочавы.—Походъ Хмельницкаго къ границамъ Молдавіи.—Встрѣча съ тѣломъ Тимоѳея.—Польскій лагерь подъ Жванцемъ.—Положеніе польскаго войска.—Совѣты пословъ.—Мнѣніе Любомирскаго.—Переговоры съ ханомъ.—Жванецкій договоръ.—Опустошеніе Руси татарами.

12 тысячъ войска появилось весною, 1653 года, въ Украинѣ [1]); это войско состояло изъ охотниковъ грабить и разорять. Предводительствовалъ имъ Чарнецкій, который, по смерти Іереміи, слылъ въ общемъ мнѣніи храбрѣйшимъ полководцемъ. Неутомимо было его трудолюбіе; когда онъ что нибудь замышлялъ, то всегда первый и показывалъ примѣръ какъ дѣлать; замысловаты были его военныя хитрости, которыхъ не только враги, но и собственные подчиненные не могли проник-

[1]) Pam. o wojn. kozac. za Chm. 115.

нуть до времени; никто не могъ сравниться съ нимъ въ быстротѣ, съ какою онъ переправлялся черезъ рѣки и опасныя мѣста; никто не умѣлъ такъ держать въ повиновеніи войско; жолнеры страшились его и покорялись его желѣзной волѣ, въ которой была какъ будто сверхестественная сила; онъ безпрестанно утруждалъ воиновъ маневрами и ученьемъ, пріучалъ жолнеровъ къ безпокойствамъ и лишеніямъ; за малѣйшее непослушаніе казнилъ смертью, а въ награду позволялъ солдатамъ своевольничать, чтобъ пріучить ихъ нежалѣть ничего на свѣтѣ. Для него несуществовало состраданія надъ врагомъ. Корыстолюбивый, мстительный, свирѣпый, безчувственный къ слезамъ и крови, Чарнецкій рожденъ былъ для войны; огонь былъ у него вмѣсто души человѣческой, говорили современники [2]). Таковъ былъ полководецъ, котораго мы видѣли не разъ на второмъ планѣ и который теперь вступаетъ на свое славное поприще.

Въ началѣ 1653 года, когда еще зима была постоянна и замерзшія рѣки и болота способствовали вездѣ удобному прямому пути для войска, Чарнецкій вбѣжалъ въ Брацлавщину. Всѣ селенья на пути были истребляемы; мѣстечки: Самогородокъ, Прилуки, Липовецъ, Ягубецъ, Линцы превращены были въ груды пепла [3]); жолнеры рѣзали жителей безъ разбора, не щадя, говоритъ современникъ, ни красивой дѣвушки, ни беременной женщины, ни невинныхъ младенцевъ на матернихъ персяхъ [4]). На-

---

[2]) Korona polska przez Kaspra Niesieckigo.I. 349.

[3]) Крат. истор. о бунт. Хмельниц. 45.—Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. I. 361.

[4]) Wojna dom. Ч. 3. 84.

бѣги поляковъ были внезапны и искусно скрываемы отъ молвы; Чарнецкій обыкновенно разглашалъ, что идетъ въ такой то край, и когда тамошніе жители услышатъ объ этомъ и соберутся бѣжать, онъ вдругъ оборачивался въ противоположную сторону; едва только въ какомъ нибудь мѣстечкѣ украинцы узнаютъ объ истребленіи сосѣдняго мѣстечка, Чарнецкій появляется къ нимъ, какъ съ неба, и никто не спасется отъ губительнаго оружія. Въ мѣстечкѣ Погребыщѣ была тогда многочисленная ярмарка; вдругъ Чарнецкій неожиданно появился среди огромнаго стеченія народа; украинцы не только не могли спасти своихъ имуществъ, которыя подвозили какъ будто нарочно для враговъ, но и своей жизни. Всѣ безъ изъятія были перерѣзаны жолнерами съ такимъ варварствомъ, что самые современные польскіе писатели вспоминаютъ объ этомъ съ ужасомъ [5]). Оттуда войско обращалось въ разныя стороны и повсюду совершало такія же убійства и разоренія. Испуганные и ожесточенные жители довершали опустошеніе края; думая, что къ нимъ вступаетъ огромная сила польская, они сами жгли запасы и убѣгали, или запирались въ укрѣпленныхъ мѣстахъ [6]). Хмѣльницкій услышалъ сначала, будто въ Украину вступила немногочисленная партія [7]), а потому и послалъ противъ нея Богуна съ небольшимъ отрядомъ [8]) въ четыре тысячи человѣкъ

---

[5]) Wojna dom. Ч. 3. 84.

[6]) Annal. Polon Clim. I. 312.

[7]) Pam. o wojn. koz. za Chm. 116.

[8]) Pam. o wojn. koz. za Chm. 116.—Wojna dom. Ч. 3. 84.—Лѣтоп. Величка. I. 128.—Annal. Polon. Clim. I. 362.

Самъ гетманъ готовился идти за нимъ вслѣдъ, занимался сборомъ войска и хотѣлъ пригласить [орду [9]). Удивился и испугался винницкій полковникъ, когда узналъ и увидѣлъ, что надѣлалъ отрядъ Чарнецкаго. Узнавъ, что у непріятеля уже тысячъ пятнадцать войска-Богунъ не рѣшался вступать съ нимъ въ неравный бой и хотѣлъ поспѣшно удалиться, чтобъ выступить снова съ сильнѣйшимъ войскомъ. Но Чарнецкій стремительно бросился уничтожить его. Богунъ, хитрый какъ лисица, по замѣчанію современника [10]), послалъ немедленно гонца къ Хмельницкому [11]) съ извѣстіемъ о силахъ непріятеля, а самъ бросился въ замокъ Монастырище, укрѣпленный валами и рвами. Это было въ половинѣ марта. Цѣль Богуна была задержать Чарнецкаго битвою, пока Хмельницкій нагрянетъ нечаянно. Дѣйствительно, Чарнецкій осадилъ Монастырище и для того, чтобъ увеличить въ глазахъ непріятеля свои силы, одѣлъ въ военное платье слугъ и погонщиковъ, и приказалъ производить сколько возможно болѣе шуму [12]). Казаки защищались такъ отчаянно, что польскій генералъ потерялъ пять тысячъ войска во время штурма [1]), но тѣмъ упорнѣе хотѣлъ, во что бы ни стало, уничтожить сильнаго врага и лишить Украину искуснѣйшаго полководца. Наконецъ поляки овладѣли валомъ; защищавшій его казацкій сотникъ, Дрозденко, палъ въ

---

[9]) Лѣтоп. Величка. I. 129

[10]) Annal. Polon, Clim I. 362.

[11]) Лѣтоп. Величка I, 129.

[12]) Annal. Polon. Clim. I. 362.

[13]) Лѣтоп. Величка. 29.

сѣчѣ; загорѣлся замокъ: Богуну оставалось сдаться [14]). Онъ, разсчитывая по времени, что Хмельницкій недалеко, выскочилъ изъ замка среди огня и дыма, объявилъ, что идетъ поторопить гетмана, а оставшимся казакамъ приказалъ защищаться до прибытія новыхъ силъ. Храбрые казаки не сдавались въ полусгорѣвшемъ монастырѣ; каждый шагъ впереди поляки покупали жизнью; еще полторы тысячи человѣкъ потерялъ Чарнецкій въ отчаянной рѣзнѣ [15]), и вдругъ стрѣла пронизала ему самому щеки: онъ упалъ безъ чувствъ и чуть было не захлебнулся кровью [16]). Въ довершеніе замѣшательства, позади польскаго войска раздался крикъ: „орда идетъ!“ На войско нашелъ въ минуту паническій страхъ. Поляки, пораженные, съ одной стороны, вѣстью о непріятелѣ, съ другой, раною генерала, котораго почитали уже погибшимъ, въ безпамятствѣ побѣжали, покинувъ возы съ безчисленною добычею, награбленною въ несчастныхъ украинскихъ мѣстечкахъ и селахъ, покинули раненыхъ и больныхъ:—все летѣло безъ оглядки; вслѣдъ за бѣгущими повезли раненаго Чернецкаго [17]). Не осталось ни одного поляка близь Монастырища. Это была хитрость Богуна. Вышедъ изъ пылающаго замка, онъ пошелъ не къ Хмельницкому, а зашелъ въ тылъ польскаго войска и приказалъ крикнуть по татарски [18]). Хмельницкій дѣйствительно былъ

---

[14]) Annal. Polon. Clim. I. 362.
[15]) Лѣтоп. Величка. I. 129.
[16]) Annal. Polon. Clim. I.
[17]) Лѣтоп. Величка. I, 130.
[18]) Annal. Polon. Clim. I. 363.

уже въ дорогѣ, но еще далеко отъ Монастырища; когда онъ приблизился и увидѣлъ что сдѣлалось, очень смѣялся надъ поляками, которые, замѣчаетъ ихъ историкъ [19]), сами не могли дать себѣ отчета: по какой причинѣ такъ постыдно убѣжали.

Вскорѣ Хмельницкій узналъ, что набѣгъ Чарнецкаго былъ только предварительнымъ началомъ замысла истребить все казачество и измѣнить русскую землю такъ, чтобъ въ ней некому было возставать на поляковъ. Въ Брестѣ-Литовскомъ собирался сеймъ и король сталъ теперь злѣйшимъ врагомъ Хмельницкаго. Онъ настаивалъ непремѣнно кончить войну, чего бы она ни стоила. Сеймъ, однако, мало давалъ ему надежды; дворянъ съѣхалось немного, да и тѣ, которые пріѣхали, были болѣе склонны примириться съ Хмельницкимъ и отказаться отъ Украины. „Безпрестанная служба отечеству до того намъ надоѣла (говоритъ современникъ) [20]), что мы не только уклонялись отъ битвъ, но даже и, сидя въ домахъ, не хотѣли давать отечеству помощи и обороны.“ Прошлогодняя зараза, голодъ, пораженія отнимали у поляковъ присутствіе духа и надежду на побѣду. Гадатели волновали умы новыми предсказаніями; опять появилась комета, которая, какъ толковали астрологи, своимъ явленіемъ всегда предсказывала продолжительныя бѣдствія [21]). Войско не хотѣло повиноваться, жалуясь, что ему не платятъ. О собраніи новаго посполитаго рушенья не хотѣли и слышать. „Мы готовы

---

[19]) Кратк. истор. о бунт. Хмельн. 46.
[20]) Wojna dom. Ч. 3. 86.
[21]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 122.

(говорили послы) лишиться последней домашней утвари, лишь бы не слышать ненавистныхъ вицей и не проливать своей крови“ [22]). Сеймъ определилъ вести войну регулярнымъ войскомъ, а для содержанія его наложить подымное, и на жидовъ поголовное. Вмѣсто посполитаго рушенья, однако, положили собрать такъ называемое лановое войско (agrarius miles, Lanowe ludzie); начальства воеводствъ и повѣтовъ должны были снаряжать отряды изъ сельскихъ жителей, которымъ положена была плата какъ кварцянымъ жолнерамъ и, сверхъ того, содержаніе и обмундировка. Положено держать ихъ три мѣсяца и заплатить за это время [23]). Положено назначить коммиссію для взиманія пособій, продовольствія, вооруженія, раздачи жалованья войску и содержанія крѣпостей и обозовъ [24]). Сборное мѣсто для войска назначенно подъ Глинянами. Янъ Казимиръ вызвался самъ быть предводителемъ для предупрежденія несогласій. „Я иду снова (говорилъ онъ) и не положу оружія, пока совершенно не окончу этой гибельной войны“ [25]).

Дошло до Хмельницкаго, что на Украину собирается новая туча. Гетманъ снова отправилъ письма къ королю и знатнымъ панамъ и, въ томъ числѣ, къ новому гетману, Станиславу Потоцкому, котораго избиралъ ходатаемъ; цѣль его была задержать, по обыкновенію, военныя дѣйствія поляковъ, пока онъ самъ соберется съ силами.

---

[22]) Wojna dom. Ч. 3. 88.
[23]) Annal. Polon. Clim. I. 395.—Histor. belli cosac. polon. 223.
[24]) Annal. Polon. Clim. I. 364.
[25]) Wojna dom. Ч. 3. 86—88.—Лѣтоп. Величка. I. 132.

Въ своихъ письмахъ къ королю Хмельницкій обѣщался не двигаться съ своимъ войскомъ и не подавать повода къ войнѣ; просилъ приказать короннымъ и литовскимъ войскамъ не нападать на казаковъ и, между прочимъ, извѣщалъ, что казачество, желая прочнаго мира, просило ходатайства московскаго царя объ исполненіи просьбы относительно вѣры, церквей и правъ запорожскаго войска [26]).

Хмельницкій не получилъ отвѣта отъ короля, но Потоцкій писалъ къ нему, восхвалялъ милосердіе государя, укорялъ Хмельницкаго въ вѣроломствѣ и увѣрялъ, что король идетъ въ Украину какъ государь, чтобъ видѣть и успокоить свои области и ввести владѣльцевъ въ управленіе имѣніями, которыя отняты у нихъ взбунтовавшимся народомъ. „Пусть (писалъ онъ) крестьяне дожидаются спокойно и, собравшись въ громаду, склонятъ головы проѣзжающему королю. А ты самъ, панъ гетманъ, со всѣмъ войскомъ оставайся на мѣстѣ и пошли изъ среды войска старшинъ предаться на волю и милость короля [27]).“

Послѣ сейма король уѣхалъ въ Глиняны къ войску [28]), куда и прибылъ 26-го іюля [29]). Хмельницкій продолжалъ сношенія съ Московскимъ государствомъ. Царь Алексѣй Михайловичъ присылалъ къ гетману стольника Якова Лихарева извѣстить, что ради православной вѣры и святыхъ Божьихъ церквей, царь хочетъ успокоить междо-

---

[26]) Памяти кіевск. комм III. 3. 33.

[27]) Тамъ же, III. 3. 30

[28]) Annal. Polon. Clim. I. 367.

[29]) Рукопись имп. П. библ. разнояз. Miscel. № 63.

усобіе казаковъ съ поляками миромъ чрезъ посредство своихъ пословъ, которыхъ съ этою цѣлію отправитъ въ Польшу. Хмельницкій послалъ въ Москву Кондрата Бырляя и Силуана Мужиловскаго. Изъявляя царю благодарность за посредничество, эти посланцы, по гетманскому приказанію, говорили такъ:

„Гетманъ и войско запорожское, обнадежившись государевою милостію, посылали королю и панамъ просить, чтобы они отложили до времени войну. Король и паны хотѣли было собрать сеймъ въ Брестѣ и съ сейма прислать казакамъ коммиссаровъ къ 24 марта; но они солгали, не прислали коммиссаровъ на срокъ, а вмѣсто того собираютъ войска, раззоряютъ города, невинно мучатъ людей. А потому гетманъ и войско запорожское собираются противъ нихъ, и уже просили помощи у крымскаго хана, и крымскій ханъ будетъ имъ помогать. Мы не хотимъ мириться съ поляками потому что они не стоятъ въ правдѣ, и просимъ, чтобы великій государь, ради православной вѣры, принялъ насъ подъ свою государскую высокую руку и помогъ намъ думою и ратными людьми. Турецкій салтанъ и крымскій ханъ много разъ звали насъ къ себѣ въ подданство, да мы имъ отказали: мимо великаго христіанскаго государя царя великаго князя Алексѣя Михайловича не хотимъ идти къ бусурманамъ въ подданство. Мы рады и той государевой милости, если царь чрезъ своихъ пословъ успокоитъ насъ миромъ: не выступаемъ изъ его государевой воли; пусть только государь изволитъ послать своего гонца къ польскому королю поскорѣе, чтобы ляхи не наступали на насъ войною.“

Вмѣстѣ съ тѣмъ посланцы извѣщали, что шведская королева посылала къ гетману своихъ пословъ, но ихъ на пути переняли поляки и съ чѣмъ они ѣхали неизвѣстно. Теперь гетманъ просилъ царя пропустить чрезъ свою землю гетманскихъ пословъ къ шведской королевѣ провѣдать: зачѣмъ она посылала къ гетману; а для вѣрности пусть царь изволитъ, вмѣстѣ съ казацкими послами, отправить въ Швецію кого нибудь отъ себя [30]).

Между тѣмъ у Хмельницкаго явились новые враги, бывшіе его союзники, теперь испуганные возрастающимъ могуществомъ русскаго повелителя. Тимошъ на свадебномъ пиру увѣрялъ тестя въ готовности служить ему и, выказывая свою силу, говорилъ: „Отецъ мой купить у султана Валахію, мы сгонимъ Радула, тогда и Ракочи пусть бережется“ [31]). Лупула видѣлъ буйный и предпріимчивый духъ зятя, боялся, чтобъ онъ не лишилъ его престола, хотѣлъ отвлечь его въ другую сторону и сталъ поддерживать въ немъ мысль о покореніи Валахіи. Въ семейные совѣты ихъ былъ допущенъ великій логофетъ (канцлеръ) Молдавіи, Стефанъ Бурдуцъ, который впродолженіе долгихъ лѣтъ казался постояннымъ доброжелателемъ Лупулы. Но онъ былъ въ родственныхъ связяхъ съ соперниками: двоюродная сестра его была за Радуломъ, а самъ онъ былъ женатъ на боярынѣ изъ Валахіи. Жена его, замѣтя безпокойство мужа, тайные совѣты при дворѣ, усильно начала допрашивать, что это значитъ и, наконецъ, убѣдила Стефана высказать

---

[30]) Акты Юж. и Зап. Рос. III. 493.

[31]) Истор о през. бр.

тайну, которая немедленно была передана Радулу, а потомъ дошла и до Ракочи. Трансильванскій князь узналъ, что Богданъ Хмельницкій недоволенъ имъ за несоблюденіе уговора, когда, во время войны 1651 года, онъ долженъ былъ взять Краковъ. Тогда Радулъ и Ракочи, предупреждая грозящую бурю, заключили союзъ изгнать съ господарства Лупулу и предложили тайно логофету господарскій престолъ. Пробужденное властолюбіе, говоритъ современникъ, погасило въ немъ долговременную вѣрность. Стефанъ приступилъ къ договору. Тимошъ былъ въ Украинѣ; Лупула сидѣлъ въ Яссахъ не подозрѣвая для себя никакой опасности. Вдругъ войско Радула и вспомогательныя венгерскія силы появились въ Молдавій. Стефанъ внезапно перешелъ на ихъ сторону; вся недовольная Василіемъ партія хотѣла паденія господаря. Пораженный неожиданностью, Лупула вышелъ на сраженіе, но былъ ризбитъ подъ деревней Старлокомъ [32]) и убѣжалъ со всею семьею въ Каменецъ, гдѣ былъ принятъ Потоцкимъ, котораго преклонилъ дарами [33]). Потоцкій имѣлъ благовидный предлогъ дать ему убѣжище, какъ союзнику Рѣчи Посполитой, которымъ Лупула не переставалъ казаться. Стефана посадили на господарство.

Тогда при турецкомъ дворѣ начался торгъ за Молдавію. Стефанъ подкупалъ подарками членовъ дивана и обѣщалъ платить тройную дань. Съ своей стороны, Хмельницкій также разсыпалъ подарки, ласкалъ турокъ надеждою, что Украина будетъ данницею оттоманской

---

[32]) Annal. Polon. Clim. I. 366—367.

[33]) Histor. ab exc. Wlad. IV 126.

порты, обѣщалъ завоевать Каменецъ. Между тѣмъ новый государь на первыхъ порахъ вооружилъ противъ себя бояръ. Два изъ нихъ отправились въ Константинополь, защищали изгнанника и умоляли сжалиться надъ несчастнымъ положеніемъ Молдавіи, растерзанной войною. Турецкій дворъ находился въ нерѣшимости какой партіи ему держаться, и ограничивался тѣмъ, что къ Радулу и Ракочи посланъ былъ чаушъ съ приказаніемъ прекратить непріязненныя дѣйствія [34]). Лупула переѣхалъ изъ Каменца въ Украину, и Тимошъ съ двѣнадцатью тысячами [35]) разнороднаго войска, собраннаго изъ казаковъ, украинскихъ левенцовъ, карпатскихъ горцевъ и татаръ, послѣ пасхи 1653 г. пошелъ на Молдавію [36]). Беззащитный Стефанъ убѣжалъ; Яссы достались побѣдителямъ. Тимошъ истребилъ остатокъ враждебной пѣхоты Ракочи, казнилъ враговъ тестя, и снова посадилъ его на господарство. Эта побѣда такъ возгордила его, что, по увѣренію одного историка, онъ ставилъ себя въ параллель съ Цезаремъ; говорилъ, что онъ пришелъ—побѣдилъ, даже не видя враговъ [37]). Тогда то онъ рѣшился исполнить давнее намѣреніе покорить Валахію.

Усиливъ свое войско молдавскими полками, онъ вошелъ въ Валахію. Воины его грабили, убивали людей всякаго возраста и состоянія, сожигали жилища, насиловали женщинъ, оскверняли даже храмы; по увѣренію совре-

---

[34]) Annal. Polon. Clim. I. 368.

[35]) Лѣтоп Величка. I. 123.

[36]) Annal. Polon. Clim. I. 368.

[37]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 120.

менника, одинъ разъ казаки не чувствовали въ себѣ силы зажечь храмъ, и Тимошъ за это закололь ихъ собственноручно. Такіе поступки вооружили противъ побѣдителя турецкій дворъ, который сталъ опасаться усиливающагося могущества Тимоша и изъявилъ ему неудовольствіе за возобновленіе вражды [38]). Тогда Радулъ снова собралъ силы изъ волоховъ, сербовъ и разныхъ охотниковъ: Ракочи прислалъ къ нему войско подъ начальствомъ Януша Кимени. На берегахъ рѣки Яловца [39] (Тележина) [40]) непріятели встрѣтились; здѣсь произошло кровопролитное сраженіе: сначала было Тимошъ и Василій побѣждали, но вдругъ поднялась гроза и сильная буря прямо въ глаза казакамъ. Молдаване, бывшіе въ войскѣ Тимоша, первые попятились назадъ, другіе передались волохамъ; казаки выбились изъ силъ, хотѣли поправить дѣло и не могли; Василій, спасая жизнь, убѣжалъ въ Галацъ, потомъ за нимъ оставилъ поле битвы Тимошъ, и наконецъ, полковники Носачъ и Пушкарь; храбрый начальникъ украинскихъ левенцевъ, Грыцько, сбилъ пѣхоту въ четвероугольникъ и, защищаясь, погибъ въ сѣчѣ, а двѣ тысячи казаковъ и нѣсколько тысячъ молдаванъ, лишенные начальниковъ, положили оружіе. Молдаване были отпущены на свободу своими единоплеменниками, а казаковъ, всѣхъ до единаго, Андроникъ, валахскій генералъ, приказалъ изрубить. „Этотъ народъ (говорилъ онъ) охотнѣе разстанется съ жизнью, чѣмъ съ своевольствомъ“ [41]).

---

[38]) Annal. Polon. Clim. 368.

[39]) Ibid. I. 369.

[40]) Wojna dom. Ч. 3. 89.

[41]) Annal. Polon. Clim. I. 369.

Стефанъ на челѣ бояръ опять вступилъ въ Яссы и Молдавія, въ другой разъ присягнула ему въ вѣрности. Жена Василія съ остатками имущества убѣжала въ Сочаву [42]). Тимоѳей воротился въ Украину, а потомъ снова вступилъ въ Молдавію съ восьмью тысячами и вошелъ въ Сочаву на помощь господаршѣ [43]).

Тутъ то враги ополчились на молодаго богатыря. Ракочи обратился къ Яну Казимиру, извѣщалъ о свѣжемъ пораженіи Тимоѳея, просилъ забыть прошлыя недоразумѣнія, убѣждалъ послать ему на помощь коронное войско какъ можно скорѣе, потому что наступаетъ время уничтожить сына Хмельницкаго, пока не подоспѣлъ отецъ его навыручку, и съ своей стороны обѣщалъ тридцать тысячъ войска и содѣйствіе Валахіи и Молдавіи къ укрощенію Хмельницкаго. Нѣкоторые изъ польскихъ пановъ не совѣтовали вступать въ союзъ съ Ракочи, напоминали о его недоброжелательствѣ, о связяхъ съ Хмельницкимъ, опасались, чтобъ онъ не измѣнилъ полякамъ въ самомъ критическомъ положеніи. „Неблагоразумно отвергать чужую помощь (говорили другіе): самъ Богъ намъ посылаетъ ее въ то время, когда мы не умѣемъ укротить нашего врага. Хотя Ракочи сносился съ Хмельницкимъ во время безкоролевья но это было дѣло политики. Онъ, рожденный отъ благородной крови, всегда въ душѣ гнушался тираномъ, вышедшимъ изъ подлаго званія ко вреду сосѣдей: а теперь, видя, что мятежникъ слишкомъ поднялся, пони-

---

[42]) Ibid.—Истор. о през. бр.—Лѣтоп. Величка I. 145.

[43]) Истор. Мал. Росс. 291.

маетъ, что надобно преградить ему дорогу и, конечно, останется ему всегдашнимъ непріятелемъ."

Послѣднее мнѣніе одержало верхъ и король согласился на предложеніе Ракочи [44]).

Лишенный престола, Василій показывалъ видъ, что ничѣмъ не раздражилъ Польшу, что онъ, по прежнему союзникъ Рѣчи Посполитой, и потому, послѣ своего низверженія, послалъ къ королю просить вспомоществованія. Послы его прибыли почти въ одно время съ стефановыми и ракочіевыми. Къ удивленію поляковъ, самъ Тимошъ обратился къ польскому правительству и обѣщалъ присоединить къ Рѣчи Посполитой подунайскія страны. Безъ дальнѣйшихъ разсужденій, поляки предпочли сторону Стефана и Ракочи. Король призналъ новаго господаря въ его достоинствѣ и отправилъ къ нему въ подарокъ вина и двухъ лошадей. Въ добавокъ, канцлеръ Корыцинскій получилъ въ то же время письмо отъ силистрійскаго паши; онъ изъявилъ негодованіе на казаковъ за своевольство Тимоша, называлъ ихъ разбойниками и убѣждалъ всѣми силами усмирить ихъ [45]). Все клонилось ко вреду возраставшей Украины. Король послалъ на помощь венгерскимъ и валахскимъ войскамъ въ Молдавію шесть тысячъ польскаго войска, подъ начальствомъ Кондрацкаго, и полторы тысячи нѣмецкой пѣхоты [46]), а потомъ Клодзинскаго съ волонтерами [47]). Два польскіе пана, Яскольскій и Гембицкій, отправи-

---

[44]) Wojna dom. Ч. l. 3. 91.

[45]) Annal. Polon. Clim. l. 378.

[46]) Hisl. ab. exc. Wlad. IV. 127.—Annal. Polon. Clim. l. 378.

[47]) Рук. И. П. Б. Misc. № 68.

лись къ седмигродскому князю съ предложеніемъ долговременнаго союза и содѣйствія къ укрощенію казаковъ взаимными силами Польши, Трансильваніи и двухъ подунайскихъ княжествъ [48]).

Василію Тимошу оставалось надѣяться единственно на помощь Хмельницкаго. Скорбная вѣсть о неожиданномъ измѣненіи дѣлъ въ Молдавіи застала гетмана среди приготовленій къ отпору поляковъ, готовившихся вступить въ Украину. Онъ разсудилъ, что спасеніе зависитъ отъ одной скорости и рѣшился предупредить короля. Изъ глинянскаго лагеря приходили утѣшительныя вѣсти: говорили, что жолнеры разбѣгаются и бунтуютъ. Хмельницкій взялъ съ собою тридцать тысячъ казаковъ, *) нѣсколько тысячъ татаръ и бросился на Подоль. 6-го іюня подъ Печорами на Бугѣ, гдѣ гетманъ дѣлалъ смотръ своему войску, пріѣхалъ къ нему посланецъ Януша Радзивилла: Загоровскій. Литовскій гетманъ былъ теперь въ свойствѣ съ казацкимъ. Несчастіе молдавскаго господаря сближало ихъ. Самъ Радзивиллъ не любилъ Яна Казимира, и какъ многіе изъ литовскихъ пановъ того вѣка, не смотря на ополяченіе сочувствовалъ подчасъ политической литовской особности; притомъ онъ былъ диссидентъ. Сближеніе между Радзивилломъ и Хмельницкимъ пошло бы можетъ быть далѣе, если бы Хмельницкій не поставленъ былъ судьбою въ

[48]) Annal. Polon. Clim. I. 379.

*) Полки: чигиринскій (4,300), прилуцкій (3,500), миргородскій (2,000), полтавскій (3,000), кіевскій (3,000), бѣлоцерковскій (4,000), корсунскій (3,000), каневскій (4,000) черкасскій (3,400). См. Diariusz roku 165 3. рук. Имп. П. Библ.

необходимость сдѣлаться предводителемъ хлопскаго возстанія, а Радзивиллъ былъ панъ и не могъ быть ничѣмъ другимъ. Теперь Радзивиллъ являлся только примирителемъ между королемъ и Хмельницкимъ. Въ такомъ смыслѣ онъ послалъ письмо съ Загоровскимъ.

Изъ Кіева казацкій отрядъ провожалъ Загоровскаго до Бѣлой-Церкви: тамъ встрѣтилъ его съ почетомъ Золотаренко, шуринъ Хмельницкаго, и слѣдовалъ съ нимъ до казацкаго обоза. При въѣздѣ въ обозъ встрѣчалъ его другой казацкій чиновникъ миргородскій полковникъ Лѣсницкій. Посреди обоза стоялъ гетманскій шатеръ, близъ него шатеръ писаря. Выговскій, встрѣтивъ посланца, извинялся за гетмана, пригласилъ его прежде къ себѣ въ лагерь и по русскому обычаю предложилъ хлѣбъ соль. Оба выпили. Спустя немного времени обозный Коробка пригласилъ Загоровскаго къ гетману.

Какъ только посланецъ Радзивилла входилъ въ шатеръ гетмана, Хмѣльницкій шелъ къ нему, съ радушною улыбкою, сталъ его обнимать и цѣловать. Загоровскій вручилъ ему письмо. Гетманъ передалъ его писарю, самъ сѣлъ и посадилъ возлѣ себя гостя. Писарь Выговскій читалъ письмо; Хмельницкій внимательно слушалъ, по два раза прерывалъ чтеніе, такимъ образомъ, когда писарь прочиталъ въ письмѣ желаніе водворенія мира, Хмельницкій глубоко вздохнулъ и сказалъ: „Дай Господи, дай Господи миръ!“

Выговскій, читая далѣе, наткнулся на совѣтъ покориться королю.

Хмельницкій снова прервалъ чтеніе и сказалъ: „Я очень радъ и готовъ помириться; больше скажу: долго-ли, не долго ли будетъ тянуться эта война, я всегда

готовъ поклониться его величеству нашему законномь государю и благодѣтелю.“ По окончаніи чтенія Хмельницкій сказалъ посланнику: „Богъ мнѣ свидѣтель, хотя я иду теперь съ войскомъ своимъ на войско его величества, но не затѣмъ, чтобы драться съ нимъ: Богъ это видитъ! Я затѣмъ иду, чтобы при посредствѣ князя Радзивилла, отъ его величества короля нашего милосердаго государя получить вѣчный миръ; пусть кровь христіянская перестанетъ литься, а я обращу всю свою силу на враговъ креста святаго. Клянусь Богомъ не хочу войны!“

Хмельницкій говорилъ эти слова съ большимъ чувствомъ. Принесли горилки. Хмельницкій выпилъ, провозгласилъ здравіе князя Януша Радзивилла, и въ это время выпалили изъ пяти пушекъ. Потомъ выпилъ за здравіе того же князя писарь Выговскій, выпалили изъ двухъ пушекъ.

Послѣ горилки Хмельницкій снова говорилъ: „У короля войска будетъ тысячъ сорокъ пять, кромѣ посполитаго рушенія: такъ мнѣ говорили, правда ли?“

“Не знаю,“ отвѣчалъ Загоровскій.

„А у васъ,“ спрашивалъ Хмельницкій.

Загоровскій перечислилъ ему отдѣлы литовскаго войска. По его счету выходило тысячъ пятьнадцать.

„Такъ, такъ, — сказалъ Хмельницкій, — я все знаю, все знаю. А вотъ пане Загоровскій, посмотрите на мое войско.“

Онъ приказалъ за ранѣе выставиться казакамъ, предложилъ Загоровскому лошадь и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ за обозъ. Надъ нимъ во все время пути держали

бунчукъ. Казаки стояли въ строю, по бокамъ казацкихъ рядовъ копошились толпы татаръ.

„У меня войска тридцать тысячъ казаковъ,“ сказалъ Хмельницкій, „его могло быть и больше, да я распустилъ его по домамъ. Нехай хлібъ роблють, а орды будетъ у меня тысячъ восемдесятъ.“

Загоровскій не сказалъ ему ничего, но замѣтилъ про себя, что у Хмельницкаго силъ будетъ менѣе, чѣмъ онъ показывалъ. Казацкіе ряды стояли очень красиво; развивалось множество знаменъ, и между ними одно превосходило прочія величиною: оно было красное изъ адамашка, съ позолоченнымъ шаромъ на верху древка, и уже ветхое. То было знамя подаренное казакамъ королемъ Владиславомъ, казаки дорожили имъ и держали при своей артиллеріи. Хмельницкій показалъ посланцу и свои пушки; нѣкоторыя поражали своею величиною: нужно было шесть лошадей, чтобы сдвинуть ихъ съ мѣста.

На другой день 7-го іюня Загоровскаго пригласили къ гетману на обѣдъ. Хмельницкій усердно угощалъ гостя, но въ то же время приказалъ татарамъ, мимо шатра своего, прогнать толпу польскихъ плѣнниковъ; двое изъ нихъ были племянники пана Маховскаго. Хмельницкій, какъ будто ничего не зная, сталъ съ любопытствомъ распрашивать, что это за плѣнники? Объяснилось, что это польскій подъѣздъ, напавшій на селеніе Клинцы: тамъ неожиданно татары и казаки захватили поляковъ и привели плѣнными.

„Боже мой! Боже мой!—сказалъ со вздохомъ Хмельницкій,—люди его королевскаго величества бьютъ не-

винныхъ христіанъ и жгутъ города; я иду съ *покорою*, а паны ляхи войну замышляють."

Тутъ писарь Выговскій въ присутствіи Загоровскаго выкупилъ у татаръ племянниковъ пана Маховскаго, не предчувствуя вѣроятно, какое значеніе будетъ со временемъ имѣть для его собственной жизни этотъ панъ Маховскій, которому онъ теперь оказывалъ услугу.

11-го іюня Хмельницкій назначилъ отпускъ посланцу Радзивилла. Писарь Выговскій былъ съ нимъ. Хмельницкій былъ веселъ, любезенъ, пилъ за здоровье Радзивилла съ такими же церемоніальными выстрѣлами, какъ и при первомъ свиданіи и, прощаясь съ Загоровскимъ, произнесъ такую рѣчь:

„Если его милость князь Радзивиллъ успѣетъ насъ помирить, то пріобрѣтетъ себѣ вѣчную славу и обяжетъ войско запорожское вѣрною службою себѣ и своему тестю молдавскому господарю, котораго онъ, какъ сынъ, долженъ спасать вмѣстѣ съ моимъ сыномъ. Пане Загоровскій, проси князя Радзивилла, *нехай буде до насъ ласковъ, якъ отецъ и предки его були; нехай насъ съ королемъ помирить; а коли ласки его королевской милости намъ не буде, такъ ми або добъемося до покою, або одинъ на другому поляжемо за вольности наши!* Мы по неволѣ должны искать себѣ помощи: турецкій императоръ обѣщалъ намъ: турки ко мнѣ очень доброжелательны; и царь московскій обѣщалъ мнѣ помогать ради того, что я воюю за вѣру и святую церковь; татары надъ Днѣпромъ стоятъ, и сами просятъ дозволить помогать намъ войскомъ въ нѣсколько тысячъ. Татары въ моихъ рукахъ—благодѣтели наши! Но правду сказать у насъ съ ними скоро было бы разбратіе, лишь бы намъ

съ Короною польскою помириться, тогда бы ихъ не стало на Украинѣ; отъ Литвы мы не чаемъ напада. Да хоть бы и напали,—что возмутъ? у насъ ничего нѣтъ! *покрутяться по Украині та й підуть до дому, а мы по старому будемъ на Украині сидіти: трудно козацьке куріньня згубити, а хочь бы и подоліли насъ и обернули Украину въ пустиню, татаръ тимъ не стримають.* Татарамъ тогда больше поля останется на кочевье и подальше въ Польшу пойдутъ" [49]).

Отпустивши Загоровскаго, Хмельницкій съ войскомъ шелъ далѣе; казаки взяли Гродецкій замокъ и, какъ говорили поляки, не пощадили тамъ ни шляхты, ни посполитства [50]).

Въ польскомъ лагерѣ не знали вовсе ничего, какъ вдругъ, подъ Зборовомъ, нечаянно наткнулся на казаковъ польскій отрядъ, подъ командою Пѣсочинскаго; отрядъ былъ истребленъ; однако, предводитель успѣлъ убѣжать въ польскій лагерь и принесъ нерадостную вѣсть, что Хмельницкій не ближе, какъ верстъ за сто отъ поляковъ. Такимъ образомъ, польское войско имѣло время приготовиться и встрѣтить непріятеля въ порядкѣ. Король ободрялъ подчиненныхъ своимъ примѣромъ и рѣшимостью. Напротивъ, эта стычка произвела тревогу между казаками. Плѣнные поляки объявили что въ польскомъ лагерѣ огромное войско; что коммиссія нашла средства успокоить жолнеровъ; что король заключилъ союзъ съ Валахіею и съ Ракочи дѣйствовать про-

---

49) Рук. Импер. Публ. Библ. Polon. Fol. № 153.

50) Diariusz roku 1653 рук. И. П. Б.

тивъ Украины; что скоро должно присоединиться къ польскому войску посполитое рушенье.

Казаки волновались, роптали на гетмана. Предводитель, дойдя до Тарнополя, собралъ подъ Желковомъ все войско на раду: „Що намъ робить: чи итти на ляхівъ чи ні; орди немного маемо, и тая назадъ одступае". Такъ спрашивалъ онъ, хотя у него и всегда было въ обычаѣ спрашивать, по замѣчанію плѣннаго казака Уласенка. Всѣ казаки единогласно закричали: „Що Богъ и ти учинишъ, ми готови; яко почавъ, такъ и кінчай!" [51]).

Хмельницкій рѣшился послать еще разъ посольство къ королю. Посланникомъ избранъ былъ Ждановичъ, кіевскій полковникъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ казацкихъ чиновниковъ. Отправивъ эту депутацію, Хмельницкій отошелъ изъ Галиціи въ Украину и сталъ при Черномъ Островѣ [52]).

Ждановичъ явился тогда, когда для поляковъ представлялись новыя надежды успѣха въ предпринимаемой войнѣ. Ракочи и волохскіе господари приглашали Яна Казимира съ войскомъ въ Молдавію для того, чтобъ не дать впустить туда гетмана, уничтожить Тимоѳея и тогда уже идти въ Украину. Король готовился выступить. Ждановича не допустили до короля и призвали предъ гетмана Потоцкаго.

Въ казацкомъ прошеніи сначала излагалось, что, послѣ бѣлоцерковскаго договора, не казаки, а поляки виновны въ возобновленіи кровопролитій, а потомъ было, между

---

[51]) Diariusz roku 1653.

[52]) Wojna dom. Ч. 3. 93.

прочимъ, сказано: „Просимъ покорно, чтобъ на будущее время, его величество король благоволилъ сохранить зборовскій договоръ, данный запорожскому войску; чтобъ наши русскія церкви и монастыри, согласно съ правами ихъ, оставались неприкосновенными съ своими имѣніями, а унія была бы уничтожена, какъ въ Польскомъ королевствѣ, такъ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Если же король и Рѣчь Посполитая не будутъ къ намъ милостивы, то мы, не желая болѣе кровопролитія, иными способами будемъ промышлять о своей безопасности“ [53]). Самъ Ждановичъ, согласно тайному приказанію Хмельницкаго, присовокупилъ отъ себя, что казаки недовольны Хмельницкимъ за то, что онъ хочетъ отдать ихъ въ рабство туркамъ, и желаютъ остаться въ повиновеніи короля, но съ тѣмъ, чтобъ король утвердилъ зборовскій договоръ и унія была уничтожена. Но требованія уничтоженія уніи и утвержденія зборовскаго договора и въ устахъ недовольнаго Хмельницкимъ полковника, какъ и въ письмѣ самаго Хмельницкаго, произвели одинаковое негодованіе въ собраніи пановъ, такъ называемомъ *колѣ* рыцарскомъ; самъ коронный гетманъ схватилъ булаву и хотѣлъ было ею бить пословъ.

— Оружіемъ!—кричалъ онъ:—оружіемъ я дамъ вамъ отвѣтъ на ваши глупыя и варварскія требованія.—

Присутствовавшіе паны едва удержали его [54]). Самъ король, услышавъ, понялъ, что посольство казацкое

---

[53]) Памятн. кіевск. комм. III. 3. 54—56.

[54]) Annal. Polon. Clim. 375.—Лѣтоп. Величка. I. 136.—Wojna dom. Ч. 3. 98.—Latop. Jerl. 148.

есть ничто иное, какъ обыкновенная хитрость Хмельницкаго. Послѣ совѣта призвали казацкихъ пословъ, и гетманъ отвѣчалъ имъ такъ:

— Не измѣннику Хмельницкому, но всему войску запорожскому я отвѣчаю. Его величество не только не хотѣлъ читать вашего посланія, написаннаго съ согласія хитраго и двоедушнаго Хмельницкаго, но и видѣть тебя, полковникъ. Я просилъ за васъ и старался— напрасно! ваши преступленія и вѣроломства побѣдили наконецъ всякое милосердіе. Вамъ не будетъ спасенія, прежде чѣмъ войско запорожское не выдастъ самого Хмельницкаго и не задержитъ чауша, присланнаго отъ Порты [55]). Тогда пусть знатнѣйшіе изъ вашихъ, Выговскій и Богунъ, являются въ нашъ лагерь, надѣясь на безопасность. Вы останетесь здѣсь заложниками, а одинъ, самый простой изъ васъ, отнесетъ отвѣтъ.

Это препоручено было какому то сотнику, по имени Микитѣ [56]).

— Если, говорилъ Ждановичь:—воля вашей вельможности такова, что я долженъ здѣсь остаться, —противиться не смѣю, но скажу, что войско будетъ до крайности недовольно такимъ поступкомъ; оно подумаетъ, что меня уже нѣтъ въ живыхъ, придетъ въ ожесточеніе и также задержитъ вашихъ пословъ, когда случится вамъ послать. „Посолъ, какъ оселъ“—говоритъ пословица, — носить то, що на его зложено,—зъ чімъ мене послано, зъ тимъ назадъ повернутися повиненъ! Иначе

---

[55]) Wojna dom. Ч. 3. 94.

[56]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 128.

вы въ сердцахъ казацкихъ возбудите чрезвычайную къ къ себѣ ненависть.

По словамъ однихъ, гетманъ отпустилъ кіевскаго полковника [57]), а другіе говорятъ, что удержалъ его, впрочемъ обращался съ нимъ вѣжливо [58]). Послѣднее вѣроятнѣе, потому что, въ 1654 году, Ждановичъ находился въ неволѣ у Радзивилла, которому онъ, вѣроятно, былъ переданъ изъ короннаго войска [59]).

Самъ Янушъ Радзивиллъ тогда напрасно старался склонить короля и пановъ къ миролюбію, совѣтовалъ обойтись съ Хмельницкимъ ласково, назначить коммиссаровъ для заключенія съ нимъ договора; вызвался самъ содѣйствовать этому, увѣрялъ что казацкій гетманъ согласенъ примириться, лишь бы видѣлъ со стороны Польши прочность такого примиренія и увѣрялъ, что Хмельницкій доведенный до отчаянія, отдается московскому царю; по его замѣчанію уже видно было, что Москва искала только предлога поссориться съ Рѣчью Посполитою, чтобы напасть за одно съ казаками. Онъ совѣтовалъ приласкать Хмельницкаго, и сыновьямъ его дать староства. Его совѣты не были приняты [60]). Уваженія къ нему не было настолько, чтобъ не содѣйствовалъ врагамъ его тестя Лупулы; забыто было долговременное расположеніе молдавскаго господаря къ Польшѣ: онъ былъ уже въ родствѣ съ Хмельницкимъ и этого было достаточно, чтобы поступать съ нимъ какъ съ врагомъ Польши.

---

[57]) Лѣтоп. Величка I. 138.

[58]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 128.

[59]) Малорос. перепис. хранящ. въ оруж. пал. 16.

[60]) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

Польское войско готовилось выступать, какъ вотъ, 20-го іюля, явился посолъ Алексѣя Михайловича, бояринъ Рѣпнинъ-Оболенскій съ товарищами. Аудіенція дана имъ во Львовѣ [61]). Они, по прежнему, привезли требованія относительно пропуска въ титулѣ, показывали болѣе двухсотъ писемъ многихъ польскихъ дворянъ съ ошибками въ титулѣ московскаго государя, требовали немедленно казнить ихъ смертью, жаловались на самого короля, который въ своихъ подлинныхъ граматахъ дѣлалъ такія же ошибки, и требовали казни шляхтича Окуня, ae то что въ Варшавѣ дурно отозвался о царѣ.

Паны отвѣчали на отрѣзъ: здравый разсудокъ воспрещаетъ казнить людей смертною казнью безъ вины, тѣмъ болѣе, что ошибка въ титулахъ происходитъ не отъ коварства, а отъ недоразумѣній и невѣдѣнія.—

— Съ нашей стороны,—прибавили они:—мы требуемъ прежде казни тѣхъ дворянъ московскихъ, которые пропускали бѣглыхъ казаковъ въ Московское Государство, а равно запрещеніе патріарху посвящать въ Польшу поповъ грекороссійской церкви.—

Послѣ обоюдныхъ несогласій, бояринъ наконецъ заговорилъ въ первый разъ о Хмельницкомъ.

— Великій государь, его царское величество,—говорилъ бояринъ:—для православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей сдѣлаетъ брату своему королевскому величеству, таковую *поступку*, что велитъ отдать вины людямъ, которые объявились въ прописке въ государевомъ именованіи, если король и паны рады

---

[61]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. № 63.

успокоятъ междуусобіе съ черкассами, возвратятъ православнымъ церкви, которыя были *оборочены* подъ унію, не будутъ впредь дѣлать никакого притѣсненія православнымъ и помирятся съ ними по зборовскому договору [62]).

— Уніи, отвѣчали паны, король не можетъ истребить безъ нарушенія присяги; подъ Зборовомъ онъ никогда не обѣщалъ, чтобъ люди одной русской вѣры, а не униты жили въ Польшѣ; это то же, еслибъ мы требовали истребить въ Московскомъ Государствѣ старинную греческую вѣру; но король позволяетъ жить въ своемъ государствѣ христіанамъ всѣхъ вѣроисповѣданій и утвердилъ права духовенства, какъ римско-католическаго, такъ и греческаго, слѣдуя примѣру предшественниковъ. Причиною междуусобій и мятежей отнюдь не греческая вѣра, которая въ Польшѣ никогда не была гонима, а запрещеніе казакамъ дѣлать самовольства, грабежи и обиды въ сосѣднихъ странахъ, безъ чего казаки не могутъ жить. Рѣчь Посполитая не можетъ уже мириться съ Хмельницкимъ ни по зборовскому, ни по бѣлоцерковскому договору, а помирится съ нимъ тогда, когда казаки останутся на прежнихъ основаніяхъ до междуусобія. Впрочемъ, если царь беретъ на себя посредничество въ примиреніи короля съ непокорными казаками, то будетъ ли его величество отвѣчать за Хмельницкаго въ его повиновеніи, потому что онъ уже готовится принять турецкое подданство? Король предпринялъ идти съ войсками на казаковъ: если они положатъ оружіе и по-

---

62) Полн. собр. зак. росс. имп. I. 298.

корятся, то король даруетъ имъ прощеніе, а въ противномъ случаѣ, пусть московскій дворъ поможетъ намъ наказать этого мятежника какъ общаго врага.—

Бояре не принимали отговорокъ и требовали немедленно мира съ казаками. Паны на отрѣзъ отказались. Войско выступало въ походъ при глазахъ посредниковъ. Тогда бояринъ потребовалъ отпуска и, идя уже къ каретѣ, сказалъ панамъ послѣднее слово:

— Такъ какъ великій государь, его царское величество, для православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей, желая успокоить междуусобіе, хотѣлъ простить такихъ людей, которые за оскорбленіе чести государя достойны были смерти, но король Янъ Казиміръ и паны рады поставили это ни во что, поэтому великій государь, его царское величество, не будетъ терпѣть такого безчестія и не станетъ къ вамъ посылать своихъ пословъ, а велитъ о всѣхъ вашихъ неправдахъ и о нарушеніи вѣчнаго договора писать во всѣ окрестныя государства къ государямъ христіанскимъ и бусурманскимъ, и за православную вѣру, и за святыя Божіи церкви, и за свою честь будетъ стоять, сколько подастъ ему помощи милосердый Богъ [63]).

Поляковъ оскорбляло то, что московскій царь напоминалъ имъ о религіи. Они тогда говорили: никакое государство не имѣетъ права вмѣшиваться въ наши дѣла. Хорошее любопытство—знать, что дѣлается въ чужомъ домѣ! [64]).

Послѣ этого польское войско двинулось къ Галичу. „Мы шли—говоритъ участникъ этого похода—лѣсами

---

[63]) Полн. собр. зак. росс. имп. I. 299.

[64]) Рук. И. П. Б. разнояз. pol. F. 133.

и вертепами, потеряли довольно лошадей и людей; обломки покинутыхъ возовъ остались памятниками этого похода".

Поляки заложили обозъ между Галичемъ и Богуславцемъ, близъ памятника Хмелецкому, одержавшему побѣду надъ татарами. Тамъ они стояли около двухъ недѣль и въ это время послали Донгофа съ пятью тысячами на помощь Кондрацкому и Клодзинскому [65]).

Поляки не знали, куда и съ какимъ намѣреніемъ отошелъ Хмельницкій и были въ нерѣшимости, куда имъ слѣдовать: въ Молдавію ли, куда призывали ихъ союзники, или въ Украину? Ляндскоронскій настаивалъ, чтобъ король шелъ въ Украину и поспѣшилъ уничтожить мятежъ, пока Хмельницкій находится въ неблагопріятномъ положеніи. Не таково было мнѣніе Любомирскаго, опытнаго совѣтника, постояннаго соперника короля. Онъ доказывалъ, что поляки обязаны теперь помогать союзникамъ; что, уничтоживъ Тимоѳея, они еще болѣе ослабятъ Хмельницкаго, а сами усилятся, и тѣмъ успѣшнѣе могутъ подавить возстаніе. Король не зналъ, что ему предпринять и приказалъ двинуться на Подоль, намѣреваясь поступить по обстоятельствамъ. Опять поляки совершали трудный путь по тѣснинамъ и дурнымъ переправамъ и стали обозомъ, сначала подъ Гусятинымъ, а потомъ перешли къ Каменцу. Поляки стали на такомъ пунктѣ, чтобъ преградить украинскому гетману дорогу, если онъ пойдетъ на помощь къ сыну. Янъ Казимиръ изъ обоза тріумфально въѣзжалъ въ Каме-

---

[65]) Рук. И. П. Б. разнояз. Miscell. № 63.

нецъ; звонъ колоколовъ, стрѣльба изъ пушекъ, праздничное убранство цѣховъ, веселая музыка и крики: „виватъ"—все ободряло поляковъ. Безпрестанно къ нимъ прибывали новыя силы. Паны пріѣзжали въ обозъ со своими командами; панъ польный писарь привелъ 600 человѣкъ, панъ подчашій—700, коронный маршалъ—нѣсколько сотъ; все это были воины красиво вооруженные; воеводства посылали своихъ лановыхъ. Изъ нѣкоторыхъ русскихъ городовъ и мѣстечекъ приходили депутаты съ повинною; изъ этого поляки заключили, что Хмельницкій потерялъ свою нравственную силу надъ народомъ, твердили, что хлопы, испытавъ неудобства казацкаго правленія, рады повиноваться своимъ добрымъ панамъ и ихъ дозорцамъ [66]).

Хмельницкій, получивъ отвѣтъ на свое посольство, прибылъ въ Переяславль и, 13 августа, разослалъ по всей Украинѣ универсалъ: онъ оповѣщалъ всѣмъ сословіямъ украинскаго народа о вѣроломствѣ поляковъ, которые привлекли, на пагубу Украинѣ, седмиградскаго князя и волоховъ; извѣщалъ, что отечество въ крайней опасности, и приглашалъ, безъ замедленія, оставлять всякія хозяйственныя занятія и даже жатву, и спѣшить въ вооруженіи въ Чигиринъ, чтобъ оттуда идти умирать, какъ выражался гетманъ, на *достославномъ полѣ битвы и принять отъ десницы Всевышняго страдальческій вѣнецъ за истину* [67]). Такое же посланіе отправлено было къ запорожцамъ.

Въ то же время Хмельницкій послалъ деньги въ Тур-

---

[66]) Рук. И. П. Б. разнолз. Misc. № 63.

[67]) Лѣтоп. Величка I. 139—142.

цію, стараясь снова расположить въ свою пользу продажный дворъ. Хмельницкій увѣрялъ визиря, что Ракочи, соединившись съ поляками, думалъ освободиться изъ подданства Турціи, а для того то поставляетъ новаго господаря въ Молдавіи, дабы ослабить силу турецкой власти въ подунайскихъ земляхъ и имѣть для себя союзниковъ противъ турокъ, что онъ въ заговорѣ противъ Турціи, съ римскимъ императоромъ и Венеціею. Визирь, хотя и не былъ совершенно расположенъ въ пользу казачества, ясно видя, что Хмельницкій его обманываетъ, однако боялся допустить усилиться Ракочи, поэтому и обѣщалъ Хмельницкому помощь.

Другое посольство отправлено къ хану. Не трудно было снова преклонить его. Вѣроломный союзникъ остался въ проигрышѣ отъ своей берестечской измѣны. Поляки приписывали побѣду своему искуству, а отнюдь не потачкѣ хана, и, считая себя вправѣ разорвать утѣснительный зборовскій договоръ, перестали платить крымскому повелителю. Ханъ приказалъ крымскимъ и казильбашскимъ ордамъ собираться въ походъ [68]). Исламъ-Гирей, съ своей стороны, старался расположить Турцію въ пользу своего предпріятія и представлялъ визирю, что въ настоящее время слѣдуетъ не давать Польшѣ усиливаться и отнять у ней Украину, какъ будто въ пользу Хмельницкаго, а впослѣдствіи можно будетъ легко завоевать ее и подчинить Турціи [69]).

Третье посольство отправлено было въ Москву. „Извѣщаю ваше царское величество (писалъ Хмельницкій),

---

[68]) Wojna dom. Ч. 3. 97.—Кратк. истор. о бунт. Хмельн. 46.

[69]) Кратк. ист. опис. о Мал. Росс. 26.

что король уже идетъ въ Украину, но мы, не хотя отдать на поруганіе церквей и монастырей Божіихъ и христіанъ на мучительство, бьемъ челомъ, чтобъ великій государь насъ пожаловалъ и приказалъ поскорѣе послать къ намъ помощь. Если ваше царское величество и теперь не сжалишься надъ православными христіанами, просящими у тебя милости со слезами, то иновѣрцы насъ подобьютъ подъ себя и мы, по неволѣ, должны будемъ чинить ихъ волю. Уже царь турецкій прислалъ къ намъ въ обозъ въ Борки своего посланца, приглашая въ подданство себѣ, но я ему отказалъ, надѣясь на государеву милость; а если ты, великій государь, насъ не пожалуешь и не примешь къ себѣ, тогда мнѣ остается свидѣтельствоваться Богомъ, что я многократно просилъ у государя милости и не получилъ. Но съ польскимъ королемъ у насъ мира не будетъ ни за что [70]).“

Въ началѣ августа Хмельницкій отправилъ сына Тимоѳея въ Молдавію съ 20,000 казаковъ и съ нимъ татаръ, а самъ на короткое время пріѣхалъ въ Суботово отдохнуть и какъ истый малоруссъ ѣздилъ по пасѣкамъ и пилъ горилку. Тутъ пріѣхалъ къ нему царскій гонецъ Иванъ Ѳоминъ. Это былъ уже второй гонецъ: только что передъ нимъ былъ у него отъ царя стольникъ Ладыжинскій. Иванъ Ѳоминъ сообщалъ Хмельницкому, какъ и Ладыжинскій, что царь ожидаетъ какъ окончится посольство въ Польшу Рѣпнина-Оболенскаго и какъ узнаетъ, тогда послѣдуетъ царскій указъ: „Ты гетманъ Богданъ и ты писарь Иванъ и все войско запорожское на его

[70]) Полн. собр. зак. рос. имп. I. 299.

государеву милость будьте надежны"—говорилъ подъячій.—„У насъ" —сказалъ Хмельницкій—„и на умѣ того не было, чтобы съ поляками мириться, потому что подъ Зборовомъ и Бѣлою-Церковью они съ нами мирились и присягали и въ присягѣ своей не устояли. Пусть только его царское величество изволить прислать намъ ратныхъ людей, а я напишу листы въ Оршу, Могилевъ и иные бѣлорусскіе города: бѣлорусскіе люди тотчасъ начнутъ биться съ ляхами, а ихъ будетъ тысячъ двѣсти." Нѣсколько дней послѣ того, Хмельницкій угощалъ царскаго гонца, потомъ на прощанье 19-го августа пріѣхалъ къ нему самъ. Подъячій описываетъ этотъ пріѣздъ такъ: гетманъ отслушалъ молебное пѣніе въ церкви Воскресенья и поѣхалъ ко двору, который отвели подъ постой царскому гонцу. Передъ гетманомъ вели двѣ лошади, накрытые попонами, трубачи играли на трубахъ, а позади гетмана ѣхало сто провожатыхъ казаковъ. Подъѣхавъ къ воротамъ, гетманъ слѣзъ съ лошади; всѣ провожавшіе его казаки также слѣзли съ лошадей и пошли за нимъ во дворъ. Гетманъ уже былъ пьянъ и сѣлъ было на дворѣ, но царскій гонецъ попросилъ его въ свѣтлицу. Тутъ Хмельницкій говорилъ ему: „Турецкій императоръ задержалъ было моего посланника Ильяша за то что сынъ мой воевалъ волошскую землю, а какъ услышалъ, что я бью челомъ царю московскому о подданствѣ, тотчасъ отпустилъ Ильяша; турокъ боиться, чтобъ великій государь не послалъ рати на его землю."—„Мнѣ сказывали—говорилъ подъячій, что къ тебѣ на помощь пришли крымцы".—„Да правда—сказалъ Хмельницкій—и я съ ними иду на войну. Пусть только государь изволитъ принять насъ въ вѣч-

ное подданство и пошлетъ намъ поскорѣе на помощь своихъ государевыхъ людей. а мы кромѣ его, великаго государя. никому не бьемъ челомъ и не хотимъ поддаться. Крымскіе ханы и мурзы мнѣ друзья и меня послушаютъ и они съ татарами будутъ у его царскаго величества вѣчно въ холопствѣ. Теперь то время пришло и подоспѣло счастье великаго государя. Иныя земли, которыя къ намъ близко подошли, будутъ у него великаго государя, въ подданныхъ [71]).

Казацкое войско увеличивалось; число собственно казаковъ простиралось до пятидесяти девяти тысячъ, изъ нихъ девять тысячъ было запорожцевъ. а остальные украинскіе казаки [72]).

Уже не было тогда одушевленія прежнихъ годовъ; безпрестанныя опустошенія наскучили народу. Къ тому же случился неурожай: до 12.000 народа ушло на Низъ, другіе продолжали переселяться въ Московщину Приказаніе Хмельницкаго оставить сельскія занятія и работы и спѣшить въ его войско, повторяемое уже другой годъ возбуждало въ народѣ ропотъ и даже сопротивленіе. Хмельницкій побуждалъ къ повиновенію жестокими мѣрами. Лоевцы вздумали ослушаться и не пошли работать укрѣпленія; за это Хмельницкій приказалъ жечь Лоевъ [73]).

Хмельницкій, точно какъ и враги его, былъ въ нерѣшимости, куда ему идти. Съ одной стороны, сынъ его просилъ скорѣе прибыть на помощь, съ другой, Укра-

---

[71]) Акты. Ю. и З. Р. Томъ III. 505—507.

[72]) Лѣтоп. Величка. I. 143.

[73]) Рук. Имп. П Б. польс. № 133.

инѣ угрожало вторженіе поляковъ. Онъ рѣшился еще разъ вести переговоры съ поляками; посылать своихъ онъ боялся, чтобы и другаго посланника не задержали у себя ляхи, какъ Ждановича. Онъ послалъ къ королю плѣннаго шляхтича Полицкаго съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ миръ. Эта попытка пуще раздражила и ободрила поляковъ: „значитъ—говорили они—Хмельницкій боится насъ и не вѣритъ въ свои силы, теперь то и нужно его уничтожить" [74]).

Сочавскій замокъ, лежащій на берегу Серета избранъ былъ убѣжищемъ господаршею, какъ по причинѣ его неприступности, такъ и по близости къ Украинѣ, откуда можно было ожидать помощи отъ Хмельницкаго. Первоначально вошли въ крѣпость двѣ тысячи двѣсти молдаванъ, изъ которыхъ тысяча человѣкъ пѣхоты были наняты насчетъ господарши. Потомъ пришелъ Тимошъ съ своимъ отрядомъ, а наконецъ явился другой вспомогательный отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ искуснаго и отважнаго вождя, кальницкаго полковника, Ивана Ѳедоренка. Этотъ отрядъ простирался, по сказанію однихъ историковъ, до семи тысячъ [75]), а по сказанію другихъ—до двѣнадати тысячъ [76]). Огромное войско изъ волоховъ, молдаванъ, передавшихся Стефану, венгровъ и, наконецъ, поляковъ окружило Сочаву. Казаки защищались около двухъ мѣсяцевъ съ необычайнымъ мужествомъ; ни искуство инженеровъ, ни храбрость венгровъ, предводительствуемыхъ искуснымъ Янушемъ Ки-

[74]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

[75]) Annal. Polon. Clim. 1. 377

[76]) Лѣтоп. Величка. 1. 145.

мени, имѣвшимъ у себя 9.000 войска и четыре большія пушки, не могли ничего сдѣлать. Вылазки казаковъ были часты, неожиданны и гибельны; предводители, утомившись оставляли уже осаду, но тутъ явился еще новый польскій отрядъ изъ Вара; начальникъ его, старикъ Гувальтъ, пристыдилъ осаждавшихъ насмѣшками надъ трусостію и уговорилъ кончить начатое. Осажденные продолжали обороняться съ прежнею отвагою, но припасы ихъ истощались: они должны были довольствоваться тремя колодцами съ дурною и неизобильною водою. Поляки отняли у нихъ лучшую воду, заперли теченіе водопровода изъ Серета.

Такъ прошло около двухъ мѣсяцевъ. Пріѣхавшій отъ короля уполномоченнымъ Маховскій послалъ предложеніе сдать замокъ. Господарша отвергла его съ презрѣніемъ. „Эта женщина (говоритъ современникъ) показала тогда, что у ней душа была выше ея пола [77]); съ неутомимою дѣятельностью она лично всѣмъ завѣдывала, раздавала воинамъ муку, мясо, напитки, воду, сыпала казакамъ деньги; поддерживала къ себѣ любовь молдаванъ привѣтливостью и обѣщаніями; безпрестанно увѣряла, что они скоро будутъ избавлены, что Хмельницкій уже недалеко и скоро явится въ тылъ осаждающимъ. Безъ сомнѣнія, такъ бы и случилось, еслибъ неожиданное несчастіе не разрушило всѣхъ надеждъ.“

Въ союзное осадное войско прибылъ Димитрій Вишневецкій, непримиримый врагъ Тимоѳея, отбившаго у него невѣсту. Онъ не зналъ соперника въ лицо, и по-

---

[77]) Annal. Polon. Clim 1. 385.

сулилъ большія деньги тому, кто его укажетъ. Трое шляхтичей, взятые въ плѣнъ казаками и спасенные Тимоѳеемъ отъ смерти, взялись услужить князю. И вотъ, однажды, когда Тимоѳей ходилъ по валу между пушками, предатели указали на него. Инженеры направили туда колюбрину (такъ назывался тогда родъ пушекъ); ядро попало въ возъ, на которомъ стояла казацкая пушка; осколки дерева ударили Тимоша въ ногу и въ голову, и казаки отнесли въ замокъ предводителя, окровавленнаго. безъ чувствъ [78]). По другому извѣстію разсказывается иначе: „Тимошъ, по казацкому обычаю любилъ выпить до пьяна и укладывался спать подъ шатромъ. Перебѣжчикъ изъ Сочавы указалъ польскимъ пушкарямъ мѣсто. гдѣ отдыхаетъ сынъ Хмельницкаго. Пушкарь направилъ туда орудіе, ядро попало въ сундукъ, стоявшій подлѣ спавшаго Тимоша. Осколокъ дерева повредилъ ему бедро, рана была опасная.“ — „У него“—говоритъ одинъ полякъ—„была испорчена кровь отъ распутства: онъ перепробовалъ всѣхъ боярынь изъ свиты господарши своей тещи“ [79]). Подобные слухи распускали поляки о своихъ врагахъ. „Явная небесная кара!..“ восклицаетъ современный польскій историкъ, убѣжденный. что ядро, какъ громъ, убиваетъ не по нѣкоему случаю, а по начертанію высшаго правосудія [80]).

Казаки немедленно послали нарочнаго къ Хмельницкому Несмотря на трудность прохода, гонецъ успѣлъ

[78]) Annal. Polon. Clim. I. 386. — Лѣтоп. Величка. I. 146.—Histor. ab exc. Wlad. IV 129.

[79]) Рук. И. П. Б. разнолз. Misc. № 63.

[80]) Wojna dom. Ч. 3. 99.

пробраться, но напрасно! Черезъ четыре дня Тимошъ скончался отъ антонова огня [81]). Господарша показала здѣсь въ высшей степени свое геройство. Она скрыла тѣло Тимоша, увѣряла, что онъ живъ, а между тѣмъ отдала команду Ѳедоренку и употребляла всѣ силы, чтобъ обороняться до прихода Богдана [82]).

Ѳедоренко съ казаками сдѣлалъ сильную вылазку, ударилъ на венгровъ и поляковъ и поразилъ такъ, что они потеряли нѣсколько тысячъ [83]). Они обратились въ бѣгство; побѣдители бросились расхищать лагерь. Но Кондрацкій и Донгофъ успѣли остановить бѣгущихъ: собравшись, они дали отпоръ; Ѳедоренко отступилъ въ крѣпость [84]).

Съ тѣхъ поръ храбрость давала казакамъ рѣшительный перевѣсъ; но обманъ не могъ продолжаться: казаки узнали, что Тимоша нѣтъ на свѣтѣ и взволновались. Изъ страха и уваженія, они жертвовали жизнью за Хмельницкаго; но когда его не стало, имъ казалось излишнимъ подвергать себя гибели изъ за чужихъ. Тогда господарша бросилась въ толпу и со слезами начала ихъ упрашивать. „Вы (говорила она) геройски сражались за живаго своего полководца. Уже ли теперь потеряете славу свою? Уже ли предательски оставите меня, бѣдную сироту? Вспомните, что я родила ту, которая теперь носитъ во чревѣ плодъ Тимоѳея... еще нѣсколько дней — явится Богданъ; онъ уже близь Умани и идетъ

---

[81]) Истор. Мал. Росс. I. 292.

[82]) Annal. Polon. Clim. 386.

[83]) Лѣтоп. Величка. I. 146.

[84]) Histor. ab exc. Wlad. IV 129.

освободить насъ: вы будете спасены со славою и честью!“

Ея просьбы, ея мужество и рѣшимость обуздали на время казаковъ. Толпа привѣтствовала ее восклицаніями. Поднимая къ небу правыя руки, казаки обѣщали стоять за нее вѣрно до послѣдней капли крови [85]). Между тѣмъ, союзники усилили свои натиски: изъ польскаго королевскаго лагеря пришло извѣстіе, что Хмельницкій идетъ спасать осажденныхъ, а ханъ присоединяетъ свои орды къ нему на помощь. Король требовалъ, чтобъ Кондрацкій и Донгофъ постарались, какъ можно скорѣе, взять крѣпость [86]). Казаки, ободряемые господаршею и Ѳедоренкомъ, были въ безпрестанныхъ битвахъ, но голодъ между ними усиливался до того, что, лишенные хлѣба и воды, они грызли кожу [87]); изъ двадцати тысячъ оставалось въ живыхъ только восемь тысячъ [88]). Они съ часу на часъ дожидались Богдана, но Богданъ не приходилъ, а между тѣмъ, вмѣсто избавителей, могъ появиться къ нимъ польскій король съ войскомъ. Снова началось волненіе. Одни не надѣялись пощады отъ поляковъ, которыхъ раздражали упорствомъ [89]), истребивъ нѣсколько тысячъ союзниковъ во время осады [90]), другіе, напротивъ, изнуренные голодомъ, выбивались изъ силъ и готовы были сдаться. Тѣмъ

[85]) Annal. Polon. Clim. I. 387.
[86]) Лѣтоп. Величка. I. 147.
[87]) Истор. Мал. Росс. I. 291.
[88]) Лѣтоп. Величка. 146.
[89]) Wojna dom. Ч. 3. 99.
[90]) Лѣтоп. Величка. I. 146.

болѣе, что Маховскій нѣсколько разъ предлагалъ имъ пощаду отъ имени короля. Ѳедоренко предпочиталъ смерть сдачѣ. Но тогда, господарша, видя крайность, сама сказала полковнику: „Уже теперь дѣться некуда; намъ бѣда не только отъ враговъ, но и отъ своихъ, потому что, съ часу на часъ, надобно ожидать явнаго возмущенія: если среди внутренняго безпорядка враги возьмутъ насъ, то истребятъ всѣхъ огнемъ и мечомъ, а если мы сдадимся на честныя условія, то спасемъ жизнь, свободу и имущества". Ѳедоренко послалъ трубача къ Кондрацкому [91]). „Мы готовы сдаться на предложенія отъ имени короля (извѣщалъ онъ); но знайте, что хотя казаки въ крайнемъ положеніи, хотя голодъ терзаетъ насъ и оружіе непріятельское не даетъ намъ ни на минуту покоя, однако мы готовы лучше, защищаясь, положить свои головы, какъ прилично храбрымъ, чѣмъ купить жизнь цѣною такой сдачи, которая будетъ гнусною" [92]).

Кондрацкій сообщилъ предложеніе Ѳедоренка Маховскому и Кимени [93]). Полководцы чрезвычайно обрадовались, потому что боялись прибытія Хмельницкаго [94]). Немедленно составили и отослали Ѳедоренку предложенія такого содержанія:

„Казаки должны присягнуть въ вѣрности королю, и Рѣчи Посполитой и въ сохраненіи пріязни къ седмиградскому князю и обоимъ волошскимъ господарямъ; положить предъ генералами и коммиссарами знамена, въ знакъ

---

[91]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 129.

[92]) Annal. Polon. Clim. I. 388.

[93]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 129.

[94]) Annal. Polon. Clim. I. 390.

покорности и примиренія, и взять потомъ съ собою, исключая десяти, подъ которыми войдутъ въ польскій лагерь, положить также всѣ пушки и оружіе, и взять ихъ съ собою подъ клятвою, не обращать противъ союзниковъ, ни подъ какимъ предлогомъ не брать съ собою ничего, принадлежащаго собственно крѣпости, а также оставить имущество Тимоѳея и все, взятое во время войны въ молдавскихъ церквахъ; никого чужаго не выводить съ собою, и не оказывать на пути въ Украину никакихъ непріязненныхъ дѣйствій. Господаршѣ предоставлено ѣхать съ своимъ сыномъ, со всею свитою и имуществомъ, куда ей угодно, а все, принадлежавшее бывшему господарю, казенное и боярское, должно перейти въ распоряженіе новаго господаря, Стефана“ [95]).

Ѳедоренко принялъ условія. Впослѣдствіи носились слухи, что Кондрацкій, услышавъ о приближеніи Хмельницкаго и не желая со стыдомъ бѣжать изъ подъ Сочавы, подкупилъ Ѳедоренка за большія деньги согласиться на мирныя условія. Скорую, послѣ того, смерть Кондрацкаго нѣкоторые приписывали ипохондріи, которая постигла его отъ горести о потерянныхъ деньгахъ [96]).

Какъ бы то ни было, 9 октября, Ѳедоренко, въ сопровожденіи сотниковъ и старшины, явился въ польскій лагерь и, въ присутствіи военачальниковъ, съ поднятыми вверхъ двумя пальцами, произнесъ предъ еван-

---

[95]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 130. — Annal. Polon Clim. I. 388. — Кратк. опис. о бунт. Хмельн. 49. — Wojna dom. Ч. 3. 100. — Лѣтоп. Величка. 147. — Ks. Pam. Jak. Mich. 688. — Рук. Имп. П. Библ. Misc. № 63.

[96]) Annal. Polon. Clim. I. 390.

геліемъ присягу въ томъ, что казаки не будутъ предпринимать ничего непріязненнаго противъ Польши и союзниковъ [97]). Стефанъ вступилъ въ замокъ. „Жена Лупулы (говоритъ современникъ) съ твердостью встрѣтила супругу соперника, теперь заступившую ея мѣсто [98]), и, сохраняя свое достоинство, уѣхала съ приближенными женщинами. Однако, Стефанъ не отпустилъ ее безъ мщенія: онъ приказалъ распороть ноздри сыну Василія, чтобъ онъ не могъ быть господаремъ по причинѣ уродства“ [99]). Немного поживился въ крѣпости новый господарь, какъ ожидалъ, думая, что богатства Лупулы несмѣтны. Предусмотрительный Лупула заранѣе пустилъ свои капиталы въ оборотъ, раздавъ венеціанскимъ, амстердамскимъ и гданскимъ негоціантамъ на проценты [100]). Побѣдителю досталось только много драгоцѣнныхъ камней и дорогихъ металлическихъ вещей, но и то большею частью было раздарено поздравлявшимъ его съ побѣдою [101]). Въ знакъ благодарности, онъ послалъ польскому королю сто яловыхъ коровъ, 300 барановъ и 80 бочекъ меда и вина къ столу [102]). Поляки взяли съ собою также нѣсколько орудій и, такимъ образомъ, отправились къ лагерю [103]).

Хмельницкій получилъ извѣстіе о ранѣ сына среди приготовленій къ защитѣ Украины противъ нашествія

---

97) Ibid. I, 389.—Лѣтоп. Величка. I. 148. Jak. Michal—683.

98) Annal. Polon. Clim. I. 390.

99) Истор. Мал. Росс. I. 292.

100) Annal. Polon. Clim. I. 390.—Wojna dom. Ч. 3. 101.

101) Кратк. истор. о бунт. Хмельн. 49.

102) Ibid.—Wojna dom. Ч. 3. 101.—Jak Mich. 691.

103) Annal. Polon. Clim. I. 390.

короля, готоваго вступить въ русскую землю и, въ порывѣ горести, перемѣнилъ свои планы и рѣшился двинуться въ Молдавію. Старшины вознегодовали на него. На собранной радѣ полковники сказали: „Не потребно намъ чужу землю обороняти, а свою безъ остереганья метати, потреба намъ за себе стояти и свою землю обороняти.“ Гетманъ, бывъ тогда пьянъ, взбѣсился и саблею ударилъ по рукѣ черкасскаго полковника Воронченка, но потомъ, опомнившись и, вѣроятно, увидѣвъ, что эта горячность еще болѣе вооружила противъ него подчиненныхъ, просилъ прощенія, три раза поклонился казакамъ въ землю, выкатилъ имъ меду и сквозь слезы умолялъ ихъ: „Дітки мои! Напийтеся та и мене не подайте!“ Такая кротость восхитила вольныхъ казаковъ.

„Пане гетмане!“ кричали казаки: „нехай твоя воля буде, а мы съ тобою усі готові“ [104]).

Хмельницкій оставилъ для обереганія Украины полки: нѣжинскій, переяславскій и черниговскій, подъ начальствомъ Золотаренка и приказалъ ему стать подъ Черниговомъ, на случай вторженія литовскаго войска [105]). Въ Бѣлоруссію посланъ былъ съ казацкимъ отрядомъ Подобайло для возмущенія хлоповъ. Онъ разглашалъ, что московскій царь идетъ освободить ихъ отъ насилія польскихъ пановъ [106]). Казаки тѣмъ легче согласились идти въ Молдавію, что и война противъ поляковъ должна была разъиграться въ этой странѣ, или въ сосѣдствѣ ея.

---

[104]) Истор. Мал. Росс. I. прим. 302.

[105]) Лѣтоп. самов. 21.

[106]) Annal. Polon. Clim. I. 392.

На дорогѣ неожиданно встрѣтилъ Богданъ казаковъ, возвращавшихся изъ Сочавы. Они везли съ собою гробъ Тимоѳея. „Слава Богу! (сказалъ старикъ) мой Тимоѳей умеръ какъ казакъ, и не достался въ руки враговъ“ [107]).

Казаки представили ему плѣннаго польскаго ротмистра Могильницкаго. Вопреки договору, онъ напалъ на нихъ на пути и хотѣлъ отнять тѣло Хмельницкаго, но казаки разсѣяли отрядъ и взяли въ плѣнъ предводителя [108]). Польскій современникъ представляетъ это дѣло иначе и обвиняетъ въ вѣроломствѣ казаковъ. Могильницкій, по словамъ его, былъ данъ казакамъ для того, чтобъ привести ихъ въ королевскій лагерь для доставленія пушекъ; но на Днѣстрѣ, когда поляки вышли пасти лошадей, казаки напали на нихъ и насильно повлекли съ собою предводителя въ Украину. Они обманули Кондрацкаго: они оставили ему четырехъ заложниковъ, выдавая ихъ за знатныхъ чиновниковъ, а потомъ объяснилось, что это были простые казаки [109]). Трудно рѣшить, кто правъ изъ историковъ воюющихъ между собою народовъ!

Хмельницкій приказалъ вести тѣло сына въ Чигиринъ, поставить въ церковь и не хоронить до своего возвращенія. Останки юноши были привезены, 22-го октября, въ Чигиринъ. Локсандра Хмельницкая родившая въ отсутствіе мужа двухъ близнецовъ, встрѣтила гробъ за городомъ, вмѣстѣ съ женою Богдана Хмельницкаго и дочерьми его. Погре-

---

107) Истор. Мал. Росс. I. 293.

108) Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс. 170.

109) Annal. Polon. Clim. I. 389.

бальный звонъ сливался вмѣстѣ съ пушечными и ружейными выстрѣлами: такъ слѣдовало отдавать послѣдній долгъ рыцарю [110]).

Между тѣмъ, отецъ съ двадцатью тысячами казаковъ шелъ далѣе; ханъ слѣдовалъ ему на помощь. Простоявъ двѣ недѣли подъ Каменцемъ, поляки услышали о смерти Тимоша, очень обрадовались и разсудили, что теперь нечего ждать и слѣдуетъ идти въ Украину. Польское войско въ первыхъ числахъ октября двинулось по направленію къ Бару, но тутъ господари изъ подъ Сочавы прислали вѣсть, что Хмельницкій и ханъ со множествомъ ордъ буджацкихъ, черкасскихъ, добруджскихъ и нагайскихъ идутъ на нихъ. Между панами сдѣлалось раздвоеніе; одни говорили: „незачѣмъ идти въ Украину, надобно воротиться и стать поближе къ сочавскимъ союзникамъ, чтобъ не подвергать ихъ опасности; другіе, напротивъ, доказывали, что если поляки отступятъ, то непріятель подумаетъ, что они робѣютъ и это придастъ ему бодрости. Среди раздумья что дѣлать, доставлены въ обозъ перехваченныя письма Хмельницкаго къ казакамъ, осажденнымъ въ Сочавѣ, гдѣ казацкій гетманъ обѣщалъ имъ скоро придти на помощь. Тогда мнѣніе, что слѣдуетъ отступать назадъ къ Каменцу, взяло верхъ. Въ добавокъ передовой отрядъ литовскаго конюшаго наткнулся подъ Баромъ на татаръ и принесъ страшную вѣсть, будто Хмельницкій и ханъ недалеко отъ Бара.

Вѣсть эта оказалась ложною; около Бара не было ни

110) Истор. Мал Росс. I. 293.

Хмельницкаго, ни хана; былъ только татарскій загонъ. Но поляки уже не пошли далѣе. Они думали, что непріятель гдѣ нибудь недалеко. На насъ—стали тогда говорить осторожные—казаки и татары наскочуть во время переправъ и будетъ съ нами то, что было подъ Зборовомъ[111]). Къ досадѣ отважныхъ, которымъ хотѣлось идти въ глубину русской земли и опустошать ее, также подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не разлучиться съ союзниками, поляки воротились подъ Каменецъ и остановились лагеремъ подъ Жванцемъ, на берегу Днѣстра, противъ лежащаго за Днѣстромъ Хотина, въ пятнадцати верстахъ отъ Каменца.

Мѣстоположеніе, избранное польскимъ обозомъ, было очень выгодно для оборонительной войны: съ юга закрывалъ его Днѣстръ, съ сѣвера—большая болотистая долина рѣки Жванца, съ фронта—укрѣпленный замокъ, а съ запада—овраги и лѣса. Поляки сдѣлали мостъ на плашкотахъ черезъ Днѣстръ для сообщенія съ союзниками и насыпали спереди обоза баттареи [112]). Войско состояло изъ тридцати тысячь польскихъ жолнеровъ, двадцати, а по другимъ двадцати девяти тысячъ нѣмцевъ [113]) и восьми тысячь новобранцевъ, присланныхъ изъ воеводствъ [114]); сверхъ того, на другой сторонѣ Днѣстра, около Хотина, стояли союзники: десять тысячъ венгровъ подъ начальствомъ Кимени и три тысячи волоховъ [115]). Польскіе

---

[111]) Рук. Имп. П. Библ. Miscell. N. 63.—Woyna dom. ч. III. 102.

[112]) Рукоп. И. П. Библ. Misc. № 63.

[113]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 130.—Latop. Jerl. 157

[114]) Annal. Polon. Clim. I. 394

[115]) Ibid.—Histor. ab. exc Wlad. IV. 130

писатели не показываютъ, какъ велико было число лановыхъ, а украинскій лѣтописецъ простираетъ число всего королевскаго войска около восьмидесяти тысячъ [116]). Можетъ быть и было такъ много народу въ польскомъ лагерѣ потому что, кромѣ настоящихъ жолнеровъ, поляки брали съ собою множество нефронтовыхъ слугъ и погонщиковъ, годныхъ къ битвѣ, которыхъ можно было употребить, при случаѣ, въ дѣло. Поляки получили радостное извѣстіе о взятіи Сочавы, а вслѣдъ затѣмъ прибыли въ обозъ послы отъ Ракочи и волошскихъ господарей съ желаніемъ счастія и успѣха польскому королю. 15-го октября въ обозѣ пѣли Te Deum и праздновали пораженіе казаковъ. Послы седмиградскаго князя представляли трудность помогать со стороны своего князя полякамъ, потому что онъ вассалъ Турціи, и согласились, что Ракочи пришлетъ въ польское войско отрядъ въ качествѣ волонтеровъ. Дѣйствительно, послѣ того вскорѣ прибыло въ войско двѣ тысячи венгровъ подъ командою полковника Михаила Микѣши; волошскіе господари прислали также по тысячѣ волоховъ. Воевавшіе подъ Сочавой поляки присоединились къ своимъ [117]); силистрійскій паша, по взятіи Сочавы, двинулъ назадъ войска, предназначенныя для помощи Хмельницкому, въ случаѣ необходимости [118]); написалъ къ польскому канцлеру ласковое письмо [119]). Турція остерегалась столько же Хмельницкаго, сколько и Ракочи. Самъ ханъ, услы-

---

[116]) Лѣтоп. Величка I. 151.

[117]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

[118]) Лѣтоп. Величка I. 148.

[119]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 130.—Jak. Michal. 193.

шавъ о взятіи Сочавы, остановился и началъ снова охладѣвать въ своемъ предпріятіи. Такимъ образомъ много надеждъ представлялось полякамъ.

Надежды эти были пустыя. Хмельницкій обѣщалъ хану имущество Лупулы и своего сына, и указывалъ, что теперь то самое вѣрное средство уничтожить въ конецъ поляковъ [120]). Казацкій гетманъ составилъ тогда планъ войны очень замысловатый: онъ воспользовался мѣстностью, гдѣ стояли поляки, и научилъ хана послать татарскіе загоны на Волынь, чтобъ отрѣзать непріятельское войско отъ отечества [121]) и съ намѣреніемъ началъ медлить для того, чтобы продержать непріятеля до зимы [122]): онъ зналъ, что продовольствіе у поляковъ скоро истощится, что воины, не получая жалованья, не запасшись на зиму теплымъ платьемъ, не станутъ служить, и готовился напасть на враговъ тогда, когда уже они дойдутъ до критическаго положенія. На сторонѣ Хмельницкаго было много выгодъ: онъ зналъ все, что дѣлалось въ польскомъ лагерѣ, между тѣмъ, какъ враги его не получали вѣрныхъ извѣстій о татарахъ и казакахъ. Хотя изъ польскаго лагеря, одинъ за другимъ, выѣзжали подъѣзды, кружили по Украинѣ, добѣгали даже до Днѣпра, а въ лагерь приводили какого нибудь поселянина, который или не зналъ ничего, или не хотѣлъ ничего сказать [123]).

Татарскіе загоны грабили по Волыни, Подоли и Червоной Руси до самаго Львова и протянулись линіею,

---

[120]) Annal. Polon. Clim. I. 391.

[121]) Ibid. I. 392.

[122]) Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс. 171.

[123]) Wojna dom. Ч. 3. 104.

чтобъ преградить полякамъ обратный путь. Такимъ образомъ поляки стояли до половины ноября въ бездѣйствіи. Лановые жолнеры кричали, что срокъ ихъ кончился, что они обязывались служить только три мѣсяца и требовали отпуска. Всѣ убѣжденія и обѣщанія гетмана и полководцевъ были напрасны [124]). „Они (говорить лѣтописецъ) не дорожили честью, но стыдились безславія, самовольно убѣгали, и, вмѣсто прибытія домой, обыкновенно попадались въ руки татарамъ и высказывали непріятелю о безпорядкахъ въ польскомъ лагерѣ" [125]). Даже тѣ, которымъ удавалось избавиться отъ татарскаго загона, приходили домой полунагіе; слуги и погонщики обирали ихъ [126]). Въ то время своевольство дошло до такой степени, что шляхтичи набирали разнаго рода бродягъ, одѣвались въ татарское или казацкое платье, и безчинствовали въ селахъ и мѣстечкахъ. Бѣглецы изъ войска или попадались въ руки подобныхъ себѣ, или же сами собою увеличивали толпы разбойниковъ. Такіе безпорядки происходили безнаказанно; нѣкоторые попадались въ руки мѣщанамъ и, бывъ приведены на судъ, оправдывались, потому что были дворяне [127]).

Примѣръ лановыхъ подѣйствовалъ и на кварцяныхъ. Послѣ праздника св. Мартина, обыкновенно польскія войска распускались на зимовыя квартиры. Жолнеры роптали, что ихъ держатъ, вопреки законному положе-

---

[124]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 168.

[125]) Annal. Polon. Clim. I. 326.—Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

[126]) Wojna dom. Ч. 3. 103.

[127]) Kronika miasta Lwowa. 333.

нію и притомъ не платятъ и не даютъ ѣсть. Многіе расходились самовольно. Король раздавалъ имъ деньги изъ собственной кассы [128]), но и то не успокоило ихъ, потому что въ лагерѣ не доставало продовольствія и за деньги; притомъ, осенніе дожди и холодъ дѣлали несноснымъ положеніе воиновъ въ шалашахъ и палаткахъ. Воины окоченѣвали отъ стужи; распространились смертельныя болѣзни; въ особенности страдала нѣмецкая пѣхота, лучшее и надежнѣйшее войско въ обозѣ [129]). Въ то же время оставили короля и союзники. Венгры ушли, несмотря на то, что король платилъ имъ понедѣльно: они отговаривались тѣмъ, что пришли подъ Хотинъ безъ зимней одежды [130]). Молдаване только ушли прежде всѣхъ, какъ только заслышали о приближающемся непріятелѣ [131]), но сдѣлались изъ союзниковъ врагами поляковъ: голодные польскіе жолнеры пустились собирать продовольствіе по Молдавіи, грабили что попадало, разоряли домы, виноградники, скотные дворы и даже насиловали дѣвушекъ и женщинъ; взбѣшенные молдаване гонялись за ними и пришли въ такое ожесточеніе, что безъ разбора каждаго польскаго воина, котораго встрѣчали въ своихъ деревняхъ, рѣзали, либо сажали на колъ, топили въ водѣ, вѣшали на деревѣ [132]). При такомъ печальномъ положеніи войска, между предводителями возникли несогласія; на короля роптали.

---

128) Лѣтоп. Величка I. 149.—Wojna dom. Ч. 3. 103.
129) Wojna dom. Ч. 3. 103.
130) Annal. Polon. Clim. I. 375.
131) Histor. ab exc. Wlad. IV. 130.
132) Annal. Polon. Clim. I. 395.

„Мы (говорили паны) провели весну, лѣто и осень въ безполезныхъ разсужденіяхъ и совѣтахъ, и теперь должны сражаться зимою, когда у насъ нѣтъ ни одеждъ, ни припасовъ, когда холодный и голый жолнеръ не въ силахъ зарядить пушки“ [133]).

Хмельницкій, зная о такомъ положеніи непріятеля, увидѣлъ, что настаетъ, наконецъ, пора дѣйствовать и побудилъ хана осадить польское войско, чтобъ выморить его голодомъ. Въ самомъ дѣлѣ, поляки, по собственному сознанію ихъ, обречены были въ гибель. Непріятельское войско двинулось на нихъ во второй половинѣ ноября.

Поляки все еще не знали ничего, и вѣрное извѣстіе о приближеніи хана принесъ вѣрный королю казакъ Ясногурскій. Онъ извѣстилъ, что несмѣтныя орды Исламъ-Гирея находятся ужъ подъ Шаргородомъ; что ханъ послалъ къ Ракочи и молдавскимъ господарямъ посольство. Вслѣдъ за тѣмъ полковникъ Микѣша прислалъ пойманнаго татарина. Этотъ плѣнникъ сообщилъ полякамъ утѣшительныя извѣстія: всѣ мурзы понуждаютъ хана оставить Хмельницкаго; турецкій чаушъ приказывалъ ему сдѣлать тоже отъ своего правительства; ханъ ворожилъ:—будетъ ли ему счастье: пущено двѣ стрѣлы на воздухъ,—обѣ упали остріемъ одна къ другой; изъ этого заключили, что обѣ стороны равносильны [134]). Тогда Шембергъ нарядился въ молдавское платье, взялъ изъ своего сто пятидесятнаго отряда восемь человѣкъ и, встрѣтивъ татарскаго посла, привѣтствовалъ его на волошскомъ

133) Wojna dom. Ч. 4. 105.

134) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

языкѣ и объявилъ, что господарь, услышавъ о посольствѣ хана, выслалъ его на встрѣчу. Отъ имени господаря онъ изъявлялъ желаніе измѣнить полякамъ и пристать къ татарамъ и казакамъ. Татаринъ довѣрился ему и продолжалъ съ нимъ путь, какъ вдругъ, воспользовавшись его оплошностью, Шембергъ съ своею малочисленною свитою схватилъ татарина и ускакалъ въ польскій лагерь [135]). Ханскія письма прочитаны были въ военномъ совѣтѣ. „Если ты (писалъ ханъ Ракочи) не отстанешь отъ поляковъ, то не сомнѣвайся, что тебѣ будетъ очень худо. Я изолью обильное мщеніе надъ цѣлымъ твоимъ народомъ; ты всему причиною: ты напалъ на стараго господаря и выгналъ его. Теперь, если хочешь спастись отъ совершеннаго разоренія, оставайся въ повиновеніи у Порты и отступи отъ поляковъ. Какую помощь можетъ дать тебѣ король противъ Оттоманской Порты, когда онъ не въ силахъ сладить съ своими взбунтовавшимися подданными? И теперь поляки сидятъ закопавшись въ землѣ. Мы съ ордою не отойдемъ отсюда пока не попытаемъ счастія, зашедши такъ далеко ворочаться, ничего надъ ними не сдѣлавши, было бы намъ вѣчное безславіе и неудовольствіе отъ Порты. Лучше намъ побрататься съ ними заразъ и дѣйствовать за одно [136]). Подобныя предложенія были уже въ другой разъ [137]), и, вѣроятно, страшась хана и Турціи, Ракочи самъ приказалъ Кимени заблаговременно уйдти. Стефанъ молдав-

[135]) Annal. Polon. Clim. I. 332.—Рук. И. П. Б. Misc. № 63.
[136]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.
[137]) Annal. Polon. Clim. I. 391.

скій, овладѣвъ, съ помощью поляковъ, престоломъ, также разсудилъ спокойно пользоваться имъ.

Поляки начали разспрашивать татарина. „Хмельницкій и ханъ (сказалъ онъ) знаютъ, что войско ваше изнурено до крайности и намѣреваются отрѣзать васъ отъ Польши. Загоны заняли уже всю Подоль и Покутье; васъ примкнутъ къ Днѣстру и будутъ всю зиму морить холодомъ и голодомъ. Для этого ханъ приказалъ татарамъ запастись тулупами" [138]). Тогда, говоритъ русскій лѣтописецъ, въ польскомъ войскѣ возникъ страхъ пилявскій винницкій и зборовскій. Не только простыя, но и знатныя особы, безъ позволенія уходили [139]). Чрезъ нѣсколько дней посланный на подъѣздъ Гурскій принесъ вѣсть, что уже ханъ подъ Гусятинымъ. Намѣреніе хана было ясно: онъ могъ изъ подъ Шаргорода ближе напасть, но пошелъ на западъ, чтобъ отнять у нихъ подвозъ продовольствія и отрѣзать имъ путь въ Польшу [140]). Предводители собрали совѣтъ.

— Единственное средство, говорили одни: — выйдти на встрѣчу непріятеля и дать рѣшительное сраженіе.

— Это значитъ, возражали имъ на совѣтѣ:—отдать на погибель короля и все войско. Посмотрите на нашихъ воиновъ и сравните съ непріятельскими: у непріятеля сила такая же, какъ подъ Берестечкомъ! Да еще можетъ присоединиться къ Хмельницкому здѣшняя

---

[138]) Лѣтоп. Величка. I. 149.—Крат. опис. о бунт. Хмельн. 50.—Wojna dom. Ч. 3. 104.

[139]) Annal. Polon. Clim. I. 396.

[140]) Wojna dom. Ч. 3. 106.- Лѣтоп. Величка. I. 150.—Рук. И. П. Биб. Misc. № 63. —Ks.Pam. Jak. Michal. 708.

чернь. Гораздо лучше поскорѣе убѣжать домой чрезъ Покутье и какъ нибудь обмануть непріятеля.

Большинство придерживалось такого мнѣнія.

—Это невозможно,—говорили третьи:—всѣ проходы заняты казаками и татарами; они насъ будутъ преслѣдовать со всѣхъ сторонъ: намъ остается положиться на судьбу, молиться Богу и оставаться на мѣстѣ. Мѣстоположеніе здѣсь удобно: воды отнять у насъ нельзя [141]), а продовольствіе будемъ получать изъ Молдавіи [142]).

— А кто же поручится,—возражалъ имъ Любомирскій:—что враги не окружатъ насъ со всѣхъ сторонъ? Конечно, этого надобно ждать. Если мы останемся въ такомъ положеніи еще нѣсколько дней, то невѣрные будутъ насъ брать полуживыхъ отъ голода и холода, и вязать, какъ барановъ. Надобно было думать объ этомъ прежде; а когда мы уже допустили себя до такого положенія, то, чтобъ, по крайней мѣрѣ, не погибнуть даромъ, предложимъ хану войти въ переговоры и попробуемъ разлучить татаръ съ казаками [143]).

Противъ этого мнѣнія возникли неудовольствія; начали еще совѣтовать раздѣлить войско и отправить часть его на татаръ. Любомирскій представлялъ несообразность такого предпріятія, но король, постоянно недовольный Любомирскимъ, грубо отвергнулъ его представленія [144]), и рѣшился узнать подлинно, гдѣ ханъ и какъ расположены непріятельскія силы. Онъ приказалъ всему войску

---

[141]) Лѣтоп. Величка. I. 150.

[142]) Annal. Polon. Clim. I, 397.

[143]) Wojna dom. Ч. 3 — 306. Pam. o wojn. koz. za Chmiel. 127.

[144]) Annal. Polon Clim. I. 397.

оставаться въ обозѣ и отправилъ къ Гусятину сильный отрядъ подъ начальствомъ Клодзинскаго.

Янъ Казимиръ, по увѣренію современника, замышлялъ было съ нѣкоторыми приближенными уйдти тихонько, оставя войско на произволъ судьбы, но другіе узнали и пе допустили его до этого [145]). Убѣждаемый канцлеромъ Корыцинскимъ, онъ долженъ былъ по неволѣ пристать ко мнѣнію Любомирскаго [146]). Поляки (говоритъ современникъ) [147]) увидѣли, что ни подъ Зборовомъ, ни въ другомъ мѣстѣ отечество не было въ такой опасности. Польша готова была лишиться всего священнаго и драгоцѣннаго, что называла своимъ, и даже предковскихъ гробовъ. Предводители съ ужасомъ замѣтили, что изъ всей пѣхоты осталось только четыре тысячи: остальное умерло или разбѣжалось.

Лановые убѣгали изъ обоза; ихъ примѣръ заразилъ и другихъ: 28 Ноября сдѣлалось общее смятеніе: перемышляне, бѣльзяне, люблиняне, висличане, холмчане, опочняне, подлясцы, поднялись и толпами вырвались изъ обоза. Увлекаемые ихъ примѣромъ, кварцяные не слушали команды, бѣжали изъ обоза, другіе нападали на панскіе возы и грабили ихъ; такимъ образомъ ограбили возы короннаго хорунжаго; гетманы, чтобы разнять драку и прекратить грабежъ и побѣгъ, приказали палить по своевольнымъ: такимъ образомъ легло значительное число жолнеровъ, лановыхъ и пахолковъ. Это прекратило смуту, но послѣ того обозъ

145) Latop. Jerlicza. 152.

146) Annal. Polon. Clim. I. 397.

147) Wojna dom. Ч. 3. 110.

не досчитался многихъ. За то лановые изъ внутреннихъ польскихъ земель—(сендомирчане, радомляне, пильзяне, черсчане, стенжичане, нурчане) не послѣдовали за товарищами и заслужили большую похвалу. Бѣжавшіе попадали въ руки татарамъ и казакамъ и тамъ разсказывали, что въ польскомъ войскѣ господствуютъ побѣги, недостатокъ и ужасающая смертность. Это придавало ихъ непріятелямъ отваги, и Хмельницкій умолялъ хана двинуться на обозъ.

Послѣ потрясающаго смятенія въ польскомъ обозѣ, предводители только о томъ и совѣтовались, какъ бы склонить на свою сторону хана обѣщаніями и уступками, какъ вдругъ вѣрный полякамъ казакъ Ясько Ясногурскій привелъ хлопа, который объявилъ, что посланъ отъ ханскаго визиря съ письмомъ къ польскому канцлеру [148]). Письмо это было такого содержанія:

„Неприлично такому монарху, какъ польскій король, закапываться въ землю и прятаться за ничтожными валами предъ голыми татарами. Къ чему томить и себя и васъ? Выходите въ поле и расправьтесь съ нами оружіемъ, или помиримся".

Канцлеръ отвѣчалъ ему такъ:

„Неприличнѣе хану, монарху, вести *побратымство* съ холопами. Гораздо приличнѣе быть братомъ короля. Мы готовы и на то и на другое: и расправиться оружіемъ и заключить миръ [149]). А что вы насъ укоряете что мы закапываемся въ землю, такъ у насъ такой

---

[148]) Рук. И. П Б. Misc. разнояз. 63.

[149]) Лѣтоп. Величка. I. 151.—Wojna dom. Ч. I. 107.—Кратк. ист. о бунт. Хмельн. 51. Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

обычай, такъ какъ у васъ въ обычаѣ, для легчайшаго побѣга, огараживаться одними кольями.

Получивъ это письмо, ханскій визирь написалъ къ Любомирскому, просилъ освободить своего слугу Фетака, попавшагося въ плѣнъ и предлагалъ маршалу идти по слѣдамъ своего отца и устроить миръ между монархами. Любомирскій исполнилъ его желаніе, изъявилъ готовность мириться, но показывалъ видъ, что поляки еще способны къ защитѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ Исламъ-Гирей написалъ къ Любомирскому и льстилъ ему, замѣчая, что считаетъ его болѣе другихъ пановъ способнымъ устроить важное дѣло [150]). Любомирскій исполнилъ желаніе визиря и изъявлялъ готовность мириться, но показывалъ видъ, что поляки еще могутъ защищаться [151]). Вслѣдъ за тѣмъ 4 декабря прибылъ въ польскій обозъ татарскій посолъ Ахметъ-Кази-Атталыкъ. Онъ привезъ полное согласіе вступить въ переговоры и проектъ мирныхъ статей: изъ него поляки увидали, что ханъ хочетъ возобновленія зборовскаго договора какъ для себя, такъ и для казаковъ. Посланникъ просилъ, чтобъ поляки отъ себя послали своихъ пановъ въ заложники и со стороны татаръ предлагалъ въ заложники мурзъ. Канцлеръ написалъ къ Шеферкази нѣсколько въ шутливомъ тонѣ: онъ воображалъ, съ какимъ радушіемъ они другъ друга угощали, еслибъ тотъ или другой попался въ плѣнъ, но въ то время, когда поляки обдумывали какъ имъ вступать въ переговоры, прибѣжалъ въ обозъ посланный на подъѣзъ Клодзинскій. Онъ благо-

---

[150]) Jak. Michal. Ks. Pam. 715.

[151]) Annal. Polon. Clim. I. 398.

получно доходилъ до Гусятина, поймалъ языковъ и возвращался назадъ, но за десять верстъ отъ обоза, подъ селомъ Кудринцами, напали на него ногаи и разгромили въ пухъ. Самъ онъ былъ раненъ двумя стрѣлами. Близость татарскихъ силъ къ польскому обозу перепугала поляковъ. Все войско готовилось дать отпоръ, ожидая съ часу на часъ нападенія. Дѣло о переговорахъ прервалось. Прошло послѣ того два дня. 7 декабря пріѣхалъ въ польскій обозъ тотъ же татарскій посолъ Ахметъ-Кази-Атталыкъ съ новымъ письмомъ отъ Шеферкази. Если хотите дѣлать дѣло, такъ скорѣе дѣлайте, а пустяками времени не оттягивайте и насъ не водите. Возьмите въ руки зборовскія статьи и прочитайте ихъ. Развѣ не понимаете, что ханъ требуетъ прежнихъ upоминковъ, а онъ имѣетъ волю привести къ послушанію тѣхъ, которые причиною всей войны". Таковъ былъ смыслъ письма Шеферкази. Послѣ долгихъ разсужденій, король и паны отправили къ хану и визирю письма. Король точно также, какъ въ оное время подъ Зборовомъ, изъявлялъ удивленіе нашедши хана съ ордою тамъ, куда онъ, король, прибылъ для укрощенія своихъ непослушныхъ подданныхъ. Съ уѣзжавшимъ туда, Ахметъ-Кази-Атталыкомъ, отправленъ былъ поручникъ польнаго гетмана Войниловичъ и Бѣчинскій съ небольшимъ отрядомъ. Ночью съ 8 на 9 декабря напали на нихъ ногаи, разгромили польскій отрядъ, ограбили поляковъ, съ самаго Ахметъ-Кази-Атталыка сорвали шапку, а письма, которые везли посланцы, побросали въ болото. Утромъ узнали они, что разгромленный ими отрядъ ѣхалъ не на войну, а ради начинавшихся мирныхъ переговоровъ,

и воротили награбленное [152]). Украинскій лѣтописецъ [153]) говоритъ, что когда Хмельницкій узналъ, что между ханомъ и поляками начинаются мирныя сношенія, то принялся всѣми силами отклонять хана отъ примиренія и убѣждалъ поскорѣе сдѣлать нападеніе; но ханъ искалъ только своей выгоды: ему нужно было возвратить дань, которой лишило его берестечское пораженіе; онъ боялся возвышенія Хмельницкаго, зналъ о его сношеніи съ московскимъ царемъ и давно уже внутренно былъ къ нему нерасположенъ [154]). Видя, что ханъ рѣшительно склоняетея къ миру, Хмельницкій пригласилъ ногайскую орду.

Какъ бы то нибыло, но это нападеніе не имѣло важныхъ послѣдствій. Войниловичъ съ Атталыкомъ воротились въ польскій обозъ; письма, которыя они потеряли были снова написаны и они опять отправились къ хану.

Въ слѣдующіе дни поляки были въ тревогѣ. Они побаивались, не замышляютъ ли казаки и татары провести ихъ, показываютъ для вида склонность къ переговорамъ, и протягиваютъ время, для того, чтобы имѣть возможность осадить польскій обозъ, пресѣчь полякамъ сообщеніе съ ихъ краемъ и истребить голодомъ. До поляковъ доходили вѣсти, что въ то время, когда они сидятъ подъ Жванцемъ и покушаются мирными средствами вырваться изъ бѣды, татарскіе загоны опустошаютъ прилежащій край: они стали появляться уже и на Волыни и даже Львовъ боялся ихъ посѣщенія. Къ пущей

---

[152]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. Miscell. 63.

[153]) Лѣт. Величка. І. 151.

[154]) Истор. о през. бр.

бѣдѣ жителей, разбѣжавшіеся изъ польскаго обоза лановые жолнеры безчинствовали не лучше татаръ, да и бѣглые кварцяные отъ нихъ не отставали, а тутъ еще карпатскіе горцы, люди русскіе по происхожденію и вѣрѣ, выскакивали изъ своихъ ущелій партіями, носившими названіе опришковъ, нападали на поляковъ, гдѣ только могли и дѣлали имъ зло. Такимъ образомъ, польскому войску было необходимо, какъ можно скорѣе освободиться изъ осады и уйти изъ подъ Жванца, чтобъ спасать свою землю отъ разореній всякаго рода. 11 декабря пріѣхалъ Атталыкъ снова съ письмами отъ хана и его визиря, въ отвѣтъ на письмо польскаго короля. Исламъ - Гирей разсыпался въ изъявленіяхъ дружбы и мира и, объяснялъ, что онъ, послѣ зборовскаго договора, никогда бы не рѣшился идти въ польскую землю, если бы справедливость не понуждала его помирить польскаго короля съ казаками [155]). Атталыкъ замѣчалъ, что нападеніе казаковъ сдѣлано по наущенію безбожнаго, какъ онъ выражался, Хмельницкаго [156]). Онъ предлагалъ самимъ полякамъ назначить мѣсто для переговоровъ, отрядить коммиссаровъ и размѣняться заложниками. Поляки указали мѣсто совѣщанія подъ Каменцемъ и прислали заложникомъ знатнаго Мурзу Хамамбета. Поляки отправили князя Корыцкаго, но татарамъ показалось мало одного заложника, и поляки присоединили къ нему яворовскаго старосту Яна Собѣскаго, будущаго польскаго короля.

13 Декабря, на разсвѣтѣ, прибыли подъ Каменецъ

---

[155]) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

[156]) Hist. pan. Jan. Kaz. I. 173.—Annal Polon. Clim. I. 409.

съ обѣихъ сторонъ коммиссары для заключенія мира. Коммиссарами съ польской стороны назначены были коронный канцлеръ Корыцинскій, коронный маршалъ Любомирскій, русскій воевода Ляндкоронскіи и два каштеляна: сендомирскій и волынскій [157]). Ханъ выслалъ съ своей стороны Шеферкази, Карачъ-Мурзу и Сегинь-Мурзу. Мѣсто для съѣзда выбрали близь новаго замка. Польскихъ пановъ провожалъ двухтысячный отрядъ конницы; съ татарскими коммиссарами былъ также отрядъ своей конницы; и польское и татарское войско стояли за полверсты отъ мѣста съѣзда коммиссаровъ. Подалѣе отъ нихъ въ сторонѣ, виднѣлся таборъ прибывшаго казацкаго отряда подъ начальствомъ писаря Выговскаго [158]).

— Государь мой (началъ ханскій канцлеръ) привѣтствуетъ брата своего, короля, и удивляется, почему зборовскій договоръ между ними нарушенъ; за Польшею остается неуплоченными хану болѣе ста тысячъ червонцевъ. —

— Король, съ своей стороны, привѣтствуетъ хана и думаетъ, что вся Европа должна удивляться, почему зборовскій договоръ нарушенъ со стороны хана. Польскій король не отказывается отъ платежа ста тысячъ червонцевъ, если только, его величество ханъ помня нашъ союзъ, отступитъ отъ измѣнниковъ и нарушителей общественнаго спокойствія —казаковъ [159]).

---

[157]) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.
[158]) Рук. И. П. Б. разнояз. Miscell. № 63.
[159]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 132.

— Миръ можетъ состояться, если поляки, во первыхъ, заплатятъ намъ сто тысячъ червонцевъ и будутъ потомъ ежегодно исправно платить намъ, на основаніи зборовскаго договора съ ханомъ; во вторыхъ, если позволятъ ордѣ, возвращаясь, брать сколько угодно яссыру въ польскихъ областяхъ; втретьихъ, если подтвердятъ казакамъ зборовскій договоръ и въ четвертыхъ если дадутъ заложниками мира знатнѣйшихъ сенаторовъ [160]).

Само собою разумѣется, что второе предложеніе было неслыханное и показывало полякамъ крайній упадокъ ихъ отечества. „Вы первые—сказали поляки—заговорили о трактатахъ, а теперь предлагаете такія условія какихъ принять намъ нельзя. Мы не отрекаемся давать хану упоминки и будемъ доставлять ихъ чрезъ коммиссаровъ. За то пусть ханъ учинитъ разбратіе съ казаками и не дозволитъ своимъ татарамъ брать яссыръ въ нашемъ краѣ.

„Если казаки—отвѣчалъ Шеферкази—не будутъ оставлены при зборовскомъ договорѣ, а намъ не позволятъ брать яссыра по самую Вислу, если, притомъ, не пошлете къ намъ въ Крымъ двухъ знатнѣйшихъ пановъ въ заложники, то все это будутъ пустые разговоры: лучше отдадимъ съ обѣихъ сторонъ нашихъ заложниковъ и возьмемся за оружіе. —

Первое совѣщаніе тѣмъ и кончилось. Коммиссары послали къ королю спрашивать: что имъ дѣлать? Они изъявляли готовность согласиться на татарскія условія, только въ такомъ случаѣ, когда король дастъ имъ удосто-

---

[159]) Annal. Polon. Clim. 403.—Wojna dom. Ч. 3. 109.—Лѣтоп. Величка. I. 154.—Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

вѣреніе (ассекурацію), которое бы оправдало ихъ, когда имъ придется отвѣчать предъ Рѣчью Посполитою.

Извѣстіе о татарскихъ требованіяхъ произвело тревогу, волненіе и несогласія между радными панами. Одни храбрились, говорили, что лучше отважиться на бой и испытать счастіе; другіе находили, что положеніе въ какомъ находится польское войско, не дозволяетъ этаго и слѣдовательно, приходится помириться съ татарами во что бы то нистало. Впрочемъ взятые языки показывали, что и хану въ настоящее время нуженъ миръ. „Орда волнуется—говорили они—татары сердятся на Хмельницкаго: они здѣсь ему помогаютъ противъ васъ, а на ихъ домы нападаютъ калмыки!"

Волненія, происходившія въ польскомъ обозѣ и приготовленія къ битвѣ вслѣдствіе ободрительныхъ вѣстей, сообщенныхъ языками, стали извѣстны въ татарскомъ обозѣ; татары сдѣлали объ этомъ замѣчаніе польскимъ коммиссарамъ находившимся подъ Каменцомъ, а коммиссары извѣщали радныхъ пановъ, что приготовленія къ битвѣ у поляковъ раздражаютъ татаръ и мѣшаютъ дѣлу миротворенія. Они просили денегъ задобрить ханскихъ коммиссаровъ[161]). По извѣстію украинскаго лѣтописца, король прислалъ имъ пять тысячъ червонцевъ на подарки визирю и мурзамъ, а современное извѣстіе [162]) говоритъ, что поляки обѣщали имъ, въ качествѣ подкупа, сорокъ тысячъ польскихъ злотыхъ, лишь бы татары одказались отъ ужаснаго требованія дозво-

---

161) Рук. И. П. Б. разнояз. Miscell. № 63.

162) Лѣтоп. Величка I. 154.

лить имъ собирать яссыръ въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой [163]).

Какъ бы то ни было, но 14 декабря сенаторы прислали согласіе—такъ называемую ассекурацію на заключеніе мира съ татарами. Ассекурація эта была составлена съ такихъ выраженіяхъ: Сенатъ беретъ на себя отвѣтственность и будетъ стараться объ утвержденіи на сеймѣ договора, долженствующаго быть заключеннымъ на основаніи зборовскаго договора, какъ того требуетъ непріятель и на что поляки должны согласиться, избѣгая большаго несчастія, ибо, въ противномъ случаѣ, опасность угрожаетъ и особѣ наияснѣйшаго нашего короля и всему войску. Слово сенаторовъ должно служить порукою вѣрности, и мы всѣми мѣрами будемъ стараться, чтобы миръ, вынужденный крайнею опасностію особѣ его величества, былъ утвержденъ на будущемъ сеймѣ [164]).

На другой день, по полученіи ассекураціи, въ понедѣльникъ 15 декабря, польскіе коммиссары съѣхались снова съ татарскими [165]). Разсказываютъ польскіе историки, что въ этотъ разъ маршалъ Любомирскій, съѣзжаясь съ ханскимъ визиремъ, замѣтилъ, что конь подъ визиремъ споткнулся и сказалъ: „вотъ вы нехотите мириться съ поляками, а ваши кони кланяются намъ и просять мира“.—„Это мой конь лѣнится оттого, что ему приходится ѣхать на разговоры, а вотъ какъ придется ему ѣхать на битву, такъ онъ бодро подомною пойдетъ“ [166]).

---

[163]) Jak. Michal. Ks. pam. 716.

[164]) Рукоп. польск. Арх. Мин. Ин. Дѣл.

[165]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

[166]) Hist pan. Jana Kaz. I. 177.

Послѣ того, Шеферкази отозвалъ Любомирскаго въ сторону и сказалъ: „Не думайте, чтобъ ханъ цѣнилъ лучше побратымство съ глупою черныю, чѣмъ съ королемъ [167]). Лишь бы король наградилъ за это хана, а то мы отступимъ отъ казаковъ" [168]).

Тогда договорились, что ханъ отказывается отъ казаковъ [169]); но, чтобъ не раздражить ихъ, для вида постановили, будто король, въ числѣ условій, подтверждаетъ зборовскій договоръ казакамъ [170]). Что касается права собирать яссыръ, то коммиссары постановили такую сдѣлку: допускали татаръ впродолженіе сорока дней грабить, разорять и уводить въ плѣнъ единственно русскихъ жителей, отнюдь не касаясь поляковъ [171]), т. е. дворянъ и католиковъ. Ляндскоронскій, сынъ воеводы, и Станиславъ Олесницкій отправились къ хану заложниками вѣрности до уплаты суммы [172]).

Напрасно Хмельницкій умолялъ хана не покидать его; напрасно уговаривалъ мурзъ просить за него.

„Безъ всякой вины нашей (говорилъ онъ хану) твое величество оставляешь насъ и допускаешь снова пасть въ бездну несчастія. Я помню твои благодѣянія; моя душа чувствуетъ ихъ и я готовъ всегда отблагодарить за нихъ. Не обращай, государь, въ погибель нашу, то

---

167) Histor. ab exc. Wlad. IV. 132.

168) Annal. Polon. Clim. I. 403.

169) Histor. ab exc. Wlad. IV. 133.

170) Annal. Polon. Clim. I. 404. — Woyna dom. Ч. 3: 111. — Лѣтоп. Велички. I. 155. — Истор. о през. бр.

171) Histor. belli cosac. polon. 223. — Кратк. опис. о бунт. Хмельницкаго. 51.

покровительство, которое намъ приносило счастіе. Обратись лучше на поляковъ, зачинщиковъ раздора, чѣмъ преслѣдовать несчастныхъ казаковъ, лишенныхъ всякой помощи".

Но ханъ былъ глухъ къ его моленіямъ; онъ отговаривался, что сдѣлалъ для него все, что могъ, но не можетъ кормить голодныхъ татаръ обѣщаніями и словами. „Главное дѣло (замѣчаетъ польскій лѣтописецъ), Хмельницкій не могъ дать ему денегъ [173]) столько, сколько посулили поляки". Другой современникъ замѣчаетъ, что ханъ положилъ себѣ дѣйствовать такъ, чтобъ не допускать до совершеннаго перевѣса ни поляковъ, ни русскихъ, а какъ скоро одни начнутъ усиливаться, онъ начиналъ защищать слабѣйшихъ, дабы, такимъ образомъ, сосѣди безпрестанно сами себя терзали, а татары могли получать отъ того свою пользу [174]). По заключенію трактата, ханъ поздравлялъ Хмельницкаго, съ возвращеніемъ зборовскаго договора; а между тѣмъ отправилъ въ польскій лагерь тайнаго посла. „Ханъ (говорилъ этотъ посолъ) изъявляетъ желаніе помогать принудить къ повиновенію казаковъ. Пусть только пригласятъ татаръ воевать москалей и прикажутъ идти въ походъ и казацкому войску: тогда мы ихъ окружимъ и придавимъ [175]).

Хмельницкій узналъ, что поляки и татары заключили такой договоръ на погибель Украины [176]). Онъ не

---

172) Annal. Polon. Clim. I. 409. Рук. И. П. Б.-Misc. N 63.

173) Annal. Polon. Clim. I. 404.

174) Histor. belli cosac. polon. 224. — Истор. о през. бр.

175) Annal. Polon. Clim. I. 405.

176) Истор. о през. бр.

могъ противиться и дѣйствовать самъ противъ поляковъ: онъ могъ опасаться, что ханъ открыто соединится съ врагами. У него оставалась одна надежда на московскаго царя и потому онъ поспѣшилъ удалиться съ своимъ войскомъ. 16-го декабря н. с. уѣхалъ король во Львовъ, а за нимъ пошли на зимовыя квартиры остатки польскаго войска. Изъ него болѣе двадцати тысячъ оказалось погибшими подъ Жванцемъ отъ голода, стужи, болѣзней [177]), остальное вскорѣ забыло горе и начало дѣлать насиліе поселянамъ [178]).

Тогда крымскія и нагайскія орды разсѣялись по брацлавскому и подольскому воеводствамъ, и весь край до самаго Люблина загорѣлся и задымился огнемъ и кровью. Это было слѣдствіе договора съ поляками! „О, какое горе! (восклицаетъ лѣтописецъ) какой плачъ, какое стенаніе! Языкъ не можетъ выразить всего ужаса этихъ дней: растлѣніе дѣвицъ, посрамленіе супругъ, лишеніе имуществъ, голодная смерть, стыдъ неволи и цѣпей“! [179]) Но и поляки были тогда же наказаны за договоръ: хотя положено было разорять однихъ русскихъ, однако, своевольные нагайцы опустошали всю русскую страну по самую Припѣть, не разбирая своихъ жертвъ, разоряли и сожигали шляхетскіе домы и болѣе пяти тысячъ шляхты—мужей, женъ и дѣвицъ — пошло на арканахъ въ Крымъ [180]). Современники разсказываютъ, что подъ

---

[177]) Latop. Jerl. 153.

[178]) Annal. Polon. Clim. I. 405.

[179]) Истор. о през. бр.

[180]) Histor. belli. cosac. polon. 223. — Кратк. истор. о бунт. Хмельницкаго. 52.

Дубномъ отправлялась свадьба знатнаго пана, венденскаго каштеляна Кашевскаго; на свадьбѣ было много гостей. Вдругъ, когда началось свадебное пиршество, гости услышали крикъ народа: *татары! татары!* и увидѣли пожаръ. Они считали невозможнымъ попасться въ руки невѣрныхъ, и въ то время, когда нѣкоторые схватились было за оружіе, другіе смѣялись надъ испугомъ товарищей и опорожняли чаши: вѣроятно, надѣясь на договоръ, они полагали, что бѣда отъ татаръ грозитъ только отверженнымъ холопамъ. Но татары ворвались въ палацъ, зажгли все строеніе и всѣхъ гостей, жениха, свадебныхъ дружекъ и поѣзжанъ погнали въ Крымъ на веревкахъ. Только полуживая мать и невѣста скрылись въ болотѣ [181]).

Такое же разореніе постигло и казацкую Украину [182]). Ханъ, возвращаясь изъ подъ Жванца, позволилъ крымцамъ поступать съ украинцами, какъ угодно, и татары сожгли до основанія нѣсколько селеній и мѣстечекъ, а изъ другихъ увели въ плѣнъ всѣхъ жителей [183]). „Тогда (говоритъ старинная пѣсня): *зажурылась* Украина и увидѣла, что негдѣ ей дѣться; тогда орда топтала конями маленькихъ дѣтей, рубила старыхъ, брала въ плѣнъ молодыхъ“ [184]). Такъ то разсчитывалась бѣдная Украина за свое шестилѣтнее побратымство съ невѣр-

---

[181]) Истор. о през. бр.—Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс. 172.

[182]) Annal. Polon. Clim. I. 392. — Wojna dom. Ч. 3. 114. — Кратк. истор. о бунт. Хмельниц. 52. — Истор. о през. бр.—Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс. 172.—Histor. belli cosac. polon. 224.

[183]) Истор. о през. бр.

[184]) Украин. народ. пѣсни, изд. Максим.

ными! „Бусурманы (говорить лѣтописецъ) въ соумышленіи съ поляками хотѣли погубить до конца русскій народъ, но Богъ, запинаяй лукавыхъ въ коварствѣ, обрати и постави яко же бѣ ему звѣстно въ неизслѣдимомъ совѣтѣ“ [185]).

---

[185]) Истор. о през. бр.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Земская дума въ Москвѣ.—Прибытіе московскихъ пословъ въ Переяславль.—Переяславская рада 8-го января 1694 года.—Присяга.—Московскіе послы въ Кіевѣ.—Утвержденіе переяславскаго договора.

1-го октября, 1653 года, въ Москвѣ происходило великое событіе. Столица восточной Руси кипѣла множествомъ народа, прибывшаго изъ разныхъ сторонъ государства. Государь слушалъ обѣдню въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, гдѣ служилъ патріархъ Никонъ. Потомъ, осѣняемый хоругвями и образами, при громѣ колоколовъ, сопровождаемый духовенствомъ и мірянами, царь пошелъ въ грановитую палату и, въ царственномъ одѣяніи, сѣлъ на тронъ. По бокамъ его сѣли духовные: патріархъ Никонъ, митрополитъ крутицкій Сильвестръ, сербскій митрополитъ Михаилъ, нѣсколько почетныхъ архимандритовъ и игумновъ, бояре, окольничьи, думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, дворяне городовые, дѣти боярскіе; вся зала наполнилась людьми разнаго сословія; здѣсь были гости и торговые люди, наконецъ, выборные изъ посадовъ и уѣздовъ и стрѣльцы. Это была Земская Дума или Соборъ, собиравшійся въ важныхъ случаяхъ.

Думный дьякъ началъ читать вслухъ, что, по послѣднему миру съ поляками, было постановлено писать царскій титулъ по его государскому достоинству, какъ великій государь самъ себя описуетъ, но что въ королевскихъ граматахъ и письмахъ разныхъ польскихъ магнатовъ открыто много ошибокъ; что, кромѣ того, въ польскихъ книгахъ печатаны были такія „*злыя безчестья, и укоризны, и хулы, чего не только великимъ государямъ христіанскимъ, помазанникамъ Божіимъ, и простому человѣку слышати и терпѣти невозможно и помыслити страшно*"; что государь нѣсколько разъ посылалъ требовать удовлетворенія и не получалъ; что, притомъ, поляки дѣлали неоднократно разныя притѣсненія порубежнымъ жителямъ Московскаго Государства. Потомъ было объявлено, что гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ нѣсколько разъ въ прошедшихъ годахъ извѣщалъ государя, что паны рада и вся Рѣчь Посполитая возстали на православную вѣру греческаго закона, и на святыя Божія восточныя церкви, отвращали запорожскихъ казаковъ отъ истинной православной вѣры, неволили къ своей религіи, запечатывали церкви Божіи, обращали въ унію и причиняли православнымъ такія поруганія и оскорбленія, какихъ не дѣлають надъ еретиками и жидами. Вслѣдъ затѣмъ, чтецъ описывалъ, какъ украинцы ополчились за вѣру, какъ принудили поляковъ согласиться на уничтоженіе уніи, но поляки не исполняли договоровъ и клятвъ своихъ; какъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ просилъ государя принять его подъ государеву высокую руку; а если государь не захочетъ, то, по крайней мѣрѣ, вступиться за нихъ и помирить ихъ съ поляка-

ми; какъ государь предлагалъ королю и Рѣчи Посполитой прощеніе оскорбителямъ царской чести, если, съ своей стороны, польское правительство помирится съ казаками на условіяхъ зборовскаго договора, перестанетъ преслѣдовать вѣру и уничтожитъ унію, и какъ король и паны отказали въ этомъ и снова начали воевать съ казаками. Это изложеніе гласило въ концѣ, что турецкій царь зоветъ украинскую чернь въ подданство, но гетманъ лучше хочетъ, чтобъ принялъ его государь подъ свою руку.

По окончаніи чтенія началось отбираніе мнѣній и голосовъ. Бояре первые дали такое мнѣніе.

„Когда Янъ Казимиръ былъ избранъ на королевство, то присягалъ, чтобъ ему всѣхъ христіанъ, которыхъ вѣроисповѣданіе отлично отъ римско-католическаго, остерегать и защищать, и никакимъ образомъ ни самому никого за вѣру не притѣснять, ни другимъ того не позволять; а если онъ своей присяги не сдержитъ, то подчиненные его освобождаются отъ всякой вѣрности и послушанія. Но король Янъ Казимиръ своей присяги не сдержалъ: возсталъ на православную христіанскую вѣру греческаго закона, разорилъ многія Божія церкви, обратилъ другія въ униатскія. Слѣдовательно гетманъ Хмельницкій и все войско запорожское стали теперь, послѣ нарушенія королевской присяги, вольные люди. А потому, чтобъ не допустить ихъ въ подданство турецкому султану или крымскому хану, слѣдуетъ гетмана, со всѣмъ войскомъ и со всѣми городами и землями, принять подъ высокую государеву руку“.

Потомъ отбирались мнѣнія у прочихъ сословій; всѣ согласились на то же и приговорили, что государь дол-

женъ объявить войну Польшѣ и Литвѣ за оскорбленіе вѣры и своей царской чести. Гости и торговые люди вызвались участвовать въ общемъ дѣлѣ отечества вспоможеніями; люди служилые говорили, что идутъ биться противъ польскаго и литовскаго короля, не щадя головъ своихъ и рады умереть за честь государя. Всѣ безъ исключенія изъявили охоту жертвовать и достояніемъ и жизнью за важное дѣло. Патріархъ и духовенство благословили государя и всю державу, и сказали, что они будутъ просить Бога, Пресвятую Дѣву и всѣхъ святыхъ о пособіи и одолѣніи [1]).

Послѣ этого приговора Земской Думы, царь послалъ трехъ уполномоченныхъ пословъ: боярина Бутурлина, окольничьяго Алферьева и думнаго дьяка Лопухина съ товарищами въ Переяславль для принятія Украины подъ покровительство московскаго государя.

Послы прибыли въ Переяславль 31-го декабря, въ то время, когда еще Хмельницкій только что воротившись изъ жванецкаго похода находился въ Чигиринѣ, гдѣ хоронилъ сына и уговаривалъ къ принятію московской протекціи ея противниковъ. Онъ извинялся предъ послами невозможностью переѣхать черезъ Днѣпръ, по причинѣ хилаго льда. Дорогихъ гостей принималъ переяславльскій полковникъ Тетеря, какъ хозяинъ города, недоброжелатель московской власти. За пять верстъ отъ города, съ сотниками и атаманами своего полка и шестью стами казаковъ онъ встрѣчалъ ихъ. Какъ только послы къ нимъ подъѣхали, казаки бросились съ лошадей; за-

[1]) Полн. собр. закон. росс. имп. I. 292, 301, 208.

играли трубачи, довбиши ударили въ котлы. Тетеря проговорилъ имъ рѣчь. Вмѣстѣ съ казаками послы слѣдовали до городскихъ воротъ; тамъ были разставлены казаки и привѣтствовали гостей ружейнымъ залпомъ. У воротъ стоялъ переяславскій протопопъ Григорій. со всѣмъ городскимъ духовенствомъ, въ полномъ облаченіи; около нихъ возвышались образа, церковные кресты и хоругви. Послы вышли изъ экипажей, приложились къ святынѣ, приняли благословеніе и окропленіе святою водою отъ духовенства и выслушали привѣтственное слово протопопа. Послѣ того они шли пѣшкомъ черезъ городъ, осѣняемые образами, при церковномъ пѣніи и громкихъ восклицаніяхъ народа, въ церковь, гдѣ отправлено было молебствіе о царскомъ семействѣ [2]).

6-го января пріѣхалъ гетманъ. Когда онъ выѣзжалъ изъ Чигирина, то сдѣлалъ обѣдъ послѣднимъ пятидесяти полякамъ, взятымъ на батогской битвѣ и только тогда выкупленнымъ. Отпуская ихъ, онъ сказалъ:

— Теперь, господа поляки, мнѣ кажется, что мы уже на вѣкъ разлучимся, такъ что вы не будете наши, а мы ваши; этой потери вы себѣ никогда не можете вознаградить, да и мы никогда уже не покажемъ склонности къ вознагражденію. Не наша вина, а ваша, а потому жалуйтесь на самихъ себя за то, что вы добровольно, по вашему неблагоразумію и легкомыслію, потеряли [3]).

8-го января онъ назначилъ общую раду въ Переяславлѣ. По разсвѣтѣ, въ седьмомъ часу утра, довбиши

---

[2]) Истор. Мал. Росс. I. 309.

[3]) Лѣтоп. Величка. I. 160.

ударили въ котлы; переяславльская площадь начала наполняться. Между тѣмъ у гетмана происходила тайная рада съ генеральною старшиною. Гетманъ пригласилъ къ этому времени въ Переяславль всѣхъ полковыхъ старшинъ и много знатнѣйшихъ казаковъ. Посрединѣ толпы сдѣлано было просторное мѣсто. Въ одиннадцать часовъ, гетманъ вышелъ на площадь, одѣтый парадно, прикрытый бунчукомъ; за нимъ шла вся старшина украинская. Генеральный асаулъ приказалъ молчать; народъ на улицѣ, на крышахъ домовъ слушалъ рѣчь своего повелителя.

— Панове полковники, асаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные христіане!—говорилъ гетманъ:—всѣмъ вамъ извѣстно, какъ насъ Богъ освободилъ изъ рукъ враговъ, преслѣдующихъ церьковь Божіею озлобляющихъ все христіанство нашего восточнаго православія, хотящихъ искоренить насъ такъ, чтобъ и имя русскаго не упоминалось въ землѣ нашей. Всѣмъ намъ уже это стало несносно и, видно, нельзя намъ жить болѣе безъ царя. По этому, мы собрали сегодня раду, явную всему народу, чтобъ вы съ нами избрали себѣ государя изъ четырехъ, какого захотите: первый царь турецкій, который много разъ призывалъ насъ подъ свою власть чрезъ своихъ пословъ; второй—ханъ крымскій; третій—король польскій, который и теперь можетъ принять насъ въ свою милость, если сами захотимъ; четвертый—царь православный Великой Руси царь восточный, котораго уже шесть лѣтъ мы безпрестанно умоляемъ быть нашимъ царемъ и паномъ. Тутъ, котораго хотите, того и избирайте! Царь турецкій бусурманъ. Всѣмъ намъ извѣстно, какую бѣду терпятъ

наши братья, православные христіане греки, и въ какомъ утѣсненіи они отъ безбожниковъ. Крымскій ханъ тоже бусурманъ; хотя мы, по нуждѣ, и свели съ нимъ дружбу, однако приняли черезъ то нестерпимыя бѣды, плѣненіе и нещадное пролитіе крови христіанской! Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ не надобно и сказывать: сами знаете, что они почитали лучше жида и собаку, чѣмъ нашего брата, христіанина! А православный христіанскій царь восточный одного съ нами греческаго благочестія, одного исповѣданія; мы съ православіемъ Великой Руси едино тѣло Церкви, имѣющее главою Іисуса Христа. Этотъ то великій царь христіанскій, сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ нашей Малой Руси, не презрѣвъ нашихъ шестилѣтнихъ моленій, склонилъ теперь къ намъ милостивое свое царское сердце и прислалъ къ намъ своихъ великихъ ближнихъ людей съ царскою милостью. Возлюбимъ его съ усердіемъ! кромѣ его царской руки, мы не найдемъ благоотишнѣйшаго пристанища. Кто насъ не захочетъ послушать, тотъ пусть идетъ куда хочетъ: вольная дорога!—

Тысячи голосовъ отвѣчали:

— Волимъ подъ царя восточнаго! Лучше намъ умереть въ нашей благочестивой вѣрѣ, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганину!—

Тогда переяславскій полковникъ началъ обходить майданъ кругомъ и спрашивалъ:

— Чи всі такъ соизволяете?

— Всі! кричалъ народъ.

Гетманъ закричалъ громкимъ голосомъ:

— Буди тако! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царскою крѣпкою рукою! —

Народъ восклицалъ:

— Боже, утверди! Боже, укрѣпи, чтобъ мы навѣки вси были едино [4]).

Потомъ начали читать приготовленныя условія, на которыхъ Украина должна соединиться съ Московіею [5]). Главнѣйшія изъ нихъ были: цѣлость Южной Руси по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, гдѣ жили казаки, по линію, утвержденную зборовскимъ договоромъ, то есть Украину лѣваго берега Днѣпра и на правомъ берегу нынѣшнюю губернію кіевскую, и части подольской и волынской; право имѣть собственное управленіе, независимо отъ царскихъ чиновниковъ, право собственнаго законодательства и судопроизводства, право избирать гетмановъ и чиновниковъ вольными голосами, право принимать пословъ и сноситься съ иноземными государствами, сохраненія муниципальныхъ правъ городовъ, неприкосновенность личныхъ правъ сословій: шляхетскаго, духовнаго, мѣщанскаго, казацкаго и посполитаго, неприкосновенность имуществъ, умноженіе реестроваго войска до 60,000; жалованья казакамъ изъ мѣстныхъ доходовъ но по приведеніи ихъ въ извѣстность. Украина обязывалась платить дань своему государю, но безъ вмѣшательства московскихъ сборщиковъ, и обязывалась помогать царю войсками на войнахъ, а царь долженъ былъ защищать ее и совершенно освободить отъ притязаній Польши.

---

[4]) Полн. собр. закон. I. 318—319.—Истор. Мал. Росс. 41.

[5]) Лѣтоп. Величка I. 172.

Народъ былъ доволенъ такими лестными условіями. Послѣ совѣщанія вступили на раду послы. По обычаю того времени, они прежде всего спросили гетмана и старшину отъ имени царя о здоровьи, что означало царскую милость, потомъ Бутурлинъ произнесъ къ народу рѣчь.

Онъ излагалъ всѣ несчастія Украины, гоненіе за вѣру, многократныя посольства къ царю, принудившія, наконецъ, царя сжалиться надъ единовѣрцами; доказалъ, что присягавшій и несдержавшій присяги король болѣе не государь имъ.

— И такъ, великій государь, его царское величество,—прибавилъ онъ:—не хотя того слышать, чтобъ вамъ, единовѣрнымъ, православнымъ христіанамъ, быть въ конечномъ разореніи, а церквамъ благочестивымъ въ запустѣніи и поруганіи отъ латиновъ, велѣлъ васъ, гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское, со всѣми городами и землями, свободныхъ отъ подданства королю черезъ преступленіе имъ присяги, принять подъ свою высокую руку, и приказалъ своимъ царскимъ ратнымъ людямъ помогать вамъ противъ клятвопреступниковъ, разорителей вѣры христіанской. А вы всѣ—гетманъ Богданъ Хмельницкій и все войско запорожское,—видя къ себѣ милость и жалованье великаго государя нашего, его царскаго величества, должны ему, государю, служить, желать добра и надѣяться на его милость. Онъ же, великій государь, его царское величество, будетъ сохранять тебя и все войско запорожское въ своей милости, защищать и оборонять отъ всякихъ недруговъ [6]).

[6]) Полн. собр. закон. I. 317.—Истор. Мал. Росс. 41.

Послѣ этого рада начала расходиться. Гетманъ сѣлъ съ послами въ карету и поѣхалъ въ соборную церковь для произнесенія присяги на вѣрность новому государю. За нимъ поѣхали старшины. На паперти собора стоялъ Григорій со всѣмъ переяславскимъ духовенствомъ и клирами всѣхъ церквей; о бокъ его стояли московскіе духовные, пріѣхавшіе съ послами; изъ нихъ главнымъ былъ казанскій архимандритъ преображенскаго монастыря, Прохоръ. На аналоѣ, посреди храма, лежала чиновная книга, присланная царемъ. Московскіе духовные хотѣли начинать обрядъ присяги, но гетманъ остановилъ ихъ и сказалъ:

— Слѣдуетъ прежде вамъ присягнуть отъ имени его царскаго величества въ томъ, что его величество, великій государь, не нарушитъ нашихъ правъ, даруетъ намъ на права наши и имущества граматы и не выдастъ насъ польскому королю.—

— Никогда не присягнемъ мы за своего государя, отвѣчали послы:—да гетману и говорить о томъ непристойно: подданные должны дать вѣру своему государю, который не оставитъ ихъ жалованьемъ, будетъ оборонять отъ недруговъ, не лишитъ правъ и имѣній вашихъ.

— Мы поговоримъ объ этомъ съ полковниками и со всѣми людьми, отвѣчалъ гетманъ, и вышелъ изъ церкви.

Чрезъ нѣсколько времени вошли въ церковь два полковника: переяславскій Тетеря и миргородскій Лѣсницкій-Саковичъ. Они требовали непремѣнно присяги.

— Это небывалое дѣло, возражали послы:—одни подданные присягаютъ государю, а государю неприлично присягать подданнымъ.

— Однако, польскіе короли всегда намъ присягали, говорили полковники.

— Польскіе короли невѣрные и несамодержцы: они не хранятъ присяги своей, а государское слово непремѣнно не бываетъ,—отвѣчали послы.

— Гетманъ и мы, вся старшина.—сказали казаки:—вѣримъ этому, но казаки простые не вѣрятъ и домогаются непремѣнно присяги за государя.

— Его царское величество,—возразили послы:—ради христіанской православной вѣры и святыхъ Божіихъ церквей изволилъ принять васъ подъ свою высокую руку по вашему челобитью, и вамъ надлежитъ помнить милость великаго государя, слѣдуетъ служить ему и всякаго добра хотѣть, войско запорожское привести къ вѣрѣ, а незнающихъ людей унимать отъ непристойныхъ рѣчей [7]).

Полковники пошли къ гетману, и вскорѣ Хмельницкій и старшины прибыли въ церковь и на евангеліи присягнули въ вѣчномъ подданствѣ царю отъ имени всей Украины въ тѣхъ границахъ, въ какихъ она постановлена по зборовскому договору [8]).

Лѣтопись Величка, который пользовался записками Зорки, современника, утверждаетъ, будто бояре московскіе, послѣ присяги казаковъ, дали отъ имени монарха клятвенное обѣщаніе, что государь будетъ держать всю Малую Россію со всѣмъ войскомъ запорожскимъ подъ своимъ покровительствомъ, при ненарушимомъ сохраненіи всѣхъ ея древнихъ правъ, и охранять войскаим

---

[7]) **Истор. Мал. Росс. 46.**

[8]) **Лѣтоп. Величка. I. 173.**

и помогать казною отъ всякихъ непріятельскихъ нападеній [9]).

Послѣ священнаго обряда началось утвержденіе гетмана въ его гетманскомъ достоинствѣ. Бутурлинъ давалъ Хмельницкому дары царя: сначала знамя, потомъ булаву, далѣе ферезію, или одежду, наконецъ шапку, и при подачѣ проговаривалъ рѣчи, въ которыхъ изображалъ символическое значеніе вещей [10]) а вслѣдъ затѣмъ раздаваемы были подарки войсковымъ старшинамъ, полковникамъ, полковымъ чиновникамъ и простымъ казакамъ [11]). Цѣлый день присягали казаки и переяславскіе жители.

Послы отправили стольниковъ и стряпчихъ по всѣмъ городамъ и полкамъ Украины для приведенія къ присягѣ жителей, а сами избрали для себя три знатнѣйшіе города русскіе: Кіевъ, Нѣжинъ и Черниговъ, и 14-го января отправились въ Кіевъ. Тысяча кіевскихъ казаковъ встрѣтили ихъ, съ девятью распущенными знаменами, за десять верстъ отъ города. Они пристали къ нимъ и открыли торжественное шествіе. За казаками вели двѣнадцать царскихъ лошадей турецкой породы въ златоглавыхъ чепракахъ, которые волочились по землѣ; на нихъ лежали вышитыя золотомъ сѣдла. За ними шелъ полкъ дѣтей боярскихъ, одѣтыхъ въ собольи шубы; за ними еще рядъ турецкихъ лошадей, которыхъ сбруя сверкала золотомъ и жемчугомъ, и между ними несли четыре знамени, удивлявшихъ своею огромностью и работою:

---

[9]) Лѣтоп. Величка. I. 173.

[10]) Иолн. собр. закон. росс. имп. I. 319—321.

[11]) Лѣтоп. Величка. I. 172.

на одномъ изъ нихъ вышитъ былъ левъ, на другомъ единорогъ, на третьемъ и на четвертомъ морская рыба съ дѣвичьимъ лицомъ [12]). Послѣ того ѣхали послы [13]). Процессія слѣдовала къ золотымъ воротамъ, и версты за полторы встрѣтило ихъ духовенство: тамъ былъ митрополитъ, черниговскій епископъ Зосима, печерскій архимандритъ Іосифъ Тризна, игумены и намѣстники разныхъ монастырей въ Южной Руси. Сильвестръ Коссовъ привѣтствовалъ ихъ такою рѣчью:

„Вы приходите (говорилъ онъ) отъ благочестиваго царя съ желаніемъ посѣтить наслѣдіе древнихъ великихъ князей русскихъ, къ сѣдалищу перваго благочестиваго русскаго великаго князя, и мы исходимъ вамъ во срѣтеніе; въ лицѣ моемъ привѣтствуетъ васъ оный благочестивый Владиміръ, привѣтствуетъ васъ святый апостолъ Андрей Первозванный, провозвѣстившій на этомъ мѣстѣ сіяніе великой Божіей славы, привѣтствуютъ васъ начальники общежительства, преподобные Антоній и Θеодосій и всѣ преподобные, изнурившіе для Христа жизнь свою въ пещерахъ. Войдите въ домъ Бога нашего, на сѣдалище первѣйшаго благочестія русскаго и пусть вашимъ присутствіемъ обновится, какъ орляя юность, наслѣдіе благочестивыхъ русскихъ князей [14]).

Такъ принужденъ былъ, по великорусскимъ извѣстіямъ, говорить митрополитъ; а по извѣстію очевидца, православнаго священника, *отецъ митрополита одъ жалю*

---

[12]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

[13]) Latop. Jerl. 154.

[14]) Истор. Мал. Росс. примѣч. 320.

обумиравъ и все бывшее съ нимъ духовенство *за слезами світа не віднли* [15]).

При звонѣ колоколовъ послы пріѣхали въ софійскій соборъ. Митрополитъ отслужилъ молебенъ, пропѣто многолѣтіе царской фамиліи.

— Отчего, ваше высокопреосвященство, сказалъ Бутурлинъ:—никогда не писали къ царю и не искали себѣ милости царской въ то время, когда гетманъ Богданъ Хмельницкій и все войско запорожское неоднократно просили великаго государя, его царское величество, принять ихъ подъ свою высокую руку?

— Происходившая между гетманомъ и государемъ переписка мнѣ была неизвѣстна, отвѣчалъ Коссовъ:— теперь я долженъ молить Бога о многолѣтнемъ здравіи государя, государыни царицы и благовѣрныхъ царевенъ [16]).

Кіевскіе казаки и горожане были приведены къ присягѣ. Духовенство не только не присягнуло, но и не согласилось послать шляхтичей, служившихъ при митрополитѣ и другихъ духовныхъ особахъ, монастырскихъ слугъ и всѣхъ вообще людей изъ имѣній, принадлежащихъ церквамъ и монастырямъ. Митрополитъ употреблялъ разные извороты, говорилъ, что опасается мести короля и не хочетъ отвѣчать за невинныя души, ссылался на архимандрита, а печерскій архимандритъ ссылался на него. Духовенство послѣ того удержало свою независимость еще на пятьдесятъ лѣтъ: впослѣдствіи оно хотя и признало себя подъ благословеніемъ патріарха московскаго, но оставалось подъ

---

15) Рукоп. И. П. Б. разнояз. Miscell. № 63.

16) Истор. Мал. Росс. I. 316.

непосредственнымъ вѣдомствомъ константинопольскаго патріаршаго престола [17]). Сильвестръ Коссовъ и кіевское духовенство, какъ мы видѣли, отличались въ высшей степени покорностью властямъ; они всегда были удалены отъ всякихъ мятежныхъ замысловъ, поэтому скорая перемѣна власти казалась для нихъ предосудительною. Притомъ оно смотрѣло на московскихъ русскихъ какъ на народъ грубый и даже о тождествѣ своей вѣры съ московскою вѣрою возникало у нихъ недоразумѣніе и сомнѣніе; имъ даже приходила мысль, что велятъ перекрещиваться. „Царь—писалъ въ то время черниговскій протопопъ—обѣщуеть се всіхъ при правахъ и мѣстностяхъ удержати, хто се добровольне придасть и охреститьсе". Недоброжелатели распространяли даже слухи что москали будутъ принуждать малоруссовъ къ усвоенію московскихъ обычаевъ, запретятъ обуваться въ сапоги и черевички, а велятъ носить лапти [18]).

Надобно принять во вниманіе и то, что духовные, классъ образованнѣйшій въ Украинѣ, съ малыхъ лѣтъ получали воспитаніе на польскій образецъ и прывыкли къ польскимъ понятіямъ и западному образу воззрѣнья.

Изъ Кіева бояре, недовольные духовенствомъ, отправились въ Нѣжинъ, гдѣ полковникъ Золотаренко, шуринъ Хмельницкаго принялъ ихъ со всѣми почестями, и городъ присягнулъ безъ сопротивленія. Черниговъ присягнулъ также легко 28-го января, и послы уѣхали въ отечество.

---

[17]) Wojna dom. Ч. 3. 115—Крат. опис. о бунт. Хмельн. 53.—Annal. Polon. Clim. I. 416.

[18]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. № 63.

Хмельницкій, ожидая, что поляки, какъ только узнаютъ о томъ что казаки присягнули царю, тотчасъ начну мстить, 17-го января написалъ такой универсалъ къ казачеству.

„Панове полковники, сотники и вся атаманія войска запорожскаго и городоваго. Добраго здоровья вамъ желаю отъ Бога и учиняю вамъ извѣстнымъ, чтобъ вы были осторожны въ замкахъ и исполняли воинскія обязанности, по обычаю, какъ сами знаете: чтобъ у васъ пороха, свинца, барошна и всякаго продовольствія было довольно, потому что я съ королемъ лядскимъ мира не постановилъ, и вы непріятелей нашихъ ляховъ бейте если они посмѣютъ нападать на насъ, а царь московскій, сражаясь за вѣру, будетъ помогать вамъ, препоручаю васъ Господу Богу" [19]).

Тогда Хмельницкій отправилъ посланниками генеральнаго судью Самойла Богдановича Заруднаго, и переяславскаго полковника въ Москву. Они пріѣхали въ Москву, въ началѣ марта, съ просьбою о подтвержденіи договорныхъ статей.

Эти статьи заключали въ себѣ тѣ же условія, какія предназначены были на переяславской радѣ. Царь утвердилъ ихъ почти всѣ съ незначительными ограниченіями: въ числѣ послѣднихъ важнѣйшимъ было то, что гетманъ, хотя имѣлъ право принимать иностранныхъ пословъ, однако долженъ былъ доносить государю и задерживать такихъ, которые пріѣхали бы съ какимъ нибудь предложеніемъ, неблагопріятнымъ для московскаго прави-

---

[19]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. Miscell. № 63.

тельства, и не ссылаться съ турецкимъ султаномъ и польскимъ королемъ безъ соизволенія государя [20]).

СТАТЬИ,

ПОСТАНОВЛЕННЫЯ ВЪ МОСКВѢ СЪ ПОСЛАНЦАМИ ГЕТМАНА ХМѢЛЬНИЦКАГО.

Бьютъ челомъ великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея великія и малыя Россіи самодержцу и многихъ государствъ государю и обладателю, его царскаго величества подданные, Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго, и все войско запорожское, и весь міръ христіянскій россійскій, чтобъ его царское величество пожаловалъ ихъ тѣмъ, о чемъ посланники ихъ бити челомъ учнутъ, а они его царскому величеству во всякихъ его государскихъ повелѣніяхъ служити будутъ во вѣки, и что на которую статью царскаго величества изволенье, и то подписано подъ статьями.

1) Чтобъ въ городѣхъ урядники были изъ нихъ людей обираны къ тому достойные, которые должны будутъ подданными царскаго величества уряжати, и доходы всякіе въ правду въ казну царскаго величества отдавати, для того, что царскаго бъ величества воевода пріѣхавъ, учалъ права ихъ ломать и уставы какіе чинить, и тобъ имъ было въ великую досаду, а какъ тутошніе ихъ люди, гдѣ будутъ старшіе, то они противъ правъ своихъ учнутъ исправляться.

И сей статьѣ царское величество пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ челобитью; а быти бъ урядникомъ въ городѣхъ, войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ, лавникамъ, и доходы всякіе, денежные и хлѣбные сбирать на царское величество, и отдавать въ его государеву казну тѣмъ людямъ, которыхъ

---

[20]) Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс. I. 184—199.

царское величество пришлетъ; да тѣмъ же присланнымъ людямъ, кого для тоя сборныя казны царское величество пришлетъ, и надъ тѣми сборщиками смотрѣть, чтобъ дѣлали правду.

2) Писарю войсковому, чтобъ, по милости царскаго величества, 1000 злотыхъ польскихъ для подписокъ давать, на судей войсковыхъ по 300 золотыхъ польскихъ, а на писаря судейскаго по 100 золотыхъ польскихъ, на писаря, да на хорунжаго полковаго по 50 золотыхъ, на хорунжаго сотницкаго 30 золотыхъ, на бунчужскаго гетманскаго 50 золотыхъ.

Царское величество пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ челобитью: а давать тѣ деньги изъ тамошныхъ доходовъ.

3) На писаря и на судей войсковыхъ на 2 человѣка, и на всякаго полковника, и на ясауловъ войсковыхъ и полковыхъ, чтобъ по мельницѣ было для прокормленія, что расходъ имѣютъ великой.

Царское величество пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ челобитью.

4) На подѣлку наряда войсковаго, и на пушкарей, и на всѣхъ работныхъ людей, которые у наряда бываютъ, чтобъ царское величество пожаловалъ, изволилъ учинить свое царское милостивое призрѣнье какъ въ зиму, такъ и о станахъ; такожде на обознаго арматнаго 400 золотыхъ, а на хорунжаго арматнаго 50 золотыхъ.

Царское величество пожаловалъ, велѣлъ давать изъ тамошнихъ доходовъ.

5) Послы, которые издавна къ войску запорожскому приходятъ изъ чужихъ краевъ, чтобъ гетману и войску запорожскому, которые въ добру бъ были, вольно приняти; а только бъ что имѣло быть противно царскаго величества, то должны они царскому величеству извѣщати.

По сей статьѣ царское величество указалъ пословъ о добрыхъ дѣлѣхъ принимать и отпускать, а о какихъ дѣлѣхъ приходили и съ чѣмъ отпущены будутъ, о томъ писать къ

царскому величеству подлинно и вскорѣ; а которые послы присланы отъ кого будутъ царскому величеству съ противнымъ дѣломъ, и тѣхъ пословъ и посланниковъ задерживать въ войскѣ, и писать объ нихъ о указѣ къ царскому величеству вскорѣ жъ, а безъ указа царскаго величества, назадъ ихъ не отпускать; а съ турскимъ салтаномъ и съ польскимъ королемъ, безъ указа царскаго величества, не ссылаться.

6) О митрополитѣ кіевскомъ посланникамъ изустный наказъ данъ; а въ рѣчахъ посланники били челомъ, чтобъ царское величество пожаловалъ, велѣлъ дать на его маетности, свою государскую жалованную граммоту.

Царское величество пожаловалъ митрополиту и всѣмъ духовнаго чина людямъ на маетности ихъ, которыми они нынѣ владѣютъ, свою государскую жалованную граммоту дать велѣлъ.

7) Чтобъ царское величество изволилъ рать свою вскорѣ прямо къ Смоленску, послатъ, не отсрочивая ничего, чтобъ непріятель не могъ исправиться; и съ иными совокупитися, для того, что войска нынѣ принуждены, чтобъ никакой ихъ лести не вѣрили, еслибъ они имѣли въ чемъ дѣлать.

Царское величество изволилъ на непріятеля своего, на польскаго короля идти самъ, и бояръ и воеводъ послать со многими ратьми по просухѣ, какъ конскіе кормы учнутъ быть.

8) Чтобы наемнаго люду здѣ по рубежу, отъ ляховъ, для всякаго безстрашія, съ 3000, или какъ воля царскаго величества будетъ, хотя и больше.

Царскаго величества ратные люди всегда на рубежѣ для Украйны оберегалья есть, и впредъ стоять учнутъ.

9) Обычай тотъ бывалъ, что всегда войску запорожскому платили; бьютъ челомъ и нынѣ царскому величеству, чтобъ на полковниковъ по 100 ефимковъ, на ясауловъ полковыхъ по 200 золотыхъ, на ясауловъ войсковыхъ по 400 золотыхъ,

на сотниковъ по 100 золотыхъ, на казаковъ по 30 золотыхъ польскихъ давать.

И въ прошлыхъ годѣхъ присылалъ къ царскому величеству гетманъ Богданъ Хмельницкій и все войско запорожское, и били челомъ многижды, чтобъ его царское величество ихъ пожаловалъ, для православныя христіанскія вѣры и святыхъ Божьихъ церквей за нихъ вступился, и принялъ ихъ дпоъ свою государеву высокую руку, и на непріятелей ихъ учинилъ ихъ помощь. И, великому государю нашему, его царскому величеству, въ то время подъ свою государеву высокую руку, приняти было васъ не мочно, потому-что, у его царскаго величества съ короли польскими и великими князи литовскими было вѣчное доканчаніе. А что съ ихъ королевскія стороны, царскаго величества отцу, блаженныя памяти, великому государю, царю и великому князю, Михайлу Өедоровичу, всея Руссіи самодержцу и многихъ государствъ государю и обладателю, и дѣду его государеву, блаженныя памяти великому государю, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всея Руссіи, и великому государю нашему, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Руссіи самодержцу, его царскому величеству, учинились многія безчестія и укоризны; и о томъ по королевскимъ граммотамъ, и по сеймовому уложенью, и по конституціи, и по польскимъ договорамъ царское величество ожидалъ исправленья, а гетмана Богдана Хмельницкаго, и все войско запорожское, хотѣлъ съ королемъ польскимъ помирить черезъ своихъ государевыхъ великихъ пословъ, тѣмъ способомъ: буде Янъ Казимиръ — король учинитъ съ ними миръ по зборовскому договору, и на православную христіянскую вѣру гоненія чинить не учнетъ, и уніятовъ всѣхъ выведетъ; и царское величество виннымъ людямъ, которые за его государскую честь довелись смертны казни, вины ихъ хотѣлъ отдать, и о томъ посылалъ къ Яну Казимиру — королю сво-

ихъ государевыхъ великихъ и полномочныхъ пословъ, боярина и намѣстника великопермскаго князя Бориса Александровича Рѣпнина.—Оболенскаго съ товарищи, и тѣ царскаго величества великіе и полномочные послы о томъ мирѣ и о поступкахъ королю и паномъ радѣ говорили всякими мѣрами, и Янъ Казимиръ—король и паны рада ни на которую мѣру не сошли, и то великое дѣло поставили ни во что, и тѣхъ царскаго величества великихъ и полномочныхъ пословъ отпустили безъ дѣла. И великій государь нашъ, его царское величество, видя такія съ королевскія стороны многія неисправленья, и грубости, и неправды, и хотя православную христіянскую вѣру и всѣхъ православныхъ христіянъ отъ гонителей, и хотящихъ церкви Божія разорити, и вѣру христіянскую искоренити, отъ латынъ оборонити, подъ свою государеву высокую руку васъ принялъ; а для вашія обороны, собравъ русскія и татарскія и нѣмецкія рати многія, идетъ самъ великій государь нашъ, его царское величество на непріятелей христіянскихъ, и бояръ своихъ и воеводъ шлетъ со многими ратьми, и на тотъ ратный строй, по его государеву указу, роздана его государева казна многая, и нынѣ имъ, посланникамъ, о жалованіи на войско запорожское говоритъ, видя такую царскаго величества милость, и къ нимъ оборону, не довелось. А какъ былъ у гетмана, у Богдана Хмельницкаго, государевъ ближній бояринъ и намѣстникъ тверскій, Василій Васильевичъ Бутурлинъ съ товарищи, и гетманъ говорилъ съ ними въ разговорѣхъ о числѣ войска запорожскаго, чтобъ учинить 60000; а хотя бъ де того числа было и больше, и государю де въ томъ убытка не будетъ, но потому-что, они жалованья у государя просить не учнутъ; да имъ Самойлу и Павлу, и инымъ людямъ, которые въ то время при гетманѣ были, про то вѣдомо жъ, а что въ малой Россіи въ городѣхъ и мѣстѣхъ какихъ доходовъ, и про то царскому величеству невѣдомо, и великій государь нашъ,

его царское величество, посылаетъ доходы описать дворянъ; а какъ тѣ царскаго величества дворяне, доходы всякіе опишутъ и смѣтятъ, и въ то время о жалованьи на войско запорожское, по разсмотрѣнію царскаго величества и указъ будетъ. А нынѣ царское величество, жалуя гетмана и все войско запорожское, хочетъ послать своего государева жалованья, по давнимъ обычаемъ предковъ своихъ, великихъ государей, царей и великихъ князей россійскихъ, гетману и всему войску запорожскому золотыми.

10) Крымская орда, если бы имѣла вкинутися, тогда отъ Астрахани и отъ Казани надобно на нихъ наступити, такожде и донскимъ казакамъ готовымъ быть, а нынѣ еще въ братствѣ, дать сроку, и ихъ не задирать.

Царскаго величества указъ и повелѣнье, на Донъ къ казакамъ послано: буде крымскіе люди задора никакого не учинятъ, и на нихъ ходить и задора чинить не велѣно; а буде крымцы задоръ учинятъ, и въ то время царское величество укажетъ надъ ними промыслъ чинить.

Кодакъ, городъ на рубежѣ отъ Крыма, въ которомъ гетманъ всегда по 400 человѣкъ держитъ и кормы всякіе имъ даетъ, чтобъ и нынѣ царское величество пожаловалъ кормами и порохомъ къ наряду изволилъ построити; также и на тѣхъ, которые за порогами коша берегутъ, чтобъ царское величество милость свою изволилъ показать, понеже нельзя его самаго безъ людей оставити.

О той статьѣ царскаго величества милостивый указъ будетъ впередъ, какъ про то вѣдомо будетъ, по скольку какихъ запасовъ въ тѣ мѣста посылывано, и сколько будетъ доходовъ въ сборѣ на царское величество.

А что въ письмѣ же вашемъ написано: какъ великій государь нашъ, его царское величество, гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское пожалуетъ, свои государскія граммоты на вольности ваши дать велитъ, тогда вы

смотръ межъ собою учините, кто будетъ казакъ или мужикъ. А чтобъ число войска запорожскаго было 60,000, и великій государь нашъ, его царское величество на то изволилъ, тому числу списковымъ казакамъ быть велѣлъ; и какъ вы — посланники будете у гетмана, у Богдана Хмельницкаго, и вы бъ ему сказали, чтобъ онъ велѣлъ казаковъ разобрать вскорѣ и списокъ имъ учинилъ, да тотъ списокъ за своею рукою, прислалъ къ царскому величеству вскорѣ.

ПРОШЕНІЕ.

ГЕТМАНА БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО КЪ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДОГОВОРНЫХЪ ПУНКТОВЪ.

Божіей милостію, великій государю царю и великій княже, Алексѣю Михайловичу, всея великія и малыя Россіи самодержче, и многихъ государствъ государю и обладателю, твоему царскому величеству.

Мы, Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго, и все войско запорожское; и весь міръ христіянскій россійскій, до лица земли челомъ бьетъ:

Обрадовався вельми спожалованья великаго и милости неисчетныя твоего царскаго величества, которую намъ изволилъ твое царское величество показать, много челомъ бьемъ тебѣ, государю нашему, царскому величеству, и служити прямо и вѣрно во всякихъ дѣлѣхъ и повелѣніяхъ царскихъ твоему царскому величеству будемъ по вѣки, только просимъ вельми, яко и въ граммотѣ просили есмы, изволь намъ, твое царское величество, въ томъ всемъ пожалованьѣ и милость свою царскую указати, о чемъ посланники наши отъ насъ твоему царскому величеству будутъ челомъ бити.

1) Вначалѣ, изволь, твое царское величество, подтвердить права и вольности наши войсковыя, какъ изъ вѣковъ бывало въ войскѣ запорожскомъ, что своими правами суживалися и вольности свои имѣли, въ добрахъ и въ судахъ чтобъ ни воевода, ни бояринъ, ни стольникъ въ суды войсковые не вступались, но отъ старшихъ своихъ чтобъ товарищество суждены были: гдѣ три человѣка казаковъ, тогда два третьяго должны судити.

Подъ сими статьями помѣта думнаго дьяка Алмаза Иванова:

Сей статьѣ указалъ государь и бояре приговорили: быть такъ по ихъ челобитью.

2) Войско запорожское въ числѣ 60 тысячь чтобъ всегда полно было.

Указалъ государь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью 60 тысячь человѣкъ.

3) Шляхты, которые въ Россіи обрѣтаются и вѣру, по непорочной заповѣди Христовой тебѣ, великому государю нашему, твоему царскому величеству, учинили, чтобъ при своихъ шляхецкихъ волостяхъ пробывали и межъ себя старшихъ на уряды судовые обирали, и добра свои и вольности имѣли, какъ при королѣхъ польскихъ бывало, чтобъ и иные, увидя такое пожалованье твоего царскаго величества, клонился подъ область и подъ крѣпкую и высокую руку твоего царскаго величества со всѣмъ міромъ христіянскимъ. Суды земскіе и градскіе черезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они сами себѣ добровольно оберутъ, исправлены быти имѣютъ какъ и прежде сего; тако жъ шляхта, которые казну свою имѣли по крѣпостямъ на маетностяхъ тогда и нынѣ, любо чтобъ имъ поплачено, или на маетностяхъ довладѣти дано.

Симъ статьямъ указалъ государь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

4) Въ городѣхъ урядники изъ нашихъ людей чтобъ были обираны на то достойные, которые должны будутъ подданными твоего царскаго величества, исправляти или удержати, и приходъ на лежащей въ правду въ казну твоего царскаго величества отдавати.

Указалъ великій государь и бояре приговорили; быть по ихъ челобитью, а быти бъ урядникомъ, войтомъ, бурмистромъ, райцомъ, лавникомъ, и доходы денежные и хлѣбные и всякіе на государя збирать имъ и отдавать въ государеву казну тѣмъ людямъ, которыхъ государь пришлетъ, и тѣмъ людемъ, ково для тое зборныя казны государь пришлетъ, надъ тѣми, зборщиками смотрѣть, чтобъ дѣлали правду.

5) На булаву гетманскую, что надано со всѣми принадлежностями староство чигиринское, чтобъ и нынѣ для всего ряду прибывало.

Указалъ государь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

6) Сохрани Боже смерти на пана — гетмана (понеже всякъ человѣкъ смертенъ, безъ чего не мочно быти) чтобъ войско запорожское само межъ себя гетмана избирали и его царскому величеству извѣщали, чтобъ то его царскому величеству не въ кручину было, понеже тотъ давной обычай войсковой.

Государь указалъ и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

7) Именій казацкихъ, чтобъ никто не отнималъ; которые землю имѣютъ и всѣ пожитки съ тѣхъ земель чтобы при тѣхъ имѣніяхъ добровольно имѣли; вдовъ послѣ казаковъ остальныхъ чтобы и дѣти такія жъ вольности имѣли, какъ предки и отцы ихъ.

Быть по ихъ челобитью.

8) Писарю войсковому чтобъ, по милости его царскаго ве-

личества, одна тысяча золотыхъ для подписковъ, также и мельницу для прокормленія, что великій расходъ имѣетъ.

Быть по ихъ челобитью, давать изъ тамошнихъ доходовъ.

9) На всякаго полковника, чтобъ по мельницѣ было, для того что расходъ великій имѣютъ, но когда милость будетъ твоего царскаго величества, и больше того, чѣмъ твое царское величество пожаловать изволишь.

Государь пожаловалъ по ихъ челобитью.

10) Также на судей войсковыхъ, по 300 золотыхъ, и по мельницѣ, а на писаря судейскаго по 100 золотыхъ.

Государь пожаловалъ по ихъ челобитью, а про судей допроситъ сколько судей.

11) Также ясауламъ войсковымъ и полковымъ, что на услугахъ войсковыхъ завсегда обрѣтаются и хлѣба пахать не могутъ, по мельницѣ бъ имъ было, просить твоего царскаго величества.

Государь пожаловалъ по ихъ челобитью.

12) На подѣлку снаряду войсковаго и пушкарей и на всѣхъ людей работныхъ у снаряду, просимъ твоего царскаго величества, изволь имѣти свое царское милостиво призрѣніе, яко о зимѣ, такъ и о станахъ, такожде на обознаго по 400 золотыхъ.

Государь пожаловалъ, велѣвъ давать изъ тамошнихъ доходовъ.

13) Права, наданыя изъ вѣковъ отъ княжатъ и королей какъ духовнымъ и мірскимъ людемъ, чтобъ ни въ чемъ не нарушены были.

Государь пожаловалъ велѣлъ быть потому.

14) Послы, которые изъ вѣка изъ чужихъ земель приходятъ къ войску запорожскому, чтобъ пану — гетману и войску запорожскому, которые къ добру бъ были, вольно приняты, чтобъ то его царскому величеству въ кручину не было,

а чтобы имѣло противъ его царскаго величества быти, должны мы его царскому величеству извѣщати.

Государь указалъ и бояре приговорили: пословъ о добрыхъ дѣлѣхъ пріимати и отпускать, а о какихъ дѣлѣхъ, приходили и съ чѣмъ отпустятъ, о томъ писать къ государю; а которые послы присланы отъ кого будутъ съ противнымъ дѣломъ государю, и тѣхъ задерживать и писать объ ихъ государю; а безъ государева указу ихъ не отпускати, а съ турскимъ салтаномъ и съ польскимъ королемъ безъ государева указу не ссылаться.

15) Какъ по польскимъ землямъ дань вдругъ отдается, воли бы есмя и мы, чтобъ цѣною вѣдомою давать отъ тѣхъ людей, которые твоему царскому величеству належатъ; а если бы инако быти не могло, тогда ни на единаго воеводу не позволятъ, о томъ договариваться развѣ бы изъ тутошныхъ людей обобравши воеводу, человѣка достойнаго, имѣетъ тѣ всѣ доходы въ правду его царскому величеству отдавать.

Сей статьѣ государь указалъ и бояре приговорили быть потому, какъ выше сего написано, збирать войтомъ, и бурмистромъ, и райцомъ, и лавникомъ, а отдавать въ государеву казну тѣмъ людемъ, кого государь пришлетъ, и тѣмъ людемъ надъ зборщики смотрѣть, чтобы дѣлали правду.

16) А то для того имѣютъ посланники наши договариваться, что наѣхавъ воевода права бы ломати имѣлъ и установы какія чинилъ, и тобъ быти имѣло съ великою досадою, понеже праву иному не могутъ вскорѣ навыкнуть и тяготы такія не могутъ носити; а изъ тутошнихъ людей когда будутъ старшіе, тогда противъ правъ и установъ тутошнихъ будутъ исправляться.

О правахъ государевъ указъ и бояръ же приговоръ написанъ въ иныхъ статьяхъ.

17) Прежде сего отъ королей польскихъ никакого гоненія на вѣру и на вольности наши не было, всегда мы всякаго

чину свои вольности имѣли, и для того мы вѣрно и служили; а нынѣ, за наступленія на вольности наши, побуждены его царскому величеству подъ крѣпкую и высокую руку поддаться. Прилѣжно просити имѣютъ послы наши, чтобъ правился его царское величество намъ на хартіяхъ писанныя съ печатьми вислыми, единъ на вольности казацкіе, а другіе на шляхетцкіе, далъ, чтобъ на вѣчные времена непоколебимо было; а когда-то одержимъ, мы сами смотръ межь себя имѣти будемъ, кто казакъ, тотъ будетъ вольность казацкую имѣть, а кто пашенной крестьянинъ, тотъ будетъ должность обыклую его царскому величеству отдавать, какъ и прежде сего; також и на люди всякіе, которые его царскому величеству подданные, на какихъ правахъ и вольностьяхъ имѣютъ быти.

Государь указалъ и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

18) О митрополитѣ помянути имѣютъ, какъ будутъ разговаривати, и о томъ посломъ нашимъ изустный наказъ далъ есмь.

Государь указалъ и бояре приговорили: митрополиту на маетности его, которыми нынѣ владѣетъ, дать жалованную граммоту.

19) Также просити прилѣжно послы наши имѣютъ его царскаго величества, чтобъ его царское величество рать свою вскорѣ прямо къ Смоленску послалъ, не отрочивая ничего, чтобъ непріятель не могъ исправиться и съ иными совокупиться для того, что войска нынѣ принуждены, чтобъ никакой ихъ лести не вѣрили, если бъ они имѣли въ чемъ дѣлать.

Указалъ государь и бояре приговорили: про походъ ратныхъ людей объявить посланникамъ, съ котораго числа государь самъ и бояре, и ратные люди, съ Москвы пойдутъ а къ гетману не писать.

20) И то надобное дѣло припомнити, чтобы наемнаго люду здѣ по рубежу отъ ляховъ, для всякаго безстрашія, съ

3,000, или, какъ воля его царскаго величества будетъ хотя и больше.

Допросить въ коихъ мѣстахъ по рубежу стоятъ.

21) Обычай тотъ бывалъ, что всегда войску запорожскому платили: просить и нынѣ его царскаго величества, чтобъ на полковника по 200 золотыхъ, на ясауловъ войсковыхъ — по 400 золотыхъ, на сотниковъ по 100 золотыхъ, на казаковъ по 30 золотыхъ.

Отговаривать. Великій государь, его царское величество, для православныя христіянскія вѣры, хотя ихъ отъ гонителей и хотящихъ разорити церкви Божія и искоренити вѣру христіянскую, отъ латынь оборонити, собралъ рати многія и идетъ на непріятелей, и свою государеву казну для ихъ обороны ратнымъ людемъ раздалъ многую. А какъ было у гетмана, у Богдана Хмельницкаго, государевъ блажній бояринъ, и намѣстникъ тверской, Василій Васильевичь Бутурлинъ съ товарищи, и говорилъ съ гетманомъ о числѣ войска запорожскаго, и гетманъ говорилъ: Хотя число войска запорожскаго и велико будетъ, а государю въ томъ убытка не будетъ, потому что они жалованья у государя просить не учнуть; а говорилъ гетманъ при нихъ, при судьѣ и при полковникѣ, и имъ нынѣ о томъ говорить не доводится.

22) Орда естьли бы имѣла вкинуться, тогда отъ Астрахани и отъ Казани надобно на нихъ наступати, такожде и донскимъ казакамъ готовымъ быть; а нынѣ еще въ братствѣ дати сроку а ихъ не задпрать.

Сказать: на Донъ къ казакамъ государево повелѣнье послано будетъ: буде крымское люди задору никакого не учинятъ, на нихъ не ходить, а буде задоръ учинятъ, и въ то время государь укажетъ надъ ними промыслъ чинить.

23) Кодакъ городъ, который есть сдѣланъ на рубежу отъ Крыму, въ которомъ панъ гетманъ всегда по 400 человѣкъ тамъ имѣетъ и кормы всякіе имъ даетъ, чтобъ и нынѣ его

царское величество какъ кормами, такъ и порохомъ къ наряду изволилъ построити; также и на тѣхъ, которые за порогами Коша берегутъ; чтобъ его царское величество милость свою изволилъ показать, понеже нельзя его самаго безъ людей оставити.

Допросить: по сколько корму человѣку на тѣхъ 400 человѣкъ даютъ и за порогами для Коша сколько человѣкъ, и о чемъ за нихъ бьютъ челомъ.

Доложить государю бояре говорили: которые государевы всякихъ чиновъ люди учнутъ бѣгати въ государевы черкаскіе города имѣете, и тѣхъ бы сысковъ отдавати.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАММОТА.

Божіею милостію, мы великій государь, царь и великій князь, Алексѣй Михайловичь, всея великія и малыя Руссіи самодержецъ, пожаловали есмя нашего царскаго величества подданныхъ. Богдана Хмельницкаго, гетмана войска запорожскаго, и писаря Ивана Виговскаго, и судей войсковыхъ, и полковниковъ и ясауловъ, и сотниковъ и все войско запорожское; что, въ нынѣшнемъ во 162 году, какъ, по милости Божіей, учинились подъ нашею государскою высокою рукою онъ—гетманъ Богданъ Хмельницкій, и все войско запорожское, и вѣру намъ великому государю, и нашимъ государскимъ дѣтямъ, и наслѣдникамъ на вѣчное подданство учинили, и, въ мартѣ мѣсяцѣ, присылали къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству онъ, гетманъ Богданъ Хмельницкій и все войско запорожское посланниковъ своихъ, Самойла Богданова, судью войсковаго, да Павлу Тетерю, полковника переяславскаго; а въ листѣ своемъ къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, гетманъ писалъ и посланники били челомъ чтобъ намъ, великому государю, его, гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское пожаловати, велѣти прежнія ихъ права и воль-

ности войсковыя, какъ издавна бывали при великихъ князѣхъ русскихъ и при королѣхъ польскихъ, что суживались и вольности свои имѣли въ добрахъ и судахъ, и чтобъ въ тѣ ихъ войсковые суды никто не вступался, но отъ своихъ бы старшинъ судились, подтвердити и прежнихъ бы ихъ правъ, каковые даны духовнаго и мірскаго чина людемъ отъ великихъ князей русскихъ и отъ королей польскихъ, не нарушить и на тѣ бъ ихъ права дати нашу государскую жалованную граммоту, за нашею государскою печатью; и чтобъ число войска запорожскаго списковое учинить шестьдесятъ тысячь, а было бъ то число всегда полно. А будетъ судомъ Божіемъ смерть случится гетману, и намъ бы, великому государю, поволить войску запорожскому, по прежнему обычаю, самимъ, межъ себя гетмана обирати, а кого оберутъ, и про то намъ, великому государю, объявляти; имѣній казацкихъ и земель, которыя имѣютъ для пожитка, чтобъ у нихъ отнимать не велѣть, также бы и вдовъ, послѣ казаковъ осталыхъ, дѣти повольности имѣли, какъ дѣды и отцы ихъ, и мы, великій государь, наше царское величество, подданнаго нашего Богдана Хмельницкаго, гетмана войска запорожскаго, и все наше царскаго величества войско заторское пожаловали, велѣли имъ быти подъ нашего царскаго величества высокою рукою, по прежнимъ ихъ правамъ и привиліямъ, каковы имъ даны отъ королей польскихъ и отъ великихъ князей литовскихъ, и тѣхъ и правъ и вольностей нарушивати ничѣмъ не велѣли, и судитись имъ велѣли отъ своихъ старшинъ по своимъ прежнимъ правамъ, а число войска запорожскаго указали есмя, по ихъ же челобитью, учинить списковаго 60,000 всегда полное. А буде судомъ Божіимъ смерть случится гетману, и мы, великій государь, поволили войску запорожскому выбирати гетмана, по прежнимъ ихъ обычаямъ самимъ межъ себя, а когда гетмана оберутъ и о томъ писати къ намъ, великому государю, да тому жъ новообран-

ному гетману на подданство и на вѣрность вѣру намъ, великому государю, учините, при комъ мы, великій государь, укажемъ. Также и имѣній казацкихъ и земель, которыя они имѣютъ для пожитка, отнимати у нихъ и вдовъ послѣ казаковъ осталыхъ и дѣтей не велѣли, а быти имъ за нимии по прежнему. И по нашему царскаго величества жалованья, нашимъ царскаго величества подданныхъ Богдану Хмельницкому, гетману войска запорожскаго, и всему нашему, царскаго величества, войску запорожскому быти подъ нашею, царскаго величества, высокою рукою, по своимъ прежнимъ правамъ и привиліямъ, и по всѣмъ статьямъ, которыя писаны выше сего, и намъ, великому государю, и сыну нашему, государю-царевичу-князю, Алексѣю Алексѣевичу и наслѣдникамъ нашимъ служити и прямите и всякаго добра хотѣти, и на нашихъ государскихъ непріятелей, гдѣ наше государское повелѣнье будетъ, ходити и съ ними битись, и во всемъ быти въ нашей государской волѣ и послушаньи на вѣки. А о которыхъ о иныхъ статьяхъ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, тѣ вышепмянованные посланники Самойло и Павелъ, именемъ Богдана Хмельницкаго, гетмана войска запорожскаго, и всего нашего царскаго величества войска запорожскаго били челомъ и подали нашимъ, царскаго величества, ближнимъ, боярамъ боярину и намѣстнику казанскому, князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, боярину и намѣстнику тверскому, Василью Васильевичу Бутурлину, окольничему и намѣстнику коширскому, Петру Петровичу Головину, думному дьяку Алмазу Иванову статьи, и мы, великій государь, тѣхъ статей выслушали милостиво, и что на которую статью наше царскаго величества, изволенье, и то велѣли подписать подъ тѣми жъ статьями, да тѣ статьи нашего царскаго виличества указомъ велѣли дать тѣмъ же посланникамъ Самойлу и Павлу, и хотимъ его гетмана Бог-

дана Хмельницкаго и все войско запорожское держать въ нашемъ, царскаго величества, милостивомъ жалованьи и въ призрѣньи, и имъ бы на нашу государскую милость быть надежнымъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Неудачный сеймъ въ Польшѣ.—Объявленіе войны Алексѣемъ Михайловичемъ.—Второй сеймъ.—Завоеваніе русскими Литвы.—Пораженіе литовцевъ подъ Шкловымъ.—Взятіе Смоленска.—Неудовольствіе въ Украинѣ.—Универсалъ короля.—Хитрость Богдана.—Союзъ Польши съ Крымомъ.—Вступленіе польскихъ войскъ въ Украину.—Взятіе Буши.

Шестилѣтняя война съ украинцами не только привела Польшу въ разстроенное положеніе, но поразила уже поврежденныя нравственныя силы польской націи. Слабость власти, эгоизмъ, своеволіе, продажность, низость еще болѣе развились въ ней съ этого времени и низвергали ее въ гибель. По прибытіи короля въ Варшаву собрали сеймъ; жаловались на короля, приписывали неудачу медленности во Львовѣ; волынцы и подольцы кричали что правительство отдало ихъ на зарѣзъ татарамъ; литовцы обвиняли короля за то, что онъ раздражалъ Московское Государство и не умѣлъ удержать съ нимъ мира; всѣ вообще жаловались на подати, повинности и военные постои. Но среди этихъ обвиненіи никто не могъ дать совѣта о спасеніи отечества. Нѣсколько знатныхъ магнатовъ добивались гетманства въ Коронѣ и Литвѣ и заводили одинъ противъ другаго интриги. Наконецъ, не постановивъ ничего, не избравъ

никакихъ средствъ къ оборонѣ государства, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій для внутренняго порядка въ раззоренной странѣ, послы разошлись. Прусскій посолъ сорвалъ сеймъ своимъ всемогущимъ посольскимъ *не позволяю* [1]. „О несчастное отечество! (восклицаетъ полякъ современникъ) о, еслибъ можно было укоротить твою свободу! [2]".

Алексѣй Михайловичъ объявилъ формально войну. Король, желая по крайней мѣрѣ, хотя отстрочить грозящую опасность, отправилъ въ Москву посломъ сенатора Млоцкаго. Примасъ, архіепископъ гнѣзненскій, написалъ убѣдительное письмо къ Никону и умолялъ именемъ любви Христовой убѣдить царя не проливать христіанской крови. По извѣстію польскихъ лѣтописей, патріархъ началъ совѣтовать Алексѣю Михайловичу, не мѣшаться въ междуусобную рѣзню поляковъ съ казаками: онъ вспоминалъ несчастія, которыя потерпѣла Россія въ смутныя времена междоцарствія; представлялъ, что Хмельницкій можетъ легко примириться съ поляками и, вмѣсто благодарности Москвѣ, обратить на нее оружіе по приказанію короля [3]. Но царь слишкомъ ясно видѣлъ пользу своей державы; притомъ, казалось предосудительнымъ оставить предавшійся ему народъ въ руки враговъ. Млоцкій возвратился съ извѣстіемъ, что московское войско идетъ къ литовской границѣ [4].

---

1) Annal. Polon. Clim. I. 364.

2) Wojna dom. Ч. 3. 88.

3) Wojna dom. Ч. 4. 118.—Истор. о бунт. Хмельн. 53—Annal. Polon. Clim. I. 417.

4) Annal. Polon. Clim. I. 415.

Тогда король, въ іюнѣ, снова собралъ сеймъ. Шляхтичи, видя крайнюю опасность, на этотъ разъ дѣйствовали согласнѣе, предоставили королю право собрать посполитое рушенье, назначили подати для платы войску и сдѣлали постановленіе объ укрѣпленіи Смоленска. Чтобъ не отягощать себя, открыли новый источникъ доходовъ: начали давать дворянское достоинство за деньги. Король назначилъ коронным великимъ гетманомъ Потоцкаго, а польнымъ—Ляндскоронскаго, великимъ литовскимъ гетманомъ—Радзивилла, пріобрѣвшаго воинскую репутацію со времени войны противъ казаковъ, а польнымъ литовскимъ—радзивиллова врага, Гонсѣвскаго. Самъ король выѣхалъ въ Гродно наблюдать надъ войною [5]).

Московское войско, подъ начальствомъ Серебреннаго и князя Хованскаго, въ числѣ сорока тысячъ, вступило въ Литву въ концѣ мая [6]). За нимъ вслѣдъ, съ другимъ войскомъ, слѣдовалъ самъ царь [7]). У москвитянъ было стопятьдесятъ пушекъ, отличные артиллеристы и инженеры, вызванные изъ Голландіи, Франціи и Швеціи [8]). Хмельницкій послалъ на помощь царю три полка: черниговскій, нѣжинскій и вновь составленный имъ изъ сѣверскихъ жителей подъ названіемъ стародубскаго и охотныхъ казаковъ, всего до двадцати тысячъ войска; главное начальство поручено было Золотаренку, который назывался наказнымъ гетманомъ, имѣлъ неограниченную

---

[5]) Ibid. 424—427.

[6]) Ibid. I. 415.

[7]) Hist. ab. exc. Wlad. IV. 142.—Лѣтоп. самов. 22.—Истор. о през. бр.

[8]) Annal. Polon Clim. I. 438.

власть въ походѣ и, въ знакъ своего сана, получилъ булаву и бунчукъ [9]).

Войска Рѣчи Посполитой въ Литвѣ не было наготовѣ: по случаю сорваннаго сейма, не сдѣлано было никакихъ распоряженій къ оборонѣ. Московскіе люди разсѣялись по всей Литвѣ и съразу завоевали Бѣлый, Дорогобужъ, Серпейскъ, Дубровну, Невель, Мстиславль, Рославль, Оршу, Копысъ, Шкловъ, Гору, Друю [10]). Царь осадилъ Смоленскъ, въ которомъ заперся съ гарнизономъ и шляхтою воевода — Филиппъ Обуховичъ. Казаки взяли Рѣчицу, осадили Гомель, но не могли взять его и присоединились къ царскому войску подъ Смоленскомъ [11]). Осада Смоленска длилась упорно. Неприступное положеніе города и могучія укрѣпленія защищали городъ болѣе, чѣмъ люди [12]).

Литовское войско снаряжено было только въ августѣ; собралось посполитое рушеніе и Радзивиллъ двинулся отбивать Смоленскъ. Первыя дѣйствія литовцевъ были удачны. Отрядъ Гонсѣвскаго и Мирскаго напалъ подъ Оршею на спящихъ русскихъ и разбилъ ихъ [13]). Это возгордило Радзивилла; онъ надѣялся уничтожить враговъ, однако, необходимость защищать отечество не заставила его помириться съ Гонсѣвскимъ; оба полководца дѣй-

---

[9]) Лѣтоп. самов. 22.—Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. I. 428 Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс. 266.

[10]) Лѣтоп. самов. 23.—Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс..206.—Wojna dom. Ч. 4. 122.—Лѣтоп. Величка. I. 187.—Истор. о през.—Histor. ab. exc. Wlad. IV. 143.

[11]) Лѣтоп. самов. 23.—Повѣств. о томъ, что случилось въ Украинѣ 15.— Истор. о през. бр.

[12]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 142.

[13]) Wojna dom. Ч. 4. 123.—Опис. о бунт. Хмельниц. 54.

ствовали наперекоръ одинъ другому и посылали королю другъ на друга доносы [14]). Посполитое рушенье, приставшее къ войску, увидѣло вокругъ себя непріятельскіе отряды и взбунтовалось: шляхтичи не слушали ни угрозъ ни убѣжденій, покинули знамена и разбѣжались [15]). Радзивиллъ надѣялся на кварцяное войско, пошелъ далѣе и подъ Шкловомъ, наткнулся на сильное непріятельское войско, въ которомъ было пятнадцать тысячъ московскихъ людей подъ главнымъ начальствомъ Трубецкаго, и нѣсколько тысячъ казаковъ съ Золотаренкомъ; это войско послано изъ подъ Смоленска. Здѣсь, 12-го августа, соединенныя русскія войска окружили со всѣхъ сторонъ Радзивилла и одержали блистательную побѣду; литовцы попадались въ плѣнъ, кидали оружіе и бѣжали во всѣ стороны. Русскіе побрали у нихъ всѣ пушки и знамена; самъ гетманъ едва спасся отъ погони и убѣжалъ въ Минскъ [16]).

Съ тѣхъ поръ города сдавались одинъ за другимъ. Могилевъ самъ отворилъ ворота русскимъ [17]); на другомъ концѣ литовской границы сдался Полоцкъ съ своею твердою крѣпостью, потомъ сдался Витебскъ [18]); черниговскій полковникъ Подобайло взялъ Гомель, Пропойскъ, Новый Быховъ; но, осадивъ старый Быховъ,

---

[14]) Annal. Polon. Clim. I. 425—428.

[15]) Малоросс. переп. хан. въ моск. оруж. палатѣ 13.

[16]) Annal. Polon. Clim. I. 429.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 143.—Histor. Jan. Kaz. I. 189.—Лѣтоп. Величка. 189.—О томъ, что случ. въ Украинѣ. 15.—Wojna dom. Ч. 4. 127.—Истор. о през. бр.

[17]) Малорос. переп. хран. въ московск. оруж. палатѣ 13.

[18]) Ibid.—Annal. Polon. Clim. I. 428.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 142.—Лѣтоп. самов. 23.

былъ убитъ, къ сожалѣнію современниковъ, скорбѣвшихъ о его молодости и отвагѣ. Тѣло его съ честью было погребено въ ильинскомъ черниговскомъ монастырѣ, который полковникъ возобновилъ на свой счетъ послѣ раззоренія батыевскаго [19]). Золотаренко съ другимъ отрядомъ снова возвратился къ царю подъ Смоленскъ; городъ держался еще до конца сентября; наконецъ, Обуховичъ, видя, что нѣтъ ему болѣе помощи, сдалъ городъ, выговоривъ прежде себѣ съ гарнизономъ свободный пропускъ [20]). Царь вступилъ въ Смоленскъ и приказалъ обратить въ православныя церкви костелы, которые были обращены поляками изъ церквей. Алексѣй Михайловичъ очень былъ доволенъ казаками, которые показали свое искуство и храбрость подъ Смоленскомъ и, въ знакъ уваженія, приглашалъ къ столу старшинъ, угощалъ простыхъ казаковъ и раздавалъ имъ золотыя медали [21]). Послѣ того царь уѣхалъ въ столицу, а московскія и казацкія войска продолжали брать города и замки.

Бѣлоруссія и Литва оставались безотпорны. Войска не было. Русскіе мѣщане и, угнетенные владычествомъ пановъ поселяне, съ радостью принимали своихъ единовѣрцевъ. Болѣе двухсотъ городовъ поддались царю. Успѣхъ былъ бы еще дѣйствительнѣе, еслибъ русскіе, какъ московскіе люди, такъ и казаки, вели войну съ большимъ воздержаніемъ; но въ тотъ вѣкъ воевать и раз-

---

[19]) Лѣтоп. Величка. I. 190.

[20]) Annal. Polon. Clim. I. 436—437.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 142.—Истор. о през. бр.

[21]) Лѣтоп. самов. 23.—Истор. о през. бр.—Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс. 206.

бойничать значило одно и тоже. Побѣдители жгли и разоряли шляхетскіе дворы, оскверняли костелы, мучили ксендзовъ, насиловали женщинъ. Московскіе люди говорили: „Теперь мы поквитаемся съ вами тѣмъ же, что дѣлали поляки и литовцы у насъ“ [22]). Вѣроятно, вслѣдствіе такихъ насилій, жители Шклова, принявшіе прежде московскій гарнизонъ, нечаянно перерѣзали всѣхъ воиновъ и снова впустили литовцевъ [23]).

Такъ проходилъ 1654 годъ въ Литвѣ. Другое войско московское, подъ начальствомъ Бутурлина, находилось въ Украинѣ въ соединеніи со всѣмъ казацкимъ войскомъ, надъ которымъ командовалъ Хмельницкій. Сначала, какъ только Хмельницкій присягнулъ царю, возникла сильная партія нежелавшихъ быть подданными московскаго государя. Изъ замѣчательныхъ лицъ казацкаго сословія являются между недовольными Сирко, впослѣдствіи кошевой атаманъ, и Богунъ. Сирко не хотѣлъ повиноваться и ушелъ съ толпою недовольныхъ за пороги [24]). Богунъ отрекался отъ присяги со всѣмъ Побужьемъ.

Польское правительство узнало о такомъ несогласіи между врагами и старалось извлечь изъ этого свою пользу. 28-го февраля, король выдалъ универсалъ къ русскимъ мѣщанамъ и поселянамъ, называлъ ихъ милыми и вѣрными, объявлялъ всему народу милость.

„Дошло до насъ (было сказано въ универсалѣ), что злобный измѣнникъ Хмельницкій, не довольствуясь ни

---

[22]) Annal. Polon. Clim. I. 140.—Histor. pan. Jan. Kaz. 195.—Мал. переп. хран. въ оруж. палатѣ 13.

[23]) Wojna dom. Ч. 4. 127 —Лѣтоп. Величка. I. 190.

[24]) Histor. pan. Jan. Kaz. 1. 182.

пролитіемъ христіанской вашей крови впродолженіе долговременнаго междуусобія, ни погибелью стольких душъ, взятыхъ въ плѣнъ невѣрными, ни поколебаніемъ вашей вѣрности, запродалъ васъ на вѣчное мученіе царю московскому, подъ нестерпимое ярмо, противное вашей свободѣ, и принуждаетъ васъ присягать противъ воли этому мучителю; однако, между вами нашлось много постоянныхъ въ вѣрности, которые, увидя измѣну мятежника, отступили отъ него. Мы, похваляя васъ за постоянство, считаемъ долгомъ предостеречь тѣхъ, которые принуждены были насиліемъ, какъ намъ извѣстно, цѣловать крестъ царю и совѣтуемъ, чтобъ они образумились заранѣе, остались въ подданствѣ намъ и всей Рѣчи Посполитой и дали объ этомъ знать прежде, чѣмъ войска наши вступятъ, а мы желаемъ принять всѣхъ съ милостью и радушіемъ, и обѣщаемъ хранить ваши древнія права и вольности".

Чрезъ мѣсяцъ послѣ того, подольскій воевода извѣщалъ жителей Подоліи, что войско вступаетъ для преслѣдованія мятежниковъ, и совѣтовалъ заранѣе прибѣгнуть изъ подъ вѣчно-мучительнаго ярма московскаго подъ милостивыя крылья его королевской милости [25]).

Какъ скоро коронный гетманъ узналъ, что Богунъ противится Хмельницкому и не хочетъ присягнуть царю, то послалъ къ нему въ Кальникъ [26]) какого то Павла Олекшича съ предложеніемъ гетманства надъ казаками, дворянскаго достоинства и любаго староства въ Украинѣ [27]).

---

[25]) Малор. переп. хран. въ московск. оруж. палатѣ 11—12.

[26]) Annal. Polon. Clim. I. 417.—Рук. И. П. Б. Misc. 63.

[27]) Истор. Мал. Росс. I. 11—6.

Но Богунъ Москвы только боялся, а поляковъ давно уже ненавидѣлъ. Онъ задумалъ, однако, воспользоваться довѣріемъ пана. Польскій историкъ говоритъ, что онъ отвѣчалъ коронному гетману въ такомъ смыслѣ:

„Москва овладѣла Украиною—Хмельницкій сдѣлался мучителемъ и ищетъ головы моей за то, что я отсовѣтовалъ казацкимъ полкамъ идти подъ московское ярмо; теперь я скитаюсь безъ всякаго пристанища. Вы спасете меня, если отправите ко мнѣ войско въ Кальникъ для соединенія съ недовольными казаками и для нашего охраненія“ [28]).

Въ то же время Богунъ отослалъ Хмельницкому предложеніе поляковъ въ доказательство своего безкорыстія [29]), и просилъ прислать поскорѣе войско, чтобъ окружить короннаго гетмана, котораго онъ обманываетъ. Изъ писемъ польскаго гетмана видно, что Богунъ оставлялъ безъ отвѣта два обращенныя къ нему письменныя увѣщанія. Неизвѣстно, были ли онѣ писаны послѣ приведеннаго выше письма Богуна, или же Богунъ никогда этого письма не писалъ. Въ послѣднихъ числахъ марта изъ польскаго стана, расположеннаго подъ Межибожьемъ, вышло войска для истребительной прогулки по Руси. Брацлавскій воевода съ двѣнадцатью хоругвями волонтеровъ, волоховъ, набранныхъ и приведенныхъ товарищемъ покойнаго Кондрацкаго Войцеховскимъ, вырѣзалъ Немировъ; улицы этаго города были покрыты трупами—говоритъ участникъ дѣла; нѣсколько сотъ жителей обоего пола и всякаго возраста убѣжали въ боль-

---

[28]) Annal. Polon. Clim. I. 417.—Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс. 208.

[29]) Истор. Мал. Росс. II. 6.

шой каменный погребъ: ихъ стали оттуда выкуривать дымомъ; волохи хотѣли, покрайней мѣрѣ, вытащить старшихъ и предлагали всѣмъ пощаду, если только ихъ выдадутъ; никто никого не выдалъ, никто не сдавался; всѣ задохлись въ дыму, числомъ до трехъ тысячь душъ. Истребивъ Немировъ, этотъ отрядъ примкнулъ къ польскому гетману, „потомъ“—говоритъ другой участникъ описываемыхъ событій, „мы разошлись по разнымъ путямъ отрядами и гдѣ только встрѣчали мѣстечко, слободу, деревню—истребляли въ нихъ все хлопство; остальное доканчивалъ огонь“. Въ четвергъ передъ пасхою жолнеры взяли Ягубецъ. Богунъ оттуда передъ тѣмъ только что вышелъ. При видѣ подошедшихъ враговъ, тамошній храбрый атаманъ воодушевилъ русскихъ такъ, что они всѣ до единаго рѣшились лучше погибнуть, чѣмъ покориться ляхамъ, а священники напоминали имъ святость присяги, недавно данной православному государю. Было ихъ тысячи три: всѣ они погибли послѣ упорной защиты. На первый день пасхи жолнеры напали на мѣстечко Мушировку. И тамъ русскіе не послушались польскихъ увѣщаній, и погибали какъ слѣдовало погибать, „надѣлавши намъ вреда“ говоритъ полякъ-очевидецъ—„тому изъ нашихъ пронизали щеку стрѣлою, другого задѣли косою, а больше всего допекли намъ дубьемъ да колодами.“ Къ несчастію русскихъ, у нихъ было мало огнестрѣльнаго оружія; и поляки множество изъ нихъ перестрѣляли изъ ружей, а потомъ, когда вломились въ замокъ...„тутъ“—говоритъ тотъ же очевидецъ полякъ „у насъ просто руки утомились отъ рубки ихъ“!—Погибло тамъ тысячъ до пяти русскаго народа обоего пола и всякаго возраста. Покушеніе на Брац-

лавъ полякамъ не удалось: полковники Носачъ и Золотаренко, засѣвшіе въ этомъ городѣ, отбили ихъ. Польскій гетманъ подступилъ къ Умани, гдѣ находились Богунъ и Глухъ. Расположившись въ хуторахъ, польскій гетманъ посылалъ къ Богуну увѣщаніе вступить съ нимъ въ переговоры; но Богунъ не отвѣчалъ ему. Хотѣлъ было польный гетманъ выманить казаковъ ночью на вылазку въ поле и навести на засаду, но ему не удалось перехитрить Богуна. Поляки отошли отъ Умани, разорили и сожгли нѣсколько окрестныхъ русскихъ поселеній и ушли въ свой станъ. Тѣмъ кончилась эта весенняя прогулка ихъ [30]).

Хмельницкій извѣстилъ о поступкѣ Богуна Алексѣя Михаиловича, который послалъ винницкому полковнику похвалу за постоянство, твердость и непоколебимость, и поручилъ Хмельницкому привести его къ присягѣ: присягнулъ ли Богунъ государю—неизвѣстно [31]).

Но во все лѣто польское войско не начинало рѣшительной войны. Оно не смѣло идти на помощь къ литовскому, потому-что, въ такомъ случаѣ, Хмельницкій и Бутурлинъ, пользуясь беззащитностью южныхъ предѣловъ, могли вторгнуться въ королевство. Оно не начинало непріятельскихъ дѣйствій въ Украинѣ, потому-что политика трудилась надъ пріобрѣтеніемъ союзниковъ. Господари обязывались дѣйствовать въ пользу Польши и прислать вспомогательное войско; впрочемъ, Стефанъ въ то же время посылалъ мирныя предложенія и къ Хмельницкому, а Хмельницкій, съ своей стороны, при-

---

30) Рукоп. И. П. Б. разнояз. № 63.
31) Истор. Мал. Росс. II. 6.

глашалъ его принять покровительство московскаго царя и послать въ Москву бояръ [32]). По извѣстію современника, господаря Валахіи, у Хмельницкаго въ Чигиринѣ появился тогда Михаилъ, родственникъ Стефана, жившій до того времени при нѣмецкомъ императорѣ. Хмельницкій хотѣлъ отдать за него свою дочь и, съ помощью Стефана, низвергнувъ валахскаго господаря, посадить вмѣсто него своего зятя, а потомъ, съ помощью Турціи, которую снова надѣялся преклонить на свою сторону, посредствомъ обѣщаній подданства, низвергнуть седмиградскаго князя и посадить на его мѣсто своего свата Лупулу [33]). По внушенію Хмельницкаго московскій государь послалъ къ молдавскому господарю Стефану и валахскому Матѳею свои граматы, приглашавшія ихъ содѣйствовать Хмельницкому и царю во имя единой вѣры. Въ граматѣ къ Стефану говорилось: „когда польскій король Янъ Казимиръ будетъ просить у тебя помощи на подданныхъ нашихъ гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское, желая истребить истинныя христіанскія церкви и искоренить православную вѣру, ты, памятуя единую съ нами православную вѣру, ни въ чемъ не помогай непріятелямъ нашимъ, которые всегда хотятъ истребить нашу христіанскую греческую вѣру и желаютъ упадка нашихъ церквей, но о замыслахъ ихъ давай знать нашему величеству, также бояръ и воеводъ нашихъ и Богдана Хмельницкаго гетмана войска запорожскаго о томъ увѣдомляй, а мы, великій государь, обѣщаемъ тебѣ

---

[32]) Малорос. переп. хран. въ московск. оруж. палатѣ. 17.
[33]) Памят. кіевск. комм. III. 3. 82.

всегда нашу государскую милость. „Но Стефанъ не былъ увѣренъ, что Московское Государство въ борьбѣ съ Польшею одержитъ верхъ, и потому отослалъ эту грамату польскому королю въ знакъ своей вѣрности и признательности. Янъ Казимиръ извѣщалъ объ этомъ седмиградскаго князя и замѣтилъ, что большая опасность грозитъ всѣмъ и турецкой имперіи въ томъ числѣ, потому что русскіе соединяются подъ знаменемъ вѣры и начнутъ возмущать своихъ единовѣрцевъ, турецкихъ подданныхъ. Ракочи отвѣчалъ, что къ его удивленію, безъ всякаго повода съ его стороны, Хмельницкій присылалъ къ нему предложеніе возобновить дружбу [34]). Ракочи, также хитрилъ, какъ и молдавскій господарь. Самъ онъ какъ увидѣлъ, что надъ Польшей собирается новая туча, предполагая что нибудь для себя выиграть, обращался къ Хмельницкому, приписывалъ происшедшее насогласіе дерзости сына Хмельницкаго, напавшаго своевольно на Валахію, увѣрялъ, что звалъ Тимоѳея для переговоровъ, а Тимоѳей, вмѣсто отвѣта, началъ непріязненныя дѣйствія противъ седмиградскихъ войскъ, просилъ забыть прошедшее и предлагалъ свои услуги [35]). Только возобновленіе союза съ крымскимъ царствомъ сдѣлалось невозможнымъ послѣ соединенія съ великоруссами, которыхъ крымцы почитали злѣйшими врагами.

Весною, 1654 года, польское правительство послало въ Бахчисарай Яскульскаго очернить предъ новымъ ха-

---

[34]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

[35]) Малорос. переп. хран. въ московск. оруж. палатѣ 17.

номъ Хмельницкаго, обличить его въ сношеніи съ москвитянами заклятыми врагами Крыма, побудить хана дѣйствовать вмѣстѣ съ поляками противъ москвитянъ и казаковъ и за то обѣщать деньги и подарки; а въ доказательство того, что Хмельницкій отдался московскому царю, Яскульскій повезъ съ собой копію универсала казацкаго гетмана къ украинцамъ.

Пріѣхавъ въ Бахчисарай, Яскульскій былъ позванъ къ хану. Визирь, вѣроятно, принимая во вниманіе важность положенія своего хана и печальное состояніе Польши, которая нуждалась въ союзѣ съ Крымомъ, не хотѣлъ было давать ему ханскаго коня, на которомъ посолъ долженъ былъ ѣхать на аудіенцію.

— Наша вѣра,—говорилъ онъ:—не позволяетъ намъ прислать коня.

— А наша вѣра,—возразилъ Яскульскій:—не позволяетъ мнѣ ѣхать на своемъ конѣ, потому что мой конь исхудалъ, да притомъ, его величество король достоинъ такого уваженія отъ хана.

Полякъ настоялъ на своемъ: ему дали коня. Потомъ визирь хотѣлъ было заставить его, по восточному обычаю, поцѣловать полу своего платья. Яскульскій воспротивился и настоялъ на томъ, что ему позволили, по европейскому обычаю, поцѣловать ханскую руку [36]).

Послѣ первой аудіенціи заставили посла ждать въ бездѣйствіи около трехъ недѣль. Въ то время въ Бахчисараѣ явились послы московскіе, венгерскіе отъ Ракочи и казацкіе. Всѣ предлагали свои услуги и искали

---

[36]) Памят. кіевск. комм. III. 59—64.

расположенія хана. Хмельницкій писалъ къ хану: „Если мы вошли въ дружбу съ Москвою, то это мы сдѣлали вспоминая совѣты вашей ханской милости. Мы видѣли, что поляки отовсюду привлекаютъ къ себѣ людей противъ насъ: отчего же и намъ не дѣлать тогоже. Лучше намъ имѣть друзей въ той сторонѣ, которая прилегаетъ къ Смоленску и другимъ королевскимъ городамъ. Притомъ это сдѣлалось не отъ меня, а по волѣ цѣлаго войска. Отъ договора подъ Каменцемъ ничего хорошаго не вышло: король не утвердилъ для насъ зборовскаго договора, а ваши люди, между тѣмъ, причиняли намъ великія и нестерпимыя кривды. Покорно просимъ вашу ханскую милость невѣрьте тому, что, на насъ наговариваютъ. Наши враги клевещутъ на насъ, и сами подъ нами яму копаютъ; Потоцкій съ поляками, венграми и волохами напалъ на насъ, опустошилъ много мѣстечекъ перебилъ много народа. Слышно, что и Радзивиллъ съ литовскимъ войскомъ приближается къ Любечу и Лоеву; по этому, если бы ихъ войска стали болѣе угрожать намъ, то ваша ханская милость подайте намъ помощь по силѣ вѣчнаго договора. Мы будемъ обязаны отслуживать за это, помогая вамъ противъ вашихъ непріятелей“ [37]).

Крымцы понимали, что сосѣди давали большое значеніе тому положенію, какое принималъ Крымъ въ предстоящихъ смутныхъ событіяхъ. Ханъ созвалъ большой совѣтъ изъ султановъ, мурзъ и агъ. Всѣ раздѣляли ненависть противъ Москвы; но нѣкоторые мурзы, испытавшіе на себѣ щедрость Хмельницкаго, возстали противъ союза съ поляками.

---

[37]) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

„Пока у насъ было побратымство съ казаками (говорили они), мы наполняли Крымъ польскими невольниками, а теперь что возьмемъ, воюя противъ казаковъ за поляковъ? Казаки бились за свободу, а намъ доставался яссыръ; не будетъ намъ такой выгоды, когда будемъ сражаться за поляковъ. Поляки люди гордые: ходятъ въ богатыхъ одеждахъ, въ дорогихъ шубахъ, въ турецкихъ сапогахъ: не станутъ они биться для нашей выгоды“ [38]).

Но вражда противъ москвитянъ заглушала такія представленія. Выгоды Крыма побуждали татаръ предпочесть въ настоящее время союзъ съ поляками; однако, они хотѣли повести дѣло такъ, чтобъ поляки имъ кланялись и просили ихъ союза, а не они поляковъ.

Визирь призвалъ Яскульскаго и обходился съ нимъ довольно сухо. Яскульскій просилъ отпустить польскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ въ набѣги. Визирь отговаривался, исчислялъ различныя прежнія вины этихъ плѣнниковъ противъ Крыма, наконецъ сказалъ рѣшительно:

— Напрасно и говорить о томъ, что взято саблею!

Яскульскій коснулся татарскихъ набѣговъ, причинившихъ Польшѣ опустошенія; визирь съ гнѣвомъ закричалъ:

— Какъ, гордецы! вы еще хотите приказывать хану? А знаете ли, что если ханъ соединится съ казаками и москвитянами—вся Польша погибнетъ!

— Это въ Божьей волѣ,—отвѣчалъ Яскульскій, испугавшійся своихъ замѣчаній:—но я сказалъ это не для того, чтобъ приказывать его милости, хану, а чтобъ

[38]) Annal Polon. Clim. I. 443.—Histor. Jan. Kaz. I. 198.

показать вамъ честность и правду нашу, за которыя мы терпѣли отъ васъ непріязненность.

— Казаки прислали къ намъ пословъ, сказалъ визирь:—они просятъ союза съ нами; они говорятъ, что если обратились къ москалямъ, то потому, что король не послалъ къ нимъ ни пословъ, ни грамматы: надобно было вамъ удерживаться отъ войны съ ними. Зачѣмъ сами ихъ затрогиваете?

— Удивляюсь, возразилъ Яскульскій:—что вы предираетесь къ тому, что его королевское величество не посылалъ Хмельницкому ни пословъ, ни граматъ. Приличнѣе будетъ, если рабъ прежде поклонится своему господину. Видали ли вы, чтобъ ханъ писалъ письма къ мятежникамъ, когда у васъ былъ бунтъ?

— Казаки, сказалъ визирь:—говорятъ, что они послали къ вамъ посломъ Антона, а вы его задержали.

— Этому уже годъ, отвѣчалъ Яскульскій:—а послѣ жванецкаго договора они не присылали пословъ. Хмельницкій и себя самаго и всю Украину отдалъ московскому царю, и Москва въ городахъ королевскихъ и шляхетскихъ поставляетъ свое начальство и беретъ доходы. А когда кто у кого что нибудь отнимаетъ, какъ не защищать своего?—

— Видимъ, что казаки плуты,—сказалъ визирь.—Мы пошлемъ къ нимъ своего посла вмѣстѣ съ ихъ посломъ и предложимъ, чтобъ они покорились королю, возвратили бы Украину, а сами шли бы съ нами воевать, московитянъ. Если же этого не сдѣлаютъ, тогда поднимемъ вмѣстѣ съ вами на нихъ сабли.—

Наконецъ визирь совершенно искренно выразился, сказавъ Яскульскому:

— Все сдѣлаемъ только тогда, когда получимъ отъ васъ упоминки.

Такимъ образомъ, на первый разъ Яскульскій не получилъ ничего, кромѣ обѣщаній, и писалъ немедленно о необходимости скорѣе выслать денегъ какъ крымскому хану, такъ равно и окружавшимъ его лицамъ. Каждый изъ нихъ изъявлялъ готовность ходатайствовать предъ ханомъ съ своей стороны, если получитъ польскіе злотые. Московскіе послы были отправлены съ отказомъ. Что касается казацкаго посольства, то, по увѣренію, Яскульскаго, ханъ далъ ему самую непріятную аудіенцію; на представленіе его онъ нѣсколько разъ возражалъ ему:

— Лжешь, сякой-такой сынъ, холопъ! [39]).

Послы Хмельницкаго были отправлены вмѣстѣ съ ханскимъ посломъ Тохтамышъ-агою, привезшимъ гетману грамату, въ которой ханъ изъявлялъ готовность сохранить прежнее братство съ казаками, но съ тѣмъ, чтобъ Хмельницкій отступилъ отъ московскаго царя, иначе грозилъ соединиться съ поляками, навести, сверхъ-того, на Украину венгровъ, молдаванъ, волоховъ и предать ее опустошенію.

Хмельницкій отвѣчалъ ему:

„Мы не можемъ отступить отъ царя московскаго; мы помнимъ, что Господь Богъ строго наказываетъ каждаго за нарушеніе присяги. И потому, не ища никакого предлога къ нарушенію мира, мы, полагаясь на свою справедливость, будемъ молиться Богу, готовые умереть, от-

---

[39]) Рук. И. П. Б. Miscell. N. 63.

бивая отъ предѣловъ своихъ всякаго непріятеля. Всемогущій Творецъ будетъ охранять справедливыхъ и воздастъ местью за несправедливость. А что ваша ханская милость стращаетъ насъ венграми, молдаванами, волохами и великою силою крымскихъ войскъ, то мы полагаемъ надежду болѣе на Бога, чѣмъ на огромность войскъ московскаго царя и силу запорожскаго войска. Богъ въ одно мгновеніе поражаетъ великія войска, противящіяся Его святой волѣ" [40]).

Между тѣмъ, послы Рѣчи-Посполитой—Бѣгановскій и Янъ Собѣскій поѣхали въ Царьградъ упрашивать турецкаго визаря побуждать хана противъ Хмельницкаго [41]). Въ день пасхи польское посольство представлялось падишаху въ числѣ двѣнадцати особъ, на которыхъ по турецкому обычаю надѣли дорогіе кафтаны. Турки объяснили, что ихъ дворъ оказываетъ большое вниманіе Польшѣ: „не было примѣра — говорили они, — чтобы иноземное посольство, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, представлялось нашему государю". Удостоившись видѣть падишаха въ залѣ, увѣшанной и устланной драгоцѣнными тканями и наполненной благовоніями, поляки были приглашены на аудіенцію къ великому визирю, сидѣвшему за круглымъ столомъ съ капуданъ-пашею и другими сановниками. „Мы просимъ, — сказали поляки — чтобъ были посланы къ крымскому хану эмиры съ повелѣніемъ идти вмѣстѣ съ нашимъ королемъ на войну, противъ московитянъ. Крымскій ханъ взялъ съ насъ за то жалованье". — „Какъ вы договорились подъ Жван-

[40]) Памятн. кіевск. комм. III. 3. 118.

[41]) Annal. Polon. Clim. l. 409. Histor. Jan. Kaz. I. 179.

цемъ“?—спросили ихъ.—„Мы на томъ условились“, отвѣчали поляки„—чтобъ намъ вмѣстѣ воевать Москву“.—„А на письмѣ, есть у васъ договоръ“?—спрашивалъ визирь.—„Мы вмѣсто писемъ, дали обоюдно закладъ“,—сказали поляки.—„Такъ-ли“?—допрашивали ихъ недовѣрчиво турки.—„Головами своими ручаемся, что такъ“—отвѣчали поляки.—„Хорошо“,—сказалъ визирь—„велю написать хану, и узнаю, а вы не спѣшите“.

Послѣ того визирь отправилъ къ хану эмира узнать, дѣйствительно ли подъ Жванцемъ состоялся договоръ воевать противъ Москвы, а поляки оставлены были въ Константинополѣ, до полученія вѣсти изъ Крыма. При нихъ пріѣзжали въ турецкую столицу казацкіе и московскіе послы, и поляки съ досадою замѣчали, какъ мусульмане радовались, что христіанскіе народы ссорятся между собою и нуждаются въ благосклонности турецкаго двора. Турки, какъ будто для того, чтобы дразнить поляковъ, помѣстили вблизи ихъ казацкаго посла, но, однако, потомъ перевели его подалѣе по просьбѣ огорченнаго этимъ польскаго посольства.—„Мы“ говорили турки—„будемъ держаться той стороны, какую приметъ новый крымскій ханъ“ [42]).

Ислама Гирея, уже не стало на свѣтѣ. Говорили, что украинская плѣнница, взятая въ его гаремъ, отравила его въ отмщеніе за измѣну ея отечеству. Подозрѣвали даже здѣсь козни Хмельницкаго [43]). Наслѣдникомъ Ислама сдѣлался братъ его Махметъ-Гирей, и поѣхалъ въ Константинополь за утвержденіемъ въ своемъ достоинствѣ. Этотъ но-

---

42) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. 63.

43) Annal. Pol. Clim. I. 407.

вый ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу поляковъ. Онъ объявилъ турецкому правительству, что дѣйствительно братъ его заключилъ съ поляками договоръ и онъ самъ, по примѣру брата, пойдетъ за поляковъ противъ москвитянъ и казаковъ. Тогда верховный визирь объявилъ польскому посольству, что Турція дозволяетъ хану, сообразно съ заключеннымъ договоромъ, вмѣстѣ съ поляками воевать противъ москвитянъ [44]). Визирь увѣрялъ ихъ, что еслибъ поляки и прежде просили содѣйствія турокъ, то не испытали бы столько золъ [45]). Визирь видѣлъ, что Хмельницкій только обманывалъ диванъ, когда изъявлялъ желаніе поддать Украину Оттоманской Портѣ. Турція опасалась возвышенія русской державы, и потому въ то время легко было расположить ее къ Польшѣ.

Новый ханъ отправилъ своего посла въ Варшаву и 13-го іюня, заключенъ былъ договоръ на такихъ условіяхъ: король обязывался давать каждогодно упоминки крымскому царю, а крымскій царь будетъ за ними посылать своихъ мурзъ въ Каменецъ. За это крымскій царь обязывался со всею своею ордою помогать Польшѣ противъ всякаго непріятеля; и такъ какъ московскій царь, соединившись съ казаками, вступилъ войною въ польскія предѣлы въ Бѣлоруссію и Украину, то ханъ обязывался воевать противъ казаковъ, москвитянъ и мятежнаго русскаго хлопства [46]).

Возвращаясь въ Турцію, въ сентябрѣ, ханъ близъ

---

[44]) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

[45]) Wojna dom. Ч. 4. 120.

[46]) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

Очакова встрѣтилъ поляка Корыцкаго, посланнаго къ нему отъ имени польскихъ гетмановъ.

— Скажи своимъ гетманамъ, сказалъ ему ханъ: — что я все сдѣлаю для короля и Рѣчи Посполитой, какъ поставилъ съ нимъ въ договорѣ братъ мой [47]).

Возвратившись въ Крымъ, онъ засталъ тамъ Яскульскаго. Онъ пріѣхалъ за утвержденіемъ договора, заключеннаго ханскимъ посломъ въ Варшавѣ. На этотъ разъ крымцы дали полякамъ почувствовать, что татары сильнѣе поляковъ и послѣдніе болѣе нуждаются въ союзѣ, чѣмъ они. Польскій посланникъ просилъ отпустить заложниковъ, которыхъ дали поляки татарамъ подъ Жванцемъ, такъ какъ между Польшею и Крымомъ уже заключенъ дружественный союзъ.

„Этого не будетъ“ — сказалъ визирь — „вамъ нельзя довѣрять: вы слова своего не держите“.

„Его королевское величество“ — сказалъ Яскульскій „уже присягнулъ въ прочности мира. Онъ не желаетъ, чтобъ они оставались здѣсь и Рѣчь Песполитая не хочетъ тратиться на ихъ содержаніе; притомъ, родственники ихъ безпрерывно осаждаютъ короля просьбами объ ихъ освобожденіи“

„Вамъ жаль заложниковъ“, — сказалъ визирь, — „а мы не жалѣемъ для васъ нѣсколькихъ тысячъ войска. Нѣтъ, скажу вамъ по истинѣ: если я подъ Каменцемъ не позволилъ этого, когда мнѣ за шею дождь лилъ, такъ теперь подавно не позволю, потому что я весь сухъ“.

„Присягою“ — представлялъ полякъ — „король и Рѣчь Посполитая болѣе дали вамъ ручательства дружбы, чѣмъ

---

[7]) Памятн. кіевск. комм. III. 3. 82.

оставленіемъ у васъ заложниковъ. Не надобно оскорблять его величество. Развѣ нашъ король у васъ безъ заложниковъ не имѣетъ вѣры. Всѣ другіе народы вѣрятъ слову нашего государя".

„Мы вамъ не вѣримъ"—сказалъ визирь—„и до тѣхъ поръ не будемъ вѣрить, пока наша сабля, вмѣстѣ съ вашей, не омоется московскою и казацкою кровью. Заложники будутъ оставаться у насъ до тѣхъ поръ, пока на самомъ дѣлѣ не станется того, о чемъ мы теперь говоримъ на словахъ, пока наши беи не войдутъ въ дружбу съ вашими военачальниками".

„Упоминки, слѣдуемые хану, уже въ Каменцѣ",—сказалъ Яскульскій—„вы можете прислать за ними. Его величество отпустилъ плѣнныхъ татаръ и проситъ также васъ отпустить нашихъ людей; вотъ онъ и прислалъ роспись имъ".

„На счетъ плѣнниковъ" — сказать визирь—„я вамъ вотъ что скажу: не думайте, чтобъ мы были себѣ такъ какіе нибудь людишки; за вѣжливость мы съумѣемъ отплатить вѣжливостью"

Скоро, послѣ того наступилъ байрамъ, а послѣ праздника, татары день ото дня откладывали утвержденіе договора. Полякъ жаловался, что драгоцѣнное время пропадаетъ, а силы татарскія не приходятъ на помощь Польшѣ. Визирь тянулъ дѣло съ поляками, оттого, что, тѣмъ временемъ, пытался убѣдить Хмельницкаго отступить отъ Москвы. Крымцамъ не хотѣлось окончательно разсориться съ казаками; и Турція была того же мнѣнія. Поляки, такъ долго, въ угодность масульманскимъ властямъ, давившіе казаковъ, не въ силахъ были гнести ихъ и удерживать отъ нападенія; надобно было опять под-

вергать прежнимъ опасностямъ черноморскіе берега. Уже прошлою весною, услыхавши, что крымскій ханъ дружитъ съ Поляками и Турція также стала къ нимъ благосклонна, казаки плавали по Черному морю, грабили берега Крыма, и переплывъ море, доходили за четыре мили до Константинополя: имъ тамъ не посчастливилось; они вышли было на берегъ, въ надеждѣ пошарпать невѣрныхъ, но турки окружили ихъ и разбили: тридцать казаковъ взяли живьемъ и привезли въ Константинополь, гдѣ ихъ казнили самымъ мучительнымъ образомъ. Вслѣдъ за этимъ морскимъ набѣгомъ, можно было ожидать другаго, какъ случалось прежде: гораздо благоразумнѣе казалось ладить съ этимъ воинственнымъ народомъ. Поэтому-то и крымское правительство пыталось не доходить до окончательной вражды съ казацкимъ гетманомъ, и послало къ нему Тохтамышъ-агу съ предложеніемъ отстать отъ ненавистной для мусульманъ Москвы и воевать москалей вмѣстѣ съ татарами и поляками. Хмельницкій 24 октября отписалъ визирю такъ: „Мы не можемъ отступить отъ союза съ Москвою, потому что ляхи затягиваютъ на насъ нѣсколько земель, и вы сами этого не видите и пишите къ намъ неправду. Твоя милость былъ съ нами пріятелемъ: не мы нарушаемъ присягу, а вы; Богъ вамъ судья. Мы остаемся въ Украинѣ и, призвавши на помощь Бога, станемъ противъ васъ обороняться. Неужели хорошо будетъ, если вы съ нами разорвете братство? Вы ѣли хлѣбъ и соль съ нами и были въ покоѣ. Уговорите лучше хана оставаться съ нами въ вѣчномъ союзѣ. Мы на поляковъ не нападаемъ, а они всяческими способами хотятъ насъ искоренить. Да Богъ имъ не поможетъ“!

Получивъ это письмо, крымское правительство разсудило, что нѣтъ возможности поладить съ Хмельницкимъ, а оставлять его въ соединенiи съ Москвою опасно; для этого, оказалось нужнымъ сдружиться съ поляками.

Не прежде, какъ 18 ноября, пригласили Яскульскаго къ хану. Махметъ-Гирей сказалъ:

„Братъ мой Исламъ, заключилъ съ вами союзъ и присягнулъ идти вмѣстѣ съ вами на каждаго непрiятеля, тоже дѣлаю и я. Сообщи это брату моему королю польскому и всей Рѣчи-Посполитой“.

Яскульскiй поблагодарилъ хана, а Махметъ-Гирей, взявши въ руки договоръ сказалъ:

„По примѣру всѣхъ монарховъ, отдаю тебѣ этотъ договоръ. Въ немъ моя святая присяга на вѣчныя времена“.

Яскульскiй просилъ, чтобъ ханъ присягнулъ и также чтобы его мурзы вмѣстѣ съ нимъ присягнули.

„Въ договорѣ написана присяга“—сказалъ Махметъ-Гирей.

„Ваше царское величество“, — сказалъ визирь — „не упорствуйте сотворить такъ, какъ хотятъ поляки“.

Склоняясь къ совѣту визиря, ханъ приказалъ подать себѣ книгу, и по этой книгѣ (Алкорану) произнесъ присягу, которой смыслъ былъ таковъ: „пусть меня поразитъ Богъ, если я помыслю отступить отъ васъ, обѣщаю вѣчную вражду всѣмъ вашимъ врагамъ. Въ этомъ помоги мнѣ Боже“!

Яскульскiй требовалъ, чтобъ мурзы и беи присягнули также, но ханъ и визирь не соглашались: „Какъ одинъ Богъ на небѣ и на землѣ, — сказалъ Махметъ-Гирей,—такъ я единъ государь въ своемъ государствѣ“.

Визирь прибавилъ: „У насъ не то, что у васъ. Вашъ король не смѣетъ сдѣлать никому того, что почитается несправедливостью. У насъ же, что ханъ скажетъ, то и дѣлается: одно его слово—и мы всѣ готовы положить головы подъ мечъ! Впрочемъ, какъ сойдетесь съ мурзами и беями—тамъ пускай себѣ они хоть съ женами и дѣтьми присягаютъ вамъ“!

Съ этимъ отпущенъ былъ Яскульскій [48]).

Ханъ, въ знакъ расположенія, отпустилъ до двухъ сотъ польскихъ плѣнниковъ и въ томъ числѣ бѣднаго Кашовскаго, захваченнаго такъ неожиданно на собственной свадьбѣ [49]). Оставленъ былъ какой то Ромашкевичъ. Вслѣдъ за тѣмъ, ханъ извѣстилъ короля, что сильная орда, подъ предводительствомъ его сына Менгли-Гирея, немедленно отправиться въ Украину для соединенія съ поляками противъ русскихъ. Мѣсто для соединенія назначено подъ Чернеіовцами [50]).

Современный польскій историкъ [51]) говоритъ, что, поладивши съ поляками ханъ приказалъ обрѣзать ноздри посланцу Хмельницкаго, пріѣзжавшему къ нему съ письмомъ, и въ такомъ видѣ отправилъ его къ гетману.

Сношенія поляковъ съ ханомъ продолжались до конца ноября, а гетманы не осмѣливались выступить въ походъ, и стояли лагеремъ подъ Меджибожьемъ. Наконецъ, когда пришло извѣстіе, что ханъ присылаетъ въ скоромъ времени орду для соединенія съ польскими вой-

---

[48]) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc. № 63.

[49]) Annal. Polon. Clim. I. 443.—Wojna dom. Ч. 4. 124.

[50]) Памятн. кіевск. комм. III. 3. 106.

[51]) Histor. ab ex. Wlad. IV. 146.

сками, Потоцкій двинулся на укрощеніе отпавшей Руси. Войско его, по рускимъ историкамъ, простиралось до шестидесяти тысячъ [52]), по сказанію польскихъ историковъ—около сорока, а по другимъ—около тридцати тысячъ [53]), изъ которыхъ болѣе двадцати тысячъ было одной конницы [54]).

Поляки обратились на мѣстечко Бушу ([55] недалеко отъ Днѣстра, которое, послѣ сожженія Могилева, служило убѣжищемъ подольскимъ левенцамъ или такъназываемому поднѣстранскому полку. Мѣстечко лежало на высокой горѣ; оно было тогда хорошо укрѣплено валами и съ одной стороны защищено ставомъ, и раздѣлялось на три половины: двѣ назывались городами, а третья, замокъ, назывался пригородкомъ. Туда укрылось шестъ тысячъ левенцевъ съ женами, дѣтьми и имуществами, двѣнадцать тысячъ жителей обоего пола, и толпа молдавскихъ удальцовъ, служившихъ въ украинской вольницѣ. Польское войско было слишкомъ-велико; подоляне заранѣе рѣшились умереть, но не сдаваться на поруганіе непріятелю. Какъ только польскій отрядъ приблизился къ стѣнамъ города, его привѣтствовали сильнымъ залпомъ со стѣнъ; быстро вылетѣли казаки изъ воротъ, разсѣяли непріятелей; погибъ самъ начальникъ отряда. Ободренные левенцы, въ знакъ торжества, ударили въ колокола, но вслѣдъ затѣмъ бросился на штурмъ

---

[52]) Лѣтоп. Величка. 1. 208.

[53]) Lat. Jerl. 151.

[54]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 199.—Annal. Polon Clim. I. 444.

[55]) Ныньче мѣстечко Яруга, при сліяніи водъ Мурахвы и Буши, въ могилевскомъ уѣздѣ.

Чарнецкій съ нѣсколькими полками. Онъ увидѣлъ, что одна брама (ворота) стояла ниже прочихъ: тамъ стѣна спускалась съ полугоры: туда направилъ онъ жолнеровъ. Левенцы дали сильный отпоръ, отступили и впустили поляковъ въ браму; но когда торжествующіе враги вошли въ мѣстечко и уже удалялись отъ брамы, въ которую вошли, вдругъ за ними сдѣлался пожаръ, а спереди бросились на нихъ осажденные мужчины и женщины съ оружіемъ, косами, рогатинами и дубинами. Поляки были наткнуты въ огонь; множество погибло, и самъ Чарнецкій, съ прострѣленною ногою, едва успѣлъ выскочить.

Гетманы, видя такое упорство, жалѣли людей и послали въ городъ трубача съ предложеніемъ милости, прощенія и совершеннаго забвенія мятежа; но левенцы съ поруганіемъ разстрѣляли этого трубача въ виду непріятелей.

Тогда предводители приказали идти на генеральный штурмъ цѣлому войску. Бушу окружили со всѣхъ сторонъ. Ляндскоронскій приказалъ конницѣ оставить лошадей и лѣзть на скалы: послалъ туда даже погонщиковъ и слугъ. Долго всѣ усилія были напрасны: левенцы сыпали на нихъ градомъ пуль, спускали огромныя бревна и колоды; поляки падали съ укрѣпленія; Буша была невредима. Чарнецкій замѣтилъ, что можно спустить воду изъ пруда, который примыкалъ къ городу въ самомъ приступномъ мѣстѣ: сдѣлали плотину, вода обмельчала, и въ то время, когда казаки должны были отражать во всѣхъ пунктахъ сильнѣйшій приступъ, польская конница побросала коней, перешла чрезъ прудъ и бросилась на одну башню; казаки долго защищали

это мѣсто, множество жолнеровъ погибло, но часъ-отъ-часу прибывали новыя силы къ слабому мѣсту, сдѣлали въ стѣнѣ проломъ, зажгли башню и посыпались въ мѣстечко, между-тѣмъ, какъ другіе, пользуясь раздѣленіемъ силъ осажденныхъ, всходили на стѣны въ иныхъ мѣстахъ. Невозможно было держаться противъ огромнаго войска. Тогда русскіе, въ ожесточеніи, не хотя отдаваться врагамъ, зажгли свои домы и начали умерщвлять другъ друга. Жена убитаго сотника Завистного сѣла на бочку пороха, сказавъ: „не хочу послѣ милаго мужа доставаться игрушкою солдатамъ“! зажгла бочку и взлетѣла на воздухъ. Ободренныя ея примѣромъ, женщины бросали въ пламя и въ колодцы своихъ дѣтей и сами кидались за ними. Погибло шестнадцать тысячъ храбраго народа. Все имущество сдѣлалось добычею огня; жолнеры не вознаградили себя за потерю товарищей и за собственныя раны. Семьдесятъ женщинъ успѣли скрыться въ пещерѣ, находившейся недалеко отъ мѣстечка и закрытой густымъ терновникомъ. Но нѣкоторыя, бѣжавши, потеряли по дорогѣ свои намитки. Это замѣтили слуги и полковникъ Целарій получилъ приказаніе принудить къ сдачѣ скрывшихся. „Сдавайтесь (кричали имъ жолнеры): мы обѣщаемъ вамъ жизнь, прощеніе, цѣлость вашего имущества. Не губите себя напрасно“. Изъ пещеры имъ отвѣчали выстрѣлами. Целарій не сталъ посылать жолнеровъ на безполезную смерть, но увидѣлъ другой способъ выжить ихъ изъ убѣжища: неподалеку изъ горы протекалъ источникъ; онъ приказалъ отвести его и направить прямо въ пещеру. Женщины потонули, но ни одна не отдалась въ руки побѣдителей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Самоотверженіе русскихъ.—Истребленіе украинскихъ мѣстечекъ и селеній.—Битва подъ Охматовомъ.—Сношеніе Хмельницкаго съ Швеціею.—Война Швеціи съ Польшею.—Успѣхи шведовъ.—Бѣгство польскаго короля.—Походъ казаковъ и москвитянъ въ Червоную Русь.—Битва подъ Гродекомъ.—Осада Львова.—Бесѣда Хмельницкаго съ Любовицкимъ.—Свиданіе Хмельницкаго съ ханомъ —Взятіе Люблина.

Коронный гетманъ выдалъ жителямъ Подоли всеобщій универсалъ, въ которомъ извѣщалъ о наказаніи, постигшемъ Бушу за упорство, и совѣтовалъ всѣмъ, для избѣжанія подобнаго жребія, покориться, обѣщая милость и прощеніе. „Но твердыя сердца русскія не имѣли надъ собою никакого состраданія (говоритъ историкъ). Всѣ готовились послѣдовать примѣру Буши и погибнуть съ честью“ [1]). Изъ подъ Буши поляки двинулись въ Украину и вступили въ ту часть Побужья, которая называлась Брацлавщина. „Прежде всего намъ слѣдуетъ (говорили предводители), до прибытія непріятеля, очистить отъ мятежниковъ Побужье, а потомъ уже пойдемъ въ самое логовище непріятельское и завоюемъ

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 414.—446.

Кіевъ, какъ приказывалъ король“. Шпіоны доносили, что Хмельницкій назначилъ Брацлавль главнымъ пунктомъ охраненія Побужья, и что въ этомъ городѣ находиться сильный казацкій гарнизонъ. Польскіе отряды завоевали по окрестностямъ Брацлавля города и мѣстечки, взяли Тимановку, которую покинулъ начальникъ охочихъ казаковъ Махержынскій [2]). Главное войско отправилось на Брацлавль. Чарнецкій съ сильнымъ отрядомъ пошелъ впередъ лѣсомъ и развѣдалъ, что въ Брацлавлѣ двѣнадцать тысячъ казаковъ,—полки: винницкій, подъ начальствомъ Богуна, брацлавскій, подъ начальствомъ Зеленскаго, лубенскій, полтавскій, а наказнымъ гетманомъ Мизко [3]). Къ изумленію поляковъ, когда они подошли къ городу, то не увидѣли стражи за стѣнами, ни людей на валахъ: всѣ городскія ворота были отворены настежъ; живая душа не показывалась изъ города! „Это хитрость Богуна, — сказалъ Чарнецкій—: онъ нарочно представляется безпечнымъ и лѣнивымъ; но вѣрно спряталъ гдѣ нибудь войско и готовитъ намъ какую нибудь ловушку“. Восемь разъ обходили поляки вокругъ Брацлавля; ворота были отворены: никто не появлялся. Поляки не могли понять, что это значить, терялись въ догадкахъ и боялись каждую минуту попасть въ просакъ. Вдругъ, 8 декабря казаки стремительно бросались изъ Брацлавля и стали надъ Бугомъ въ боевомъ порядкѣ. Поляки бросались на русскихъ; русскіе дали сильный залпъ, потомъ перешли мость сожгли его и пошли по дорогѣ къ Умани въ виду мно-

---

[2]) Рук. И. П. Б. № 63.

[3]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63. — Пам. кіев. ком. Ш. 3. 41.

гочисленнаго непріятельскаго войска, но у нихъ былъ убитъ наказный гетманъ Мизко-Дубиня! Поляки за ними не послѣдовали, зная что въ небольшомъ отрядѣ казацкомъ былъ Богунъ; враги непремѣнно ожидали какой нибудь хитрой продѣлки.

„Такъ то мы упустили пташекъ" — писалъ коронный-гетманъ [4]).

Отошедши отъ Брацлавля коронный гетманъ расположился въ Тростянцѣ; русскій воевода въ Александровѣ, а обозный Чарнецкій въ Ладыжинѣ. Ожидали татарскаго войска. Разослали еще разъ универсалы, убѣждали въ нихъ русскій народъ покориться, и угрожали ему жестокими карами за непокорность. Изъ Винницы ни Ильменецъ прислали къ нимъ съ повинною, но въ другихъ мѣстахъ, гдѣ только были собраны вооруженныя шайки, покоряться не хотѣли. Особенное упорство показала тогда Демовка—мѣстечко, принадлежавшее Вишневецкому. Владѣлецъ, взявши прежде Балановку, подступилъ къ Берладу: оттуда вооруженная шайка хлоповъ въ глазахъ князя пробилась черезъ лѣсъ въ Демовку. Вишневецкій погнался за нею до Демовки. Тамъ было уже до 4,000 вооруженныхъ хлоповъ и кромѣ того отрядъ казаковъ съ сотниками: Заруднымъ, Яковенкомъ и Юркевичемъ. Никакія увѣщанія не дѣйствовали. Русскіе упорно отбивались, Вишневецкій долженъ былъ отступить. „Но не годилось",—говоритъ въ своемъ письмѣ коронный гетманъ „давать поблажку хлопскому упрямству". Вишневецкому прислали свѣ-

4) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

жей пѣхоты, драгуновъ и пять пушекъ. Тогда Вишневецкій подступилъ снова къ Демовкѣ. Послѣ сильнаго сопротивленія со стороны русскихъ, поляки гранатами зажгли мѣстечко, ворвались туда и вырѣзали всѣхъ жителей безъ различія пола и возраста. Тѣ, которые были съ оружіемъ, заперлись въ замкѣ, отбивались отъ поляковъ до послѣдней капли крови и погибли въ битвѣ, нанеся много вреда врагамъ своимъ. По извѣстію современника, въ Демовкѣ погибло тогда до 14.000 русскаго народа. Кромѣ жителей и пришедшихъ къ нимъ, вооруженныхъ людей, тамъ было много хлоповъ, прибѣжавшихъ туда со своими семьями изъ окрестностей, ради спасенія отъ жолнерскихъ неистовствъ. Немногіе изъ бывшихъ въ замкѣ были взяты живьемъ, но ихъ не пощадили; такимъ образомъ, начальствовавшіе казаками три сотника, взятые поляками, были тотчасъ же казнены, подъ тѣмъ предлогомъ, что разъ уже они были взяты поляками въ плѣнъ и отпущены, а потомъ снова взялись за оружіе.

За бойнею въ Демовкѣ послѣдовало раззореніе сосѣднихъ мѣстечекъ и селѣ. „Горько будетъ вашему величеству увѣдать“,—писалъ королю коронный гетманъ, „о раззореніи вашего государства; но иными средствами не можетъ усмириться неукротимая хлопская злоба, которая до сихъ поръ только возрастаетъ“.

Между тѣмъ, ожидаемая поляками орда, явилась: по однимъ, ее было до тридцати, по другимъ до сорока тысячъ человѣкъ. Это было только передовая часть татарской силы, назначенной на помощь полякамъ. Главное начальство надъ нею дано Менгли-Гирею, сыну крымскаго хана, но это было только для вида, такъ какъ

ему было всего 16 лѣтъ отъ роду. Всѣмъ распоряжался мурза Хамамбетъ. Ногайскою ордою начальствовалъ Келимбетъ - мурза. За ними долженъ былъ прійти съ остальною силою султанъ Калга и смѣнить Менгли-Гирея. Послѣ перваго свиданія съ поляками, татары просили, чтобъ имъ дали, для зимовки, пространство между Бугомъ и Днѣстромъ, и чтобы въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ, гдѣ расположится польскій гарнизонъ, были съ поляками пополамъ и татары; гдѣ польскій полковникъ, тамъ съ нимъ мурза или бей, а гдѣ самъ гетманъ, тамъ султанъ Калга. Поляки должны были согласиться, тѣмъ болѣе, что города и мѣстечки были имъ непріязненны, и предохранять ихъ отъ татарскаго обращенія поляки не имѣли нужды [5]).

Татары настаивали, чтобъ поляки шли въ походъ въ Украину прежде нихъ, а они выйдутъ черезъ недѣлю. Поляки съ неохотою должны были исполнить это требованіе; между тѣмъ татары ставъ кошемъ, по своему обычаю принялись за грабежи.

10-го января (20-го н. ст.), соединенное войско поляковъ и татаръ, пошло къ Умани, гдѣ, какъ услышали они, заперлись полковники ушедшіе такъ смѣло отъ Брацлавля. Городъ Умань былъ въ то время обнесенъ тремя высокими валами и тремя сухими рвами. Кромѣ двѣнадцати тысячъ казаковъ, тамъ были вооруженные хлопы и мѣщане; по извѣстію, передаваемому польскимъ историкомъ, въ этомъ городѣ было до тридцати тысячъ народа, число, вѣроятно, преувеличенное.

---

[5]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

Богунъ приказалъ полить валы водою, и, покрытые льдомъ, они свѣтились, какъ стекло, при утреннемъ солнцѣ, въ глазахъ союзниковъ, расположившихъ кругомъ города неизмѣримый обозъ для показанія своей силы [6]). Сначала Потоцкій отправилъ впередъ короннаго обознаго Чарнецкаго съ милостивымъ универсаломъ, приглашавшимъ русскихъ сдаться и принести покорность Рѣчи Посполитой [7]), „но уманцы (говоритъ современникъ) пушечною стрѣльбою показали намъ свое повиновеніе“ [8]). На другой день, въ полдень, назначили опять генеральный штурмъ. Тогда коронный гетманъ осадилъ городъ и приказалъ пустить туда гранаты, но ему не удалось произвесть пожаръ. Казаки покрывали крыши домовъ мокрыми кожами и полстями, да и вообще время было влажное [9]). Союзники, подъ выстрѣлами осажденныхъ, овладѣли первымъ валомъ, вступили въ ровъ, но Богунъ нечаянно сдѣлалъ вылазку и обратилъ въ бѣгство огромную толпу враговъ [10]). Въ это время посланные на подъѣздъ съ жолнерами Дружкевичъ и Гродзецкій привели языковъ, которые дали показаніе, что Хмельницкій соединенными силами казаковъ и москвитянъ спѣшитъ обойти осаждающихъ. Поляки повѣсили языковъ въ награду за сообщенныя вѣсти и потомъ скоро оставили Умань и двинулись на встрѣчу Хмельницкому, не зная впрочемъ, гдѣ столкнутся съ нимъ. Съ поляками отправился и

---

[6]) Annal. Polon. Clim. 1. 451.
[7]) Рук. Имп. Публ. Библ. Misc. № 63.
[8]) Памятн. кіевск. комм. III. 3. 44.
[9]) Рук. Имп. Публ. Библ. Misc. № 63.
[10]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 146.

Хамамбетъ мурза на челѣ орды своей[11]). Пройдя около тридцати верстъ, они встрѣтили на дорогѣ татарскій загонъ. Татары объявили, что они только что дрались съ казацкимъ отрядомъ, который ушелъ въ Охматовъ и тамъ заперся. Это былъ полтавскій полковникъ Пушкаренко. Поляки подумали тогда, что извѣстіе, полученное подъ Уманью, относилось единственно къ этимъ казакамъ и разсудили уничтожить малый отрядъ, убѣжавшій въ незначительное укрѣпленіе, и потомъ свободно продолжать осаду Умани. Войско приступило къ Охматову и на зарѣ, (29 января, 19 н. с.) начало палить въ Охматовъ [12]).

Хмельницкій въ то время былъ недалеко. Онъ также не зналъ, что войско польское велико. Богунъ, еще до пришествія татаръ, въ Брацлавлѣ видѣлъ только часть его, потому что другая невидима была за кустарниками.

Плѣнникъ далъ гетману невѣрное извѣстіе. Соединенное русское войско казаковъ и москвитянъ простиралось до 80,000, или до 90,000, по увѣренію польскихъ историковъ [13]), кромѣ калмыковъ; но Хмельницкій не счелъ нужнымъ тащить его въ походъ. Когда дошла до него вѣсть, что поляки приступили къ Умани, онъ оставилъ обозъ подъ Бѣлою-Церковью, гдѣ находился главнокомандующимъ московскими войсками Бутурлинъ, а самъ отправился вмѣстѣ съ бояриномъ Василіемъ Бо-

---

[11]) Рук. Имп. Публ Библ. Misc. № 63.

[12]) Annal. Polon Clim. I. 452—455.

[13]) Annal. Polon. Clim.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 147.—Histor. Jan. Kaz. I 207.

рисовичемъ Шереметевымъ, взявъ только двадцать пять тысячъ [14]).

Когда поляки начали палить подъ Охматовомъ, Хмельницкій съ Шереметевымъ завтракали въ Ставищахъ, верстъ за десять слишкомъ отъ Охматова. Услышавъ громъ орудій, они немедленно дали приказъ двинуться всему двадцатипятитысячному войску въ путь съ обозомъ. Польскій отрядъ Рощица, посланный высматривать непріятеля, узналъ о немъ заранѣе и донесъ гетманамъ. Тогда польское войско оставило подъ Охматовомъ Шемберга и двинулось на встрѣчу русскимъ [15]).

Войска встрѣтились другъ съ другомъ, на закатѣ солнца, на полѣ, которое называлось отъ маленькаго, тамъ текущаго протока, *Бавы*, гдѣ теперь деревушка Багва [16]).

Съ обѣихъ сторонъ началась жестокая, упорная битва, продолжавшаяся пять часовъ въ темную, морозную ночь. Пушечная и ружейная пальба была, по сказанію современниковъ, такъ часта, что было ясно какъ въ день [17]). Перевѣсъ былъ на сторонѣ поляковъ. Потоцкій занялъ возвышеніе и польскіе выстрѣлы были дѣйствительнѣе русскихъ; со всѣхъ сторонъ заходили поляки и прорывали ряды пѣхоты. „Богъ помогъ намъ—писалъ очевидецъ, черниговскій воевода—прорвать ихъ таборъ отнять 21 пушку и нѣскольких московскихъ капитановъ взять въ плѣнъ“ [18]). Въ союзномъ войскѣ распространилось смятеніе.

---

[14]) Лѣтоп. Величка. I. 209.

[15]) Рук. Имп. Пуб Библ. Misc. № 63.

[16]) Лѣтоп. Величка. I. 209.

[17]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 147.

[18]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

Какъ только поляки отступили отъ Умани, Богунъ вышелъ за ними изъ крѣпости, прошелъ счастливо через оставленный польскій обозъ и въ самое несчастное для своихъ время неожиданно появился сзади польскаго войска и ударилъ въ тылъ. Эта внезапность до того поразила поляковъ, что они смѣшались, среди ночи не могли разсмотрѣть, что это за войско и какъ велико оно, оставили Хмельницкаго и вступили въ сраженіе съ новымъ непріятелемъ. „Нельзя было разобрать кто съ кѣмъ бьется, кто свой, а кто непріятельскій"—говоритъ очевидецъ [19]). Три тысячи жолнеровъ погибло въ той сѣчѣ. Богунъ съ своею горстью разрѣзалъ ряды многочисленнаго войска и соединился съ Хмельницкимъ [20]), который, пользуясь тѣмъ временемъ, когда поляки занялись битвою съ Богуномъ, устроивалъ къ защитѣ свой обозъ [21]). Казаки набрали тогда труповъ и сдѣлали изъ нихъ валъ [22]).

Московскій предводитель съ неудовольствіемъ замѣтилъ Богуну: для чего онъ оставилъ Брацлавщину на разграбленіе и завелъ по слѣдамъ своимъ непріятеля, о которомъ ложно писалъ, будто онъ не силенъ? „Когда приманиваютъ птичекъ (отвѣчалъ Богунъ), то всегда бросаютъ имъ что-нибудь на кормъ" [23]). Богунъ имѣлъ планъ завести польское войско въ средину Украины, чтобъ оно наткнулось на соединенное русское войско;

---

19) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

20) Лѣтоп. Величка. I. 210.—Woyna dom. ч. 4 130.

21) Hictor. ab exc. Wlad. IV. 147.

22) Лѣтоп. самов. 24.

23) Annal. Polon. Clim. I. 453.

но, вопервыхъ. обманулся самъ, не зная силы поляковъ, а вовторыхъ, Хмельницкій и москвитяне взяли съ собой слишкомъ-мало войска. При такомъ неравенствѣ силъ. оставалось только отступить къ Бѣлой-Церкви, къ главному обозу и остальному войску. Но поляки обложили русскихъ со всѣхъ сторонъ; надобно было пробиваться силою. Хмельницкій устроилъ тройный рядъ саней, связанныхъ цѣпями, поставилъ на нихъ пѣхоту и артиллерію, а въ средину помѣстилъ конницу и такимъ-образомъ на другой день двинулся на проломъ [24]). Поляки напирали на него со всѣхъ сторонъ. но русскіе отбивались съ чрезвычайнымъ рвеніемъ и искуствомъ, защищались не только выстрѣлами, но оглоблями отъ саней, дубинами и рукопашнымъ боемъ. Прусская пѣхота, одѣтая въ панцыри, закрытая мѣдными щитами, надѣясь на такое вооруженіе, хотѣла, какъ говоритъ лѣтописецъ, пріобрѣсть себѣ славу, и вся погибла; конные наскакивали на сани и теряли лошадей. Такъ прошло два дня; поляки выбились изъ силъ и оставили преслѣдованіе. Они проводили непріятелей до Охматова и не рѣшились идти далѣе къ Бѣлой-Церкви, гдѣ было огромное войско. При этомъ сдѣлался такой сильный морозъ, какой рѣдко бываетъ въ этихъ странахъ: воины толпами замерзали отъ стужи. Казаки, вспоминая эти трудные дни, прозвали съ тѣхъ поръ это урочище *Дрыжи-поле*, то-есть поле дрожи. Соединенное русское войско благополучно прибыло къ Бѣлой-Церкви, впрочемъ, не безъ значительной потери: съ

---

[42]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 147.

обѣихъ сторонъ пало въ сраженіи до пятнадцати тысячъ [25]).

Поляки приписывали избавленіе Хмельницкаго измѣнѣ татаръ и въ особенности Хамамбета, который, какъ говорили они, взялъ съ Хмельницкаго, своего стараго союзника, большія подарки за то, чтобъ пропустить его [26]). „Я—говоритъ въ письмѣ своемъ черниговскій воевода—ночью съ тремя полками былъ на стражѣ и далъ ему (Хамамбету) знать, что непріятель хочетъ бѣжать: орда можетъ легко его разгромить. Когда день наступилъ, мы вышли въ поле, вывели артиллерію и послали за ордою а орда, пошла въ загоны и намъ пришлось защищаться своими грудьми. Еслибъ татары поспѣшили впору, мы бы одержали побѣду подъ Охматовомъ [27]). Татары, самовольно оставили польское войско и разбрелись загонами грабить Украйну [28]). Тогда Хмельницкій отправилъ Богуна съ десятью тысячами для преслѣдованія ихъ. Полководецъ быстрый, искусный, знавшій всѣ пути въ Украйнѣ, бросался стремительно изъ одной стороны въ другую, настигалъ татаръ въ разныхъ мѣстахъ, освобождалъ плѣнниковъ, отнималъ награбленное. „Восемъ тысячъ (говоритъ лѣтописецъ) не минуло богуновыхъ рукъ; изъ нихъ двѣ тысячи пятьсотъ доставлено было Хмельницкому“. Въ короткое время вся орда была изгнана [29]), но не надолго:

---

[25]) Лѣтоп. Величка. I. 211.—Рук. И. П. Б. Misc. №. 63.

[26]) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.—Hisl. ab exc. Wlad. IV. 147.

[27]) Рук. И. П. Б. разнояз. Misc, № 63.

[28]) Истор. о през. бр.

[29]) Лѣтоп. Величка. I. 212.

въ началѣ марта прибылъ султанъ Калга съ шестидесятью тысячами на новое горе Украйнѣ [30]).

Поляки, оставивъ Хмельницкаго, продолжали истреблять мѣстечки и селенія украинскія. Такъ были разорены: Кристіанополь, Устье, Берлады, Каменица, Киріевка, Лещыновка, Кѣсинцы, Берестки, Дмитрашевка, Пашковка. Вмѣстѣ съ поляками разоряли русскихъ татары и брали яссыръ [31]). Всѣ эти разоренія сопровождались самыми безчеловѣчными убійствами и вездѣ русскіе показывали величайшее упорство и твердость, вездѣ погибали не прежде, какъ давъ отпоръ врагамъ, и польскіе предводители увидѣли весною, что зимній походъ стоилъ имъ значительной потери людей. „Особенно пострадала пѣхота, — говоритъ очевидецъ — одни замерзли, другіе побиты, третьи померли, четвертые убѣжали [32]) а остальные терпѣли нужду, потому-что имущества русскихъ доставались огню, а не имъ".

Снова начали поляки собирать и усиливать войско: безпрестанно прибывали новыя толпы татаръ; но между тѣмъ съ сѣвера возстала страшная туча, грозившая не только поколебать, даже уничтожить польскую Рѣчь Посполитую.

Уже давно Хмельницкій обратилъ вниманіе на Швецію и старался вооружить ее противъ Польши. Неизвѣстно, когда именно украинскій гетманъ вошелъ въ сношеніе съ шведскимъ дворомъ, но въ 1650 году, какъ

---

30) Histor. Jan. Kaz. I. 212.

31) Рукоп. И. П. Библ. Misc. № 63.—Annal. Pol. Clim. I 459.

32) Рук. И. П. Б. Misc. № 63.

говорено было выше, отправлялись въ Стокгольмъ посланники какъ-будто татарскіе, но въ самомъ дѣлѣ отъ казацкаго вождя. Въ 1652 году польскій подканцлеръ Радзѣевскій побуждалъ королеву Христину противъ отечества, и въ тоже время отправилъ къ Хмельницкому посла, предлагая гетману прислать въ Стокгольмъ посланниковъ, знающихъ греческій языкъ, на которомъ особенно любила изъясняться ученая королева, и держать въ шведской столицѣ резидента [33]). Посолъ Радзѣевскаго, Ясинскій, не дошелъ до Хмельницкаго, и, проговорившись неосторожно на дорогѣ, былъ схваченъ Зацвилиховскимъ. Но сношенія Украины съ Швеціею были скоро возобновлены. Послѣ сраженію подъ Батогомъ, Хмельницкій отпустилъ въ Швецію двухъ взятыхъ въ плѣнъ капитановъ, родомъ шведовъ, служившихъ въ польскомъ войскѣ, и писалъ, неизвѣстно къ кому именно, что теперь Польшѣ нанесенъ ударъ и удобно можно поколебать ее [34]). Въ 1653 году, онъ отправлялъ нарочное посольство въ Швецію; по всему видно, резидентъ Хмельницкаго дѣйствительно находился въ Стокгольмѣ, какъ предлагалъ Радзѣевскій. Этотъ резидентъ былъ, какъ кажется, аѳинскій игуменъ Даніилъ грекъ [35]). При Христинѣ трудно было подвинуть шведовъ, потому что королева болѣе любила литературу и греческую словесность, чѣмъ оружіе; но когда, въ 1654 году, она отказалась отъ престола и преемникомъ ея сдѣлался пылкій и предпріимчивый герцогъ цвейбрикенскій, Карлъ

---

33) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 167.—Памятн. кіевск. комм. III. 3. 10—18.

34) Лѣтоп. Величка. I. 217.

35) Histor. belli. cos. Polon. 238.

Густавъ, тогда возникло недоумѣніе между польскимъ и шведскимъ кабинетами. Хмельницкій подущалъ новаго короля противъ своихъ враговъ. По извѣстію украинскаго лѣтописца, Хмельницкій взялъ въ плѣнъ двухъ офицеровъ ленной прусской пѣхоты въ дрижипольской битвѣ; они были родомъ шведы. Гетманъ увидѣлъ удобный случай черезъ нихъ отправить къ шведскому двору депешу, потому-что отправить ее чрезъ казацкое посольство было трудно: надобно было посламъ ѣхать или чрезъ Польшу, гдѣ ихъ могли поймать, или чрезъ Московское Государство гдѣ такое посольство возбудило бы подозрѣніе царя. Гетманъ зналъ, что Карлъ Густавъ ищетъ предлога къ войнѣ и убѣждалъ его напасть на Рѣчь Посполитую, находящуюся въ крайнемъ положеніи, обѣщалъ оказывать свое содѣйствіе къ покоренію Польши съ тѣмъ, чтобъ король, приготовляясь къ такому замыслу, отправилъ посломъ въ Украину генерала Вильгельма Карлуса, который ѣхалъ подъ видомъ купца чрезъ Московское Государство съ подарками и граматою, въ которой король уполномочивалъ его заключить условія съ казаками. Хмельницкій постановилъ воевать взаимно Польшу и не мириться одинъ безъ другаго. Онъ послалъ королю трехъ турецкихъ коней съ богатымъ приборомъ, три янчарки, три буйволовыхъ рога и три казацкія одежды вишневаго бархата, украшенныя жемчугомъ и золотомъ: одежды эти назывались шабельтасами и кулечницами [36]).

Не трудно было королю шведскому начать войну. Онъ придрался къ Яну Казимиру за употребленіе титула шведскаго. Война поведена была съ успѣхомъ.

---

[36]) Лѣтоп. Велич. I. 218.

Деморализованное польское войско въ Великой Польшѣ передалось непріятелю. 29-го іюля, Познань со всею Великою Польшею отдались въ подданство шведскому королю, на условіяхъ сохраненія религіозныхъ и гражданскихъ правъ. Варшава сдалась безъ боя. Мазовія присягнула побѣдителю. Король Янъ-Казимиръ бѣжалъ въ Силезію. Краковъ, защищаемый Чарнецкимъ, держался до 7-го октября и сдался на основаніи трактата, обезпечивавшаго гарнизону свободный выходъ, а городу и провинціи — неприкосновенность правъ церковныхъ и гражданскихъ. Такимъ-образомъ, вся Польша досталась почти безотпорно въ руки иноземцевъ. Паны не считали для себя предосудительнымъ присягать Карлу Густаву: замѣчательно, что, въ числѣ измѣнниковъ, были враги Хмельницкаго Конецпольскій и Димитрій Вишневецкій.

Въ тоже время русскіе завоевали Могилевъ, Минскъ, Ковно и наконецъ Вильну, которая сильно пострадала отъ раззоренія. Алексѣй Михайловичъ въѣхалъ въ столицу Ягелленовъ и повелѣлъ именовать себя великимъ княземъ литовскимъ. Гетманъ Радзивиллъ продолжалъ спорить съ Гонсѣвскимъ, арестовалъ своего соперника, а потомъ отдался шведамъ, подобно многимъ другимъ магнатамъ. Впрочемъ, онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что это сдѣлалъ онъ для того, чтобъ поссорить московскаго царя съ шведскимъ королемъ, чтобъ и тотъ и другой захотѣли овладѣть Литвою и стали бы воевать между собою за нее, что дѣйствительно и случилось [37]). Южная часть Литвы была завоевана казаками; только Ста-

[37]) Jak. Michal. Ks. pam. 764.

рый Быховъ, сильнѣйшая крѣпость, не сдался: Золотаренко, командовавшій осаднымъ войскомъ, былъ убитъ на герцѣ; послѣ смерти наказнаго гетмана, простые казаки начали своевольничать, напали на купеческій обозъ съ водкою, перепились и хотѣли перебить старшинъ, когда тѣ стали удерживать ихъ буйство; старшины, съ своей стороны, должны были употребить рѣшительныя мѣры и перебили множество бунтовщиковъ. Отъ этого войско бѣжало, и такъ оставлена была осада. Казаки препроводили тѣло убитаго предводителя въ Нѣжинъ, а оттуда въ Корсунь, гдѣ погребеніе его оставило послѣ себя долгую память страннымъ приключеніемъ. Поляки впослѣдствіи, разсказывали, будто, во время панихиды, трупъ Золотаренка приподнялся изъ гроба и сказалъ: „*Утикайте, утикайте!*" Вслѣдъ за тѣмъ громъ поразилъ церковь и сжегъ ее съ трупомъ и со множествомъ народа. Коховскій выдаетъ это событіе за несомнѣнную истину, слышанную впослѣдствіи отъ Выговскаго; но украинскій лѣтописецъ, бывшій самъ лично при погребеніи Золотаренка, объясняетъ, что церковь дѣйствительно загорѣлась, но отъ неосторожности пономаря, и что по причинѣ тѣсноты, погибло народа болѣе четырехсотъ тридцати человѣкъ [38]).

Среди успѣховъ русскихъ и шведовъ въ войнѣ съ поляками, Хмельницкій и Бутурлинъ двинулись въ іюлѣ содѣйствовать союзникамъ. Съ ними было до тридцати [39]); по извѣстіямъ поляковъ, — до шестидесяти [40]) тысячъ

---

[38]) Лѣтоп. Самов. 25. Почти въ такомъ же видѣ передаетъ это событіе другой современникъ Ерличъ (стр. 179).

[39]) Лѣтоп. Величка. І. 220.

[40]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 232.

казацкаго и московскаго войска. Цѣль казацкаго гетмана была завоевать южныя части Польскаго Королевства, населенныя русскими, и, такимъ образомъ, довершить освобожденіе своего народа. Русскіе приступили къ Каменцу, но простоявъ около него три съ половиною недѣли, отошли [41]).

Король, соразмѣрно тремъ непріятелямъ, напавшимъ на Польшу, раздѣлилъ войско на три части: двѣ изъ нихъ постыдно отдались врагамъ; третья выставлена была противъ Хмельницкаго. Подъ начальствомъ гетмана Потоцкаго. Это войско было не очень велико, но, конечно, не столь мало, какъ говорятъ польскіе историки, простирающіе его только до четырехъ тысячъ. Оно должно было пополниться посполитымъ рушеньемъ, которое уже получило третьи вици; но дворяне многихъ воеводствъ не захотѣли идти въ походъ. „Одинъ король (говорили они) имѣетъ право предводительствовать ополченіемъ посполитаго рушенья; а такъ какъ король убѣжалъ, то мы не считаемъ себя въ обязанности находиться подъ командою гетмана". Каждый заботился о себѣ; шляхтичи поскорѣе убѣгали съ семействами и имуществами въ Венгрію; другіе, пользуясь суматохою, составляли партіи, но вмѣсто того, чтобъ идти къ войску, нападали по дорогамъ на бѣгущихъ, грабили, безчинствовали. Карпатскіе гуцулы, съ своей стороны, разсыпались шайками по Червоной Руси, соединялись съ жителями и нападали на пановъ. Только изъ Волыни, Бельза и Перемышля прибѣжало

---

[41]) Latop. Jerl. 172.

нѣскольно отрядовъ въ войско, потому что уже нельзя было пробѣжать за границу, и приближеніе непріятеля поневолѣ заставляло ихъ взяться за оружіе [42]). Потоцкій долженъ былъ дать Хмельницкому отпоръ на Подоли; но какъ только услышалъ, что русскіе недалеко, то отретировался безъ боя до самаго Львова. Русскіе вступили въ Червоную Русь: города и замки, одинъ за другимъ, падали или сдавались; въ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, въ Ягельницахъ, гарнизоны приставали къ казакамъ [43]). Такимъ образомъ они приблизились ко Львову. Потоцкій не рѣшился тамъ дать сраженія и отступилъ къ Слонигродеку, четыре мили отъ Львова. Испуганные львовскіе мѣщане сожгли свои предмѣстья, едва возобновленныя послѣ посѣщенія казаками Львова, ровно семь лѣтъ назадъ. Въ концѣ сентября, Хмельницкій оставилъ значительную часть войска подъ Львовомъ и другую часть отправилъ (до сорока тысячъ, если вѣрить польскому историку) въ погоню за польскимъ войскомъ съ миргородскимъ полковникомъ Лѣсницкимъ, а великоруссы были подъ начальствомъ стольника Ромодановскаго и Гротуса.

Потоцкій почиталъ мѣсто подлѣ Гродека чрезвычайно удобнымъ для обороны: впереди города было большое глубокое озеро, которое наполнялось множествомъ впадающихъ протоковъ. Поляки стали за этимъ озеромъ и разставили кругомъ себя караульныхъ. Но передовые казацкіе отряды подкрались искусно и истребили ка-

---

[42]) Histor. belli cosac. polon. 233—235.

[43]) Latop. Jerl. 172.

раульныхъ: тогда казацкое войско воспользовалось лѣсистымъ мѣстоположеніемъ, закрывавшимъ видъ, разобрало въ сосѣднихъ селахъ хаты, ночью, при лунномъ свѣтѣ, сдѣлало плотину и перешло на другую сторону протоковъ. Поляки услышали объ этомъ и отрядъ побѣжалъ препятствовать переходу непріятеля [44]), но былъ опрокинутъ казаками. Русскіе свободно очутились на ругомъ берегу и ворвались въ городъ; въ городѣ сдѣлался пожаръ; поляки бросились тушить; русскіе посреди пламени разогнали ихъ и бросились въ ихъ лагерь. Потоцкій защищался около трехъ часовъ [45]) и москвовскіе люди стали было подаваться назадъ, но казаки поправили дѣло [46]). Въ это время въ польскомъ войскѣ кто то крикнулъ: „*новое войско идетъ на насъ!*“ Это произвело паническій страхъ; все бросилось бѣжать, сломя голову, покидавъ артиллерію, знамена, ружья; гетманъ ускользнулъ отъ плѣна, за то множество дворянъ было схвачено во время погони; весь лагерь достался русскимъ. Войско дѣйствительно приближалось, но это былъ отрядъ перемышльскаго посполитаго рушенья, который, въ свою очередь, немедленно разбѣжался [47]).

Побѣдоносное казацкое войско возвратилось ко Львову. Русскіе расположились кругомъ города по полямъ и горамъ; Хмельницкій поставилъ обозъ близь загородной церкви св. Юрія, гдѣ слушалъ богослуженіе. Гетманъ, 3 октября, послалъ къ магистрату ласковое пись-

---

[44]) Histor. belli cosac. polon. 234.—Annal. Polon. Clim. II. 36.

[45]) Annal. Polon. Clim. II. 36.

[46]) Kron. miast. Lw. 355.

[47]) Histor. belli cosac. polon. 234.

мо, припоминалъ свою умѣренность въ 1648 году, извѣщалъ о разбитіи послѣдняго войска польскаго и требовалъ сдачи города, обѣщая городу свою особенную милость. Письмо это было прочитано въ ратушѣ въ собраніи мѣщанъ при губернаторѣ Бутлерѣ и нѣсколькихъ панахъ, начальствовавшихъ войскомъ (были тогда Ожга, Ржевускій, ротмистръ лановой пѣхоты Унишевскій). Думали, толковали и не порѣшили, что дѣлать. На другой день рано пріѣхалъ отъ Хмельницкаго трубачъ за отвѣтомъ и магистратъ послалъ съ нимъ короткій отвѣтъ, въ которомъ, поблагодаривши Хмельницкаго за обѣщанныя милости, сказалъ такъ: находясь подъ властью военныхъ людей, назначенныхъ отъ короля для обороны города, мы ничего не просимъ, кромѣ того, чтобъ ваша милость, по высокому разсужденію своему, избавили насъ отъ кровопролитія. Этимъ отвѣтомъ мѣщане давали Хмельницкому понять, что они не могутъ дѣйствовать по собственной волѣ. Это было для Хмельницкаго ни то, ни се, и онъ опять послалъ трубача съ письмомъ такого содержанія: „Видно что вы надѣетесь себѣ откуда-то помощи. Ваша надежда напрасна. Войска наши, истребивши коронное войско идутъ въ глубину Польши, и мы останемся здѣсь, пока вы не покоритесь. Присылайте завтра рано рѣшеніе свое. Милосердіе наше еще не закрыто для васъ“.

И на это письмо не послѣдовало отвѣта, потому что военные начальники ни на что не рѣшались, а мѣщане не могли отвѣчать иначе, какъ имъ прикажутъ.

5-го октября не получивши рано требуемаго рѣшенія, Хмельницкій приказалъ ударить со всѣхъ сторонъ на городъ изъ пушекъ. Это заставило пановъ на что ни-

будь рѣшиться и съ ихъ дозволенія магистратъ отписалъ Хмельницкому и изъявлялъ желаніе вступить въ переговоры, но просилъ дать заложниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послано было письмо Выговскому: просили писаря ходатайствовать у гетмана, чтобъ сталось по желанію города.

„Милостивые государи—отвѣчалъ имъ въ письмѣ Хмельницкій — вижу, что вы столько легкомысленны сколько упрямы, когда, видя къ себѣ нашу милость, вздумали вмѣсто покорности, требовать какихъ то заложниковъ. Если хотите отъ насъ пощады и не желаете за свое упрямство погибели себѣ и людямъ, то, оставивши всякую надежду дайте намъ свое рѣшеніе, не ожидая отъ насъ никакихъ заложниковъ и мы, видя покорность вашу, оставимъ васъ въ добромъ здоровьѣ. Иначе не наша будетъ вина. И такъ уже мы унижаемъ свое достоинство, уговаривая васъ“.

Въ такомъ же смыслѣ отвѣчалъ имъ и писарь, объяснивши, что просьба ихъ объ заложникахъ огорчаетъ гетмана. Мѣщане готовы были исполнить волю Хмельницкаго, но губернаторъ и паны противились. „Какъ же— говорили они—намъ посылать къ нему пословъ безъ заложниковъ, когда онъ распускаетъ слухи, что хочетъ привести городъ къ подданству московскому царю“. Къ счастью за мѣщанъ былъ львовскій подкоморій Ожга.

Послѣ долгихъ споровъ, рѣшили, наконецъ, отправить къ Хмельницкому депутатовъ съ тѣмъ, чтобъ они узнали, чего хочется отъ Львова казацкому гетману. Всѣ обратились тогда къ тѣмъ мѣщанамъ, которые въ 1648 г. видались съ Хмельницкимъ и познакомились тогда съ казацкою старшиною и полковниками. Они сначала упи-

рались, потому что нѣкоторые военные и духовные напугали ихъ, наконецъ согласились. То были Самуилъ Кусѣвичъ (или Кушевичъ), Криштофъ Захновичъ и Павелъ Лавришевичъ. Они пригласили идти съ собою еще двоихъ: Гонсіоркевича и синдика Хоминскаго. „Депутаты (говоритъ современный дневникъ) прошли среди громадныхъ полковъ москвитянъ и русскихъ, кланялись имъ вѣжливо и отъ нихъ получали привѣтствія“ 6 октября они вошли сначала въ шатеръ генеральнаго асаула Ковалевскаго, а оттуда слуга (pokojowy) Хмельницкаго Соболь, позвалъ ихъ въ шатеръ гетмана. Хмельницкій сидѣлъ на лавкѣ, подлѣ стола, со сложенными на крестъ ногами, по турецкому обычаю; съ нимъ были: Иванъ Выговскій, братъ его Данило, генеральный обозный Носачъ, генеральный судья Зарудный, миргородскій полковникъ Сахновичъ-Лѣсницкій, и переяславскій полковникъ Тетеря. Все это были люди, по уму и образованію, стоявшіе выше прочихъ, особенно Тетеря, который, по замѣчанію современника, не только хорошо зналъ латинскій, польскій и славянскій языки, но обладалъ ученостью (eruditus). Кромѣ старшинъ, депутаты нашли здѣсь переодѣтаго гонца Яна Казимира, родственника Выговскаго, пріѣхавшаго съ цѣлью склонить Хмельницкаго къ примиренію чрезъ посредство писаря, пріобрѣтавшаго со дня на день болѣе власти надъ Хмельницкимъ. Янъ Казимиръ готовилъ явное посольство къ Хмельницкому и послалъ этого гонца для предварительнаго расположенія казацкаго начальства въ пользу поляковъ; здѣсь былъ гонецъ отъ крымскаго хана и какой то грекъ Іоаннъ, который, по замѣчанію современника, былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ дѣлѣ

соединенія Хмельницкаго съ царемъ. Гетманъ, при входѣ депутатовъ, приподнялся, привѣтствовалъ ихъ вѣжливо и просилъ сѣсть.

— Мы пришли въ этотъ край по необходимости,—сказалъ Хмельницкій послѣ первыхъ привѣтствій: — мы всегда удалялись пролитія невинной крови христіанской, никогда не подавали сами ни малѣйшей причины къ этому, но коронное войско Рѣчи Посполитой безпрестанно вносило мечъ и огонь въ Украину и принуждало насъ защищать жизнь. Прошлою зимою, въ противность миру, гетманы соединились съ татарами, напали на Украину, варварски истребляли жителей; татары грабили и разоряли насъ своими загонами и такимъ образомъ войско запорожское вызвано было къ войнѣ, хотя, быть можетъ, его величество король этого и не хотѣлъ. Богъ послалъ намъ побѣду и недавно мы разсѣяли враговъ нашихъ подъ Гродекомъ, что они могутъ сами засвидѣтельствовать.—

Хмельницкій позвалъ двухъ плѣнныхъ: сына воеводы подольскаго Потоцкаго и Быковскаго, и вѣжливо просилъ ихъ сѣсть рядомъ съ собою. Вошли также двое начальныхъ людей московскаго войска: стольникъ Ромодановскій и иностранецъ Гротусъ. Хмельницкій продолжалъ разсказывать о битвѣ и побѣдѣ казаковъ.

Москвовскіе люди, вмѣшавшись въ разговоръ, смѣялись надъ трусостью польскаго войска и отпускали надъ поляками вообще оскорбленія.

— Напрасно такъ думаете, замѣтилъ Потоцкій:—напрасно приписываете себѣ побѣду надъ коороннымъ войскомъ; насъ побѣдили не вы, но мужественные казаки.

Еслибъ пѣхота казацкая не поспѣшила выручить васъ, то московское войско потерпѣло бы большое пораженіе.—

Хмельницкій и полковники дали замѣтить, что имъ нравилось такое мнѣніе побѣжденныхъ „De aliis rebus cras plura loquemur“ (о другихъ дѣлахъ поговоримъ завтра по болѣе), сказалъ Выговскій Кушевичу. Московскіе начальники сидѣли недолго и ушли. Депутаты замѣтили, что, несмотря на свѣжій союзъ украинцевъ съ москвитянами, уже между ними посѣялась какая то недовѣрчивость. Еще яснѣе увидѣли они это, когда наступилъ обѣдъ: духовникъ Хмельницкаго читалъ молитву и не упоминалъ имени царя.

Но тѣмъ не менѣе Хмельницкій, казалось, дѣйствовалъ сколько для пользы Южной Руси, столько же и для славы царя покровителя. Депутаты, пробывъ у Хмельницкаго день, возвратились въ городъ съ письмомъ Хмельницкаго, въ которомъ гетманъ предоставлялъ магистрату еще обдумать свое положеніе и прислать депутатовъ на другой день. Это сдѣлано было, какъ кажется, для того, чтобы увѣрить мѣщанъ, что они могутъ вполнѣ довѣрять ему и присланные къ нему люди вполнѣ безопасны. На другой день, 7-го октября, депутаты пришли снова въ лагерь.

Выговскій встрѣтилъ ихъ. Хмельницкаго не было.

— Не желаете ли, сказалъ писарь: — повидаться съ Васильемъ Васильевичемъ, главнокомандующимъ московскаго войска?

— Мы не имѣемъ къ нему писемъ, отвѣчали депутаты:—и, не смѣя преступить предѣлы нашей обязанности, не можетъ входить въ такіе переговоры.—

— Я совѣтую вамъ, сказалъ Выговскій:—оказать имъ

по крайней мѣрѣ честь, какъ гостямъ, и соблюсти ихъ обычай: пусть трое изъ васъ поднесутъ имъ бѣлаго хлѣба и вина,—таковъ у нихъ обычай.

Трое изъ депутатовъ исполнили это, взяли хлѣбъ и пошли, но прибавили, что не будутъ входить съ ними въ трактаты.

Между тѣмъ къ Выговскому и къ оставшимся съ нимъ двумъ депутатамъ вошелъ Хмельницкій и заговорилъ о состояніи Польши.

„Еще никогда, сказалъ онъ: — не доходила Польша до подобнаго бѣдствія; его величество, король Янъ Казимиръ оставилъ свое королевство; шведы взяли Краковъ; нѣтъ болѣе никакого войска и я сдѣлался теперь господиномъ земли русской. Нѣтъ болѣе надежды полякамъ". Это было приготовленіе.

Возвратились депутаты отъ Бутурлина.

— Что, какъ принялъ васъ Василій Васильичъ?— спросилъ ихъ Хмельницкій.

— Очень дурно, очень неласково,—сказали депутаты:— онъ отъ насъ не принялъ ни хлѣба, ни вина, и требуетъ, чтобъ мы отдали городъ и замокъ и присягнули московскому царю,—и губернаторъ тоже: намъ это удивительно. Мы не могли дать ему никакого рѣшенія, обѣщались поговорить объ этомъ съ панами.

— Такъ и быть должно—сказалъ отрывисто Хмельницкій:—иначе не будетъ ничего.

— Василій Васильичъ требуетъ отъ васъ справедливаго,—сказалъ Выговскій, ударяя съ жаромъ кулакомъ по столу:—всѣ обстоятельства должны вамъ показать, что Польша потоптала права божескія и человѣческія. Польшу Богъ оставилъ. Куда сягнула казацкая сабля—

тамъ и казацкое владѣніе. Городъ Львовъ, находясь подъ властью поляковъ, будетъ терпѣть всегдашнія утѣсненія и католики не перестанутъ преслѣдовать нашу православную грекорусскую вѣру. Мы не попустимъ, чтобъ наша вѣра гдѣ нибудь была утѣсняема. —

Въ самомъ дѣлѣ, въ недавнее время львовяне могли убѣдиться, что полякамъ нельзя было ни въ чемъ довѣрять. Принужденный зборовскимъ договоромъ, Янъ Казимиръ даровалъ, 12 февраля 1650 года, дипломъ, которымъ предоставлялъ полную свободу русскому народу во Львовѣ, возвратилъ каѳедры, церкви и церковныя имѣнія превославнымъ духовнымъ и даровалъ право свободнаго книгопечатанія львовскому русскому братству; но послѣ разбитія Хмельницкаго подъ Берестечкомъ, всѣ эти права были нарушены безъ всякаго повода со стороны города, братство ограблено, его типографіи и имѣнія отданы въ подарокъ одному придворному льстецу Студзинскому, и, въ добавокъ, русскіе горожане были въ судахъ и въ своихъ торговыхъ оборотахъ всячески преслѣдуемы не только католиками, но даже іудеами.

— Позволено ли говорить намъ, —сказалъ тогда Кушевичъ, одинъ изъ депутатовъ.

— Говорите! сказалъ Хмельницкій: —говорите рѣшительно и смѣло, теперь не шуточное дѣло.

— Милостивый панъ гетманъ, сказалъ Кушевичъ: — жизнь наша въ рукахъ вашихъ, и если мы воротимся въ городъ, то должны приписать это милости вашей; но присягать на имя царя московскаго не станемъ: —мы уже разъ присягнули Яну Казимиру и сохранимъ свою вѣрность въ какое бы положеніе судьба ни поставила

нашего государя. Смѣемъ надѣятся, что, при стараніи вашемъ, милостивый панъ, и войска запорожскаго, вся Украина снова возвратится подъ власть собственнаго государя. Если жъ мы теперь измѣнимъ нашему законному монарху и отдадимся чужому, то вы сами, милостивый панъ, и все войско запорожское, почтете насъ до крайности легкомысленными. Что подумаетъ самъ царь московскій о вѣрности и добродѣтели нашей? Просимъ покорно васъ, милостивый панъ, непринуждайте насъ къ тому, чего не можемъ мы сдѣлать безъ нарушенія совѣсти.—

Выговскій снова началъ-было убѣждать ихъ, но Кушевичъ прервалъ его и сказалъ:

—Напрасно тратите время: мы ничего не скажемъ, кромѣ того, что до-тѣхъ-поръ, пока живъ нашъ милостивый монархъ, Янъ Казимиръ, мы не будемъ присягать другому государю, да еслибъ мы изъ боязни поступили такъ, какъ вы хотите—губернаторъ и весь городъ не примутъ этого. —

Старшинамъ казацкимъ, цѣнившимъ всегда твердость, понравилась такая рѣшимость депутатовъ.

— Sitis constantes et generosi (вы постоянны и благородны), сказалъ потихоньку Павелъ Тетеря.

Послѣ того заговорили о современныхъ дѣлахъ. По этому поводу казаки сказали: „Войско запорожское никогда не отдавалось въ рабство московскому царю, оно за свободу свою билось и за свободу войну противъ ляховъ начало“.

Съ тѣхъ поръ цѣлый октябрь шла переписка между членами магистрата и казаками. Нѣсколько разъ приходили къ гетману депутаты и просили не приневоливать

ихъ къ присягѣ. Выговскій, который, при свиданіи, такъ сильно настаивалъ сдаться Алексѣю Михаиловичу, писалъ тайно къ Кушевичу, чтобъ горожане не сдавались московскому царю. Среди переговоровъ, происходила пальба, но преимущественно отъ московскихъ людей. Казаки мало имъ помогали и расходились самовольно по окрестностямъ: они вообще не любили осадъ. Выговскій употреблялъ всякія хитрости, чтобъ не было принято рѣшительныхъ мѣръ. Тогда на Хмельницкаго подѣйствовалъ львовскій православный владыка Арсеній. Онъ, явившись къ гетману, умолялъ его именемъ Христа не губить русскаго православнаго народа, и Хмельницкій ограничился, наконецъ, тѣмъ, что потребовалъ съ города окупа 400000 злотыхъ, да кромѣ того извѣстное количество суконъ, матерій и сапоговъ. Подъ Львовъ пріѣхалъ посланецъ отъ Карла Густава, какой-то Гамоцкій, родомъ львовскій армянинъ, но съ юныхъ лѣтъ служившій въ Швеціи. Онъ привезъ отъ своего государя лестныя предложенія. Карлъ Густавъ предоставлялъ себѣ все, что завоевалъ у поляковъ, а Хмельницкому отдавалъ всю русскую землю, но просилъ казаковъ въ настоящее время удалиться изъ Червоной Руси и дожидаться мира.

Хмельницкій могъ надѣяться, что въ предполагаемомъ всеобщемъ мирѣ, русской землѣ даруется независимость отъ Польши, такъ точно, какъ онъ уже видѣлъ недавно примѣръ подобнаго признанія голландцевъ свободными отъ испанскаго владычества. Гетманъ считалъ долгомъ не раздражать своего союзника, шведскаго короля. „Не надѣйтесь болѣе на своего короля Яна Казимира—писалъ онъ горожанамъ—объ немъ говорить не-

чего; уже шведскій король овладѣлъ Краковомъ, а мы съ нимъ вошли въ братство и положили такой договоръ, что шведскій король и московскій царь съ казаками въ союзѣ всѣ разомъ наступятъ на Польшу. Мы уже и подѣлились. Король шведскій пусть удержитъ то, что ему Богъ далъ, а намъ помогъ Богъ овладѣть нашею русскою землею, такъ мы за нее стоимъ и хотимъ, чтобъ и волки были сыты и овцы цѣлы; по христіанству такъ желаю". Между-тѣмъ, разнесся слухъ, что ханъ выступилъ на помощь Польшѣ противъ Хмельницкаго. Это заставило гетмана поскорѣе кончить дѣло со Львовомъ, чтобъ татары тѣмъ временемъ не овладѣли Украиною. Хмельницкій быстро согласился на шестьдесятъ тысячъ злотыхъ, и получилъ ихъ даже не деньгами, а преимущественно товарами [48]).

Депутаты застали Хмельницкаго въ меланхоліи, какъ они выразились. „Я узналъ — сказалъ онъ, —что татары напали на Украину и надѣлали много вреда людямъ и имуществамъ. Хочу непремѣнно завоевать Крымъ. Зимою пойду на него съ моимъ казацкимъ и московскимъ войскомъ". Въ то время, 29 октября, прибылъ посланникъ отъ Яна Казимира, Станиславъ Любовицкій; съ нимъ былъ Самуилъ Грондскій, одинъ изъ историковъ нашей эпохи, котораго Любовицкій, встрѣтивъ на дорогѣ, пригласилъ съ собою. Король понялъ, что причиною всѣхъ бѣдствій Польши—Хмельницкій, и старался преклонить его обѣщаніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ не оставилъ и прежней польской политики противъ каза-

[48]) Рук. И. П. Б. разнояз. ист. f. № 5—Supl. ad Hist. Russ. Monum. 193—210.—Kron. miasta Lwowa 338—376.

ковъ. Любовицкій съ письмомъ исполненнымъ самыхъ лестныхъ и даже униженныхъ комплиментовъ, везъ съ собою другое письмо къ татарскому хану, въ которомъ Янъ Казимиръ возбуждалъ крымскаго повелителя противъ Хмельницкаго. Этотъ Любовицкій былъ однимъ изъ кліентовъ Оссолинскаго и, вмѣстѣ съ канцлеромъ, посѣщалъ Украину при Владиславѣ IV, и потому былъ знакомъ съ Хмельницкимъ.

Хмельницкій, прочитавъ письмо короля и выслушавъ убѣжденія Любовицкаго, отвѣчалъ:

— Любезный кумъ! вспомни, что намъ было обѣщано подъ Замостьемъ, подъ Зборовомъ, подъ Бѣлою-Церковью и въ другихъ мѣстахъ, и что мы получили? Всѣ обѣщанія давались намъ подъ руководствомъ науки *вызуитовъ*, которые говорятъ: не должно держать слова, даннаго схизматикамъ. И гдѣ тѣ обѣщанія, которыя король давалъ намъ послѣ своего избранія? Едва только онъ короновался на царство, тотчасъ же послалъ противъ насъ войско; то же дѣлалось послѣ другихъ договоровъ. Поляки нарушали права гостепріимства, называли насъ холопами, били нагайками, отнимали имѣнья, выгоняли изъ домовъ. Когда казаки, не терпя всего этого, убѣгали и покидали женъ съ дѣтьми, потому что въ зимнюю погоду не могли съ собою брать ихъ, польскіе жолнеры насиловали женъ нашихъ, а уходя изъ нашего края, сожигали бѣдныя хижины наши часто съ дѣтьми. А когда казаки противоставали панамъ, то поляки мало того, что топили ихъ тайно въ мѣшкѣ, такъ, чтобъ нельзя было найти ни слѣдовъ убитыхъ, ни отъискать виновника: этимъ не удовольствовались... еще сажали ихъ на высокія колья, чтобъ выказать всеоб-

щую ненависть къ русскимъ и презрѣніе къ ихъ безсисію. Но что всего оскорбительнѣе, они не щадили священниковъ нашихъ, а еще преимущественнѣе мучили ихъ и такимъ-образомъ вооружили противъ себя людей, которые всего болѣе склонны къ спокойствію. Столько перетерпѣвъ, бывъ столько разъ обмануты, мы принуждены искать, для облегченія нашей участи, средствъ, которыхъ нельзя уже никакимъ образомъ оставить. Поздно испрашиваетъ король нашей помощи, поздно и напрасно думаетъ онъ о примиреніи казаковъ съ поляками.

— Мы не можемъ отрицать, сказалъ Любовицкій: — что король нѣсколько разъ обѣщалъ казакамъ свои милости и не исполнялъ ихъ; но ты самъ, панъ гетманъ, провидя причину этого, когда-то, во время зборовскаго трактата, сказалъ: „самъ король человѣкъ добрый, но королевскія собаки будутъ на него лаять до тѣхъ поръ, пока не встревожатъ его". Едва король сталъ на сеймѣ стараться за васъ передъ чинами государства, какъ самые презрѣнные послы дворяне, изъ которыхъ иной не зналъ, гдѣ мать родила его, а другой не стоилъ самъ по себѣ двухъ грошей, подняли такой крикъ, что бѣдный король онѣмѣлъ и долженъ былъ нарушить свои обѣщанія. Но теперь наияснѣйшій король объявилъ, что будетъ признавать благородными не тѣхъ, которые ведутъ длинный рядъ генеалогіи отъ дѣдовъ, а тѣхъ, кто окажетъ теперь услугу отечеству. Поэтому, оставьте забвенію все прошедшее и помогите помазаннику Божію: вы будете уже не казаками, а друзьями короля; вамъ будутъ даны достоинства, коронныя имѣнія; уже онъ не дастъ себя обманывать, не позволитъ нарушать

своего покоя этимъ собакамъ, что теперь разбѣжались и покинули господина, котораго должны были защищать.

Такъ говорилъ королевскій посолъ, отправленный къ татарамъ для подущенія ихъ противъ тѣхъ, которымъ обѣщалъ такія золотыя горы.

По окончаніи рѣчи, Выговскій вышелъ, а Хмельницкій сѣлъ подалѣе и началъ говорить съ старшиною. Тогда Грондскій подходитъ къ своему товарищу и говоритъ:

— Надобно прежде всего помнить, что не отъ короля зависитъ королевство, а отъ королевства король; будетъ королевство—съищется король, а погибнетъ королевство—и королю не будетъ мѣста. Выхваляй короля, да не срами же и королевства. Притомъ о братьяхъ въ отсутствіи надобно говорить такъ, какъ бы они были здѣсь.

Любовицкій вспыхнулъ, въ досадѣ подбѣжалъ къ Хмельницкому и сказалъ:

— Панъ гетманъ! насъ здѣсь двое. Этотъ человѣкъ посланъ не королемъ, а я самъ пригласилъ его: онъ теперь укоряетъ меня за то, что я говорю о дворянствѣ. Прикажите арестовать его.

Грондскаго увели, но чрезъ нѣсколько минутъ Любовицкій вспомнилъ, что Грондскій знаетъ о письмахъ къ татарамъ, и когда вошелъ Выговскій, онъ объяснилъ, что неосторожно раздражилъ своего товарища и просилъ выпустить его.

Выговскому нетрудно было найти предлогъ. Онъ отвелъ въ сторону гетмана и сказалъ ему:

— Уже по всему лагерю, и между казаками и между москалями, распространяются толки, что гетманъ приказалъ арестовать королевскаго посла. Народное право

не позволяетъ дѣлать насилія и ему, какъ равно и Любовицкому.

Гетманъ, въ свою очередь, разсудилъ, что это сдѣлано опрометчиво и притомъ московскіе люди тотчасъ узнаютъ, что онъ принимаетъ пословъ отъ короля польскаго, на что не согласился царь въ договорѣ. Онъ приказалъ немедленно позвать Грондскаго.

— Садитесь, и слушайте господа,—сказалъ онъ: — вы принесли намъ прекрасныя предложенія отъ короля; но возможно ли ихъ принять или невозможно? Выслушайте эту побасенку. Въ древнія времена, говорятъ, жилъ у насъ поселянинъ очень зажиточный; всѣ сосѣди завидывали ему. У этого поселянина былъ домашній ужъ, который никого не кусалъ: хозяева ставили всегда ему молоко въ нору и онъ часто ползалъ между семьею. Случилось однажды: дали мальчику молока; приползъ и ужъ и сталъ хлебать молоко изъ чашки; за это мальчикъ ударилъ его ложкой по головѣ, и ужъ укусилъ мальчика. На жалобный крикъ дитяти прибѣжалъ отецъ, и узнавъ, что ужъ укусилъ сына, бросился убивать животное; ужъ успѣлъ вложить голову въ нору, а хвоста не успѣлъ; хозяинъ отрубилъ ему хвостъ. Мальчикъ умеръ отъ укушенія, а ужъ остался уродомъ и съ тѣхъ поръ боялся выходить изъ норы. Вскорѣ послѣ того, богатства этого человѣка начали значительно уменьшаться, наконецъ, онъ пришелъ въ крайнюю бѣдность и, желая узнать причину, побѣжалъ къ знахарямъ и говоритъ имъ: „Скажите, прошу я васъ: что это значитъ, что въ прошлые годы я меньше прилагалъ старанія о хозяйствѣ, а всего у меня было много: ни у кого не было такъ многои такихъ прекрасныхъ воловъ, какъ

у меня, ни у кого коровы не давали столько молока, ни у кого овцы не давали такой блестящей шерсти, нигдѣ кобылы не рожали такихъ складныхъ жеребятъ, нигдѣ поля не приносили такой обильной жатвы, ни чьи сады не оглашались такимъ множествомъ пчелъ; стада мои не страдали отъ болѣзней; я самъ не зналъ никакихъ непріятностей; домъ мой посѣщали гости; ни у кого изъ сосѣдей не было такого многочисленнаго семейства; нищій не отходилъ отъ моего дома съ пустыми руками; ни въ чемъ не было недостатка; всякаго добра было у меня обильно. Но вотъ, за нѣсколько лѣтъ, разсѣялось все, что я собралъ впродолженіе жизни, и между сосѣдями нѣтъ бѣднѣе меня; и хотя я изнемогаю отъ трудовъ для поддержанія жизни, однако ничто мнѣ нейдетъ въ пользу, но съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Скажите, если знаете, причину моего горя и нельзя ли пособить ему"? Ему отвѣчали: „Пока ты въ прошлые годы хорошо обходился съ своимъ домашнимъ ужомъ, онъ принималъ на себя всѣ грозившія тебѣ несчастія, а тебя оставлялъ свободнымъ отъ нихъ; теперь же, какъ между вами стала вражда — всѣ бѣдствія обрушились на тебя. Если ты хочешь прежняго благополучія, примирись съ ужомъ". Жена понесла ужу молоко, но ужъ наѣлся молока и снова спрятался въ нору. Нѣсколько времени наблюдалъ за этимъ хозяинъ и началъ приглашать его заключить прежнюю дружбу. Тогда ужъ ему отвѣчалъ: „Напрасно хлопочешь чтобъ была между нами такая дружба, какъ прежде, потому-что какъ только я посмотрю на свой хвостъ, потерянный за твоего сына, тотчасъ и возвращается ко мнѣ досада; съ другой стороны, и ты, какъ только

вспомнишь, что лишился сына, тотчасъ закипитъ въ тебѣ отцовское негодованіе, такъ что ты готовъ размозжить мнѣ голову. Поэтому достаточно будетъ дружбы между нами, если ты будешь жить въ своемъ домѣ какъ тебѣ угодно, а я въ своей норѣ, и будемъ помогать другъ другу". Тоже самое, господинъ посолъ, случилось между поляками и русскими. Было время, когда въ этомъ огромномъ зданіи Рѣчи Посполитой мы вмѣстѣ наслаждались счастьемъ, радовались общимъ успѣхамъ нашимъ: казаки отклоняли отъ королевства грозящія опасности и сами принимали на себя удары варваровъ. Жители Польши, сохраняя казаковъ, въ свободѣ не досадовали на то, если и они хлебали изъ того молока, которое находили въ углахъ, куда не достигали называющіе себя единственно сынами древняго отечества. Тогда Королевство Польское процвѣтало и сіяло счастіемъ въ глазахъ всѣхъ народовъ; всѣ народы ему завидовали; никто не бралъ добычи съ Польскаго Королевства, но куда только польскія войска шли совокупно съ казацкими силами, вездѣ торжествовали, вездѣ воспѣвали побѣдныя пѣсни. Но, впослѣдствіи, называющіе себя дѣтьми королевства начали нарушать свободу русскихъ и начали бить ихъ по головѣ, а русскіе, когда сдѣлалось имъ больно, начали кусаться; тогда случилось, что и русскихъ большая часть отсѣчена, и сыновъ королевства не мало пропало. Съ тѣхъ поръ, какъ только прійдутъ этимъ народамъ на память бѣдствія, нанесенныя другъ другу, тотчасъ возникаетъ досада, и хотя начнутъ мириться, но отъ малѣйшей причины не доводится дѣло до конца. Мудрѣйшій изъ смертныхъ не можетъ сдѣлать того, чтобъ между нами установился твердый и продол-

жительный миръ, какъ только такъ: пусть Королевство Польское откажется отъ всего, что принадлежало къ княжествамъ земли русской, пусть уступитъ казакамъ въ управленіе цѣлую Русь до Владиміра, и Львовъ, и Ярославль, и Перемышль, съ уговоромъ, чтобъ мы, сидя себѣ въ Руси своей, какъ въ норахъ, отклоняли враговъ отъ Королевства Польскаго; но я знаю: еслибъ въ цѣломъ королевствѣ осталось только сто пановъ, и тогда бъ они не согласились на это. А казаки, пока будутъ имѣть оружіе, также не отстанутъ отъ этихъ условій. Поэтому прощайте, кумъ".

Помолчавъ, Любовицкій вынулъ изъ кармана пакетъ и сказалъ:

— Панъ гетманъ! Ея величество, королева, надѣясь, что я застану вашу вельможность въ вашей резиденціи, написала письмо къ госпожѣ супругѣ вашей вельможности. Не знаю, здѣсь ли въ лагерѣ ея вельможность, и полагаю, что никому вѣрнѣе не могу отдать письма наияснѣйшей королевы, какъ вашей вельможности.

Онъ подалъ письмо и вмѣстѣ съ нимъ драгоцѣнный камень, который королева Марія посылала въ даръ казачкѣ. Хмельницкій прочиталъ, прослезился и, поднявъ къ небу глаза, сказалъ:

— Боже всемогущій! что значу я предъ лицомъ твоимъ?—червь презрѣнный, и вотъ какое значеніе даровала мнѣ милость Твоя, что къ моей Аннѣ наияснѣйшая королева польская пишетъ письма и удостоиваетъ ее просить о заступленіи предо мною! Твое это дѣло; не мнѣ принадлежитъ оно, но силѣ Твоей и божественной благодати, за которую да будетъ имя Твое благословенно во вѣки!

Онъ обратился къ Любовицкому и сказалъ:

— Я не могу исполнить того, чего проситъ ея величество чрезъ письмо и чрезъ васъ: нельзя нарушить тѣснаго союза, который мы заключили съ москалями и шведами. Изъ тѣхъ провинцій, которыя слѣдуютъ по договору казакамъ, я могу уступить ихъ величествамъ воеводства: люблинское, бельзское, волынское и русское, а ярославское удержу за собою. Хотѣлъ здѣсь остаться на зиму, но, изъ уваженія къ наияснѣйшему королю, выхожу изъ этой земли. Если угодно его величеству, пусть возвратится изъ Силезіи и начнетъ переговоры съ шведами и москвитянами; дальнѣйшее предоставимъ времени. Казаки останутся вѣрными союзниками Рѣчи Посполитой, если Рѣчь Посполитая чрезъ коммиссаровъ своихъ торжественно признаетъ русскій народъ свободнымъ, какъ, десять лѣтъ назадъ, призналъ испанскій король голландцевъ. А теперь прошу обѣдать [49]).

Надежда, что Рѣчь Посполитая принуждена будетъ признать самостоятельность Украины, побудила еще болѣе Хмельницкаго оставить Львовъ и показать склонность къ примиренію съ поляками. Онъ пожелалъ видѣться съ комендантомъ Гродзицкимъ, который нѣкогда въ Кодакѣ былъ взятъ въ плѣнъ казацкимъ гетманомъ и отпущенъ. Гродзицкій явился къ своему побѣдителю безъ заложниковъ, довѣряя слову гетмана, и разговаривалъ о дѣлахъ.

---

[49]) Histor. belli cosac. polon. 239—249.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 203—204.

Слушая увѣренія коменданта въ преданности Яну Казимиру, Хмельницкій сказалъ:

— Я самъ вѣрный союзникъ Яна Казимира, и первымъ доказательствомъ моего расположенія будетъ отступленіе отъ города. Постановляйте, какія хотите, условія съ москвитянамя, я ихъ оставляю и иду себѣ въ свое русское владѣніе [50]). „Я удостовѣрился собственными глазами,—писалъ послѣ того Гродзицкій—что между казаками и москвитянами нѣтъ согласія и ладу; самъ Хмельницкій мнѣ сказалъ, что не хочетъ знать Москвы: она очень груба" [51]).

8-го ноября, казацкое войско пошло въ путь. Хмельницкій проѣхалъ подъ самыми стѣнами города въ виду многочисленнхъ жителей. Надъ нимъ несли гербъ его, абданкъ, бѣлый бунчукъ и два знамени: одно красное, другое бѣлое съ изображеніемъ Михаила архангела, поражающаго дракона. Тридцать знаменъ съ гербами полковъ и частей освобожденной Руси возвышались за нимъ посреди войска. Гродзицкій и офицеры его вѣжливо прощались съ гетманомъ; онъ привѣтливо кланялся [52]). Вслѣдъ затѣмъ, чрезъ два дня, двинулось въ путь и войско московское подъ командою Бутурлина.

Любовицкій, получивъ отвѣтъ отъ Хмельницкаго, услышалъ, что татары недалеко и поспѣшилъ къ нимъ, но былъ схваченъ казаками. Неизвѣстно, успѣлъ ли онъ отдать письмо татарамъ и задержанъ ли былъ онъ на возвратномъ пути, или же казаки не допустили его до

---

[50]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 201.

[51]) Рук. Арх. иностр. дѣлъ (польская)

[52]) Kron. miasta Lw. 345. 376.

хана;во всякомъ случаѣ, кажется, этимъ онъ былъ обязанъ своему товарищу Грондскому, потому что казаки, задержавъ Любовицкаго, отпустили, однако, Грондскаго. Грондскій прибѣжалъ къ гетманамъ Потоцкому и Ляндскоронскому, которые собирали разсѣянное войско подъ Сендомиромъ, и наговорилъ, что самъ былъ свидѣтелемъ, какъ посланецъ Яна Казимира отъ имени короля просилъ казаковъ помогать королю уничтожить вольность Рѣчи Посполитой, чтобъ самому сдѣлаться неограниченнымъ государемъ. Гетманы и множество пановъ, слушая это, перешли къ шведамъ [53]). Любовицкаго казаки повезли съ собою.

Русскія войска пошли раздѣльно, по всему видно, по причинѣ неудовольствія между Бутурлинымъ и гетманомъ. Татары, находившіеся недалеко, воспользовались этимъ; ханъ послалъ сильный отрядъ орды, занять пространство раздѣлявшее союзныя войска, и перерѣзалъ сообщеніе между казаками и москвитянами, а другіе татарскіе отряды напали на тѣхъ и другихъ. Самъ ханъ атаковалъ Хмельницкаго; казаки счастливо отбили нападеніе, но москвитяне потеряли много убитыхъ; въ числѣ плѣнныхъ былъ сынъ Бутурлина. Ханъ однако, не рѣшился отваживаться на дальнѣйшую упорную борьбу, потому что не надѣялся на скорую помощь отъ Яна Казимира; онъ притомъ думалъ что болѣе окажетъ услуги союзнику, если преклонитъ къ нему казаковъ. Извѣстивъ Хмельницкаго о плѣненіи сына Бутурлина, онъ предлагалъ выпустить его, если Хмельницкій от-

---

[53]) Histor. belli cosac. polon. 255.

пуститъ Любовицкаго. Хмельницкій согласился. Бутурлинъ былъ отпущенъ къ отцу, а Любовицкій поѣхалъ къ Яну Казимиру [54]).

Тогда Махметъ-Гирей изъявилъ Хмельницкому желаніе повидаться съ нимъ. Взявъ двухъ мурзъ заложниками, гетманъ отправился къ хану въ ставку его близъ Заложитъ [55]). Въ шатрѣ Махметъ-Гирей сидѣлъ на коврѣ, разостланномъ на землѣ; кругомъ него были придворные. Хмельницкій привѣтствовалъ повелителя Крыма и поднесъ ему въ подарокъ серебряный позолоченый конскій уборъ, осыпанный драгоцѣнными камнями; но ханъ бросилъ подарокъ на землю съ видомъ пренебреженія и закричалъ:

— Зачѣмъ соединился съ москалями? Ты не искалъ ихъ помощи тогда, когда, при нашемъ содѣйствіи, неблагодарный, сложилъ съ себя ярмо рабства и ниспровергъ польскія силы, столь страшныя при Сигизмундѣ III и Владиславѣ всѣмъ окрестнымъ государствамъ, особенно москалямъ, которые принуждены были избрать царемъ своимъ Владислава?—

Гетманъ съ твердостью выслушалъ этотъ крикъ, потомъ изложилъ хану исторію войны и представлялъ, что напрасно татары приписываютъ себѣ блестящіе успѣхи казаковъ и освобожденіе Южной Руси.

— Правда, говорилъ онъ:—выпросилъ я у покойнаго хана охотныхъ татаръ; но подъ Жовтыми-Водами и Корсуномъ была только небольшая орда Тугай-Бея: не татары, а казаки разбили польское войско и плѣнили

[54]) Ibid. 252.

[55]) Рукоп. польск. Арх. И. Д.

двухъ гетмановъ; подъ Пилявою было только четыре тысячи съ Карачъ-Мурзою, а я разсѣялъ многочисленное войско и взялъ безчисленную добычу. Все это, конечно, сдѣлали не татары! Подъ Збаражемъ хоть и пришелъ ханъ, но съ намѣреніемъ причинить бѣду христіянамъ, потому-что Украина тогда же потерпѣла разореніе отъ орды. А если вы и помогли намъ, то сколько выгодъ получили? Не говорю о добычѣ польской, о плѣнникахъ, за которыхъ вы получили выкупъ; вспомните, что теперь вамъ свободно можно плавать по морю и по Днѣпру, а прежде никто не смѣлъ пуститься на воду, страшась казаковъ. Вы прежде хаживали въ кожаныхъ тулупахъ, а теперь ходите въ золототканныхъ одеждахъ,—все это по милости казаковъ. А чѣмъ вы заплатили намъ? Времени не достанетъ исчислять всѣ ваши оскорбленія и коварства; но я припомню тебѣ ихъ, чтобъ ты не считалъ меня трусомъ предъ тобою. Вспомни, какъ я подъ Берестечкомъ ополчился противъ трехсотъ тысячъ королевскаго войска; два дня сражались казаки и побѣждали, бѣжали враги, умирали на полѣ знатные полководцы, но на третій день, ханъ, начальствовавшій правымъ крыломъ войска, въ то время, когда наши начали одолѣвать непріятеля, вдругъ, безъ всякой причины, постыдно убѣжалъ съ сраженія; когда я хотѣлъ остановить его и, оставя войско свое, молилъ возвратиться и не быть подобнымъ боязливой женщинѣ, онъ задержалъ меня и я погубилъ свое войско и въ одинъ день уничтожилъ прежнія мои побѣды. Такова-то ваша татарская пріязнь! Чрезъ обманъ хана мы должны были допустить ляховъ въ Украину на погибелъ нашу. Вспомни, что сдѣлалось подъ

Жванцемъ: еслибъ казаки были одни, то, конечно, принудили бы изнемогающихъ отъ осады поляковъ признать русское наше отечество свободнымъ, и тогда же былъ бы конецъ войнѣ, и цѣлы бы остались города, села, люди; но вы, догадавшись, что если мы помиримся, то уже вамъ нельзя будетъ свободно ходить въ Польшу и плѣнять христіянъ, какъ скотовъ безсловесныхъ, помѣшали нашему союзу ради своей бусурманской пользы, послали тайно къ ляхамъ, извѣщая ихъ, что вы и прежде всегда хотѣли находиться съ ними въ согласіи, но только боялись раздражить казаковъ, и предлагали отдать насъ на поруганіе и погибель. И ляхи, обезумленные злобою, будучи въ состояніи безъ вашей бусурманской пріязни присягнуть казакамъ въ сохраненіи мира и такимъ образомъ избавить себя и королевство отъ упадка, что было въ нашей, а не въ татарской волѣ, ляхи, не понимая тайво устроенной вами для нихъ западни, обрадовались нашему миру, дали вамъ сто тысячъ злотыхъ червонцевъ и позволили разорять города и села и брать людей въ неволю! Вы всегда мѣшали намъ примириться, какъ бы слѣдовало христіянамъ съ христіянами, для того, чтобъ самимъ терзать Польшу и Украину.—

— Предъ покойнымъ предшественникомъ нашимъ, сказалъ ханъ:—не смѣлъ бы ты, Хмельницкій такъ разглагольствовать, а теперь кротость наша возбуждаетъ тебя къ дерзости.

— Къ чему многословіе?—отвѣчалъ Хмельницкій:—дѣло и безъ словъ видно. Предшественникъ твой, умершій ханъ, такъ почиталъ меня, еще незначительнаго человѣка, что, по словесному прошенію моему, далъ

мнѣ четыре тысячи человѣкъ; а ты не стыдишься съ гнѣвомъ говорить мнѣ—во всемъ тебѣ равному вождю народа.

— Я имѣю право, отвѣчалъ ханъ:—гнѣваться на тебя, потому что ты на насъ всегда клевещешь, будто мы воюемъ не съ войскомъ, а съ женами и дѣтьми во время жатвы; будто мы умышленно погубляемъ Русь вашу: этого умысла не было у насъ; но по вашему прошенію мы рѣшились защищать васъ отъ насилія, какъ свободный народъ, хотя и враговъ нашихъ.

— Покойный ханъ, сказалъ Хмельницкій:—подущалъ меня идти съ ляхами на единовѣрныхъ москвитянъ, и мурза его грозилъ меня самаго погубить; но еще явственнѣе видна вражда ваша къ украино-русскому народу, когда, во время мира, вы сожигали наши жилища, убивали и брали въ плѣнъ жителей. Конечно, вы о томъ старается, чтобъ обезсилить народы русскіе, разорить и даже погубить ихъ, чтобъ такимъ образомъ возвысить татарское свое племя. Вотъ и теперь, взявъ съ поляковъ деньги, ты враждуешъ противъ насъ и противъ монарха русскаго.—

— Знаешь ли ты,—Хмельницкій, сказалъ Махметъ-Гирей:—какъ много татаръ въ московскомъ царствѣ? Всѣ они готовы помогать намъ; а ты обезумѣлъ, не подумалъ съ кѣмъ разбратался и къ кому присталъ? или у тебя войска больше, чѣмъ нѣкогда у всѣхъ князей русскихъ, поляковъ, угровъ, нѣмцевъ, когда ханъ Бату истребилъ ихъ и сколько вѣковъ владѣли татары Кіевомъ и всѣми русскими землями?—

— Тебя, напротивъ, омрачила гордыня,—сказалъ Хмельницкій:—до того, что думаешь устрашить меня, какъ

малоумнаго отрока. Я очень хорошо знаю, что царства: сибирское, казанское, астраханское, касимовское, рязанское и другія не могутъ тебѣ подать помощи, потому что они уже подъ властью московскаго самодержавія, а прочіе татары не пойдутъ далеко для прихотей вашихъ. Что хвалитесь Батыемъ? Вѣдь война, словно мечь обоюдуострый, обращается на обѣ стороны; Батый пріобрѣлъ, Мамай погубилъ; за пріобрѣтеніями всегда слѣдуютъ потери.—

— Хорошо—сказалъ ханъ:—довольно толковать, ступай, скоро узнаешъ, что значатъ татарскія силы.

Хмельницкій ушелъ и отступилъ въ Украину [56]).

Когда Хмельницкій стоялъ подъ Львовомъ, отрядъ соединеннаго русскаго войска подступилъ къ Люблину 15-го октября. Современникъ простираетъ его до десяти тысячъ. Другой отрядъ, по однимъ извѣстіямъ—до шести, а по другимъ—болѣе десяти тысячъ, двинулся до Вислы, чтобъ преградить бѣгство изъ Люблина полякамъ. Городъ былъ беззащитенъ и потому только что казаки, ударили на краковское предмѣстье и жидовскій городъ, какъ магистратъ выставилъ бѣлое знамя. Явились къ русскимъ послы: одинъ изъ этихъ пословъ былъ іезуитъ, и казаки не утерпѣли, чтобъ не ограбить его до ниточки. Царскій воевода потребовалъ отдачи всего имущества жидовъ, католическихъ духовныхъ и шляхты, всѣ орудія, выдачи всѣхъ жидовъ, окупъ съ города и присяги на вѣрность царю Алексѣю Михайловичу. Русскіе почитали Люблинъ старымъ своимъ городомъ и,

---

[56]) Истор, о през. бр.

слѣдовательно, наслѣдіемъ царей московскихъ. Городъ согласился безропотно. Члены магистрата, отъ имени всего Люблина, присягнули служить вѣрою и правдою царю, его супругѣ и его благороднымъ дѣтямъ, заплатили десять тысячъ злотыхъ чистыми деньгами, а на пятьнадцать тысячъ дали шелковыхъ тканей и металлическихъ издѣлій, выдали нѣсколько пушекъ и погнали жидовъ на убой казакамъ. Русскіе даровали имъ жизнь, однако ограбили и зажгли, такъ называемый жидовскій городъ, часть Люблина, исключительно населенную евреями. Пожаръ продолжался шесть дней; сами казаки разламывали близкіе домы, чтобъ не дать огню распространиться за предѣлы еврейскихъ жилищъ. Въ католическихъ монастыряхъ происходили кровавыя сцены: въ монастырѣ св. Бригиты, куда убѣжало множество католическихъ духовныхъ и свѣтскихъ католиковъ, произошла страшная рѣзня: монахинь убивали, или продавали, какъ животныхъ. Очевидецъ замѣчаетъ, что между москвитянами господствали умѣренность и порядокъ; но казаки старались одинъ другаго превзойти въ звѣрствѣ. „Казалось (говоритъ онъ), сами фуріи вселились въ нихъ". Неизвѣстно, что сталось съ имуществомъ дворянъ, но кажется, что воевода отказался отъ конфискаціи его, потому что, описывая подробно событія этихъ дней, современникъ не говоритъ, чтобъ ихъ лишили имущества; грабили только тѣхъ, которые попались въ руки своевольному казачеству. Воевода установилъ въ Люблинѣ новый магистратъ изъ выборныхъ членовъ, включивъ въ число ихъ двухъ русскихъ и двухъ диссидентовъ и взялъ частицу животворящаго креста, которою славился городъ. 27-го октября соеди-

ненное русское войско отошло отъ Люблина. Очевидецъ замѣчаетъ, что тогда происходили неудовольствія между царскимъ воеводою и предводителемъ казаковъ Даниломъ Выговскимъ.

Люблинцы не имѣли столько твердаго духа, какъ жители Львова. Не сдержавъ присяги Яну Казимиру, они не сдержали ее и Алексѣю Михайловичу. Сначала шведы овладѣли городомъ,—Люблинъ призналъ власть Карла Густава; чрезъ нѣсколько времени, потомъ, поляки выгнали шведовъ — и Люблинъ присягнулъ Яну Казимиру, прежнему своему государю [57]).

---

[58]) Relat. von der Verstörung der Stadt Lublin

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Посольство въ Москву.—Высокомѣріе шведовъ.—Польское посольство къ Хмельницкому.—Польское посольство къ московскому царю.—Виленскій договоръ.—Неудовольствіе Хмельницкаго.—Угрозы Австріи. — Договоръ съ Швеціею и Ракочи о раздѣлѣ Польши. Вторженіе Ракочи въ Польшу.—Беньйовскій у Хмельницкаго.—Болѣзнь Хмельницкаго.—Подозрѣніе въ отравѣ.—Избраніе Юрія Хмельницкаго преемникомъ Богдана.—Послѣднее московское посольство у Хмельницкаго.—Изгнаніе Ракочи изъ Польши.—Примиреніе съ Польшею.—Границы Украины.—Кончина Богдана Хмельницкаго.—Погребеніе его тѣла.

Возвратясь въ Чигиринъ, Хмельницкій собралъ раду и, съ согласія казаковъ, отправилъ къ Алексѣю Михайловичу посольство. Онъ благодарилъ царя за оказанное великорусскимъ войскомъ содѣйствіе къ защитѣ и освобожденію отъ поляковъ Южной Руси, изъявилъ желаніе, чтобъ Волынь и Червоная Русь, земли, принадлежащія къ древней русской системѣ княжествъ, были также возвращены отъ Польши, какъ и Украина, и просилъ напередъ, чтобъ великодушный царь, соблюдая Южную Русь подъ покровительствомъ высокодержавной десницы своей, былъ хранителемъ ея самостоятельности и благополучія народнаго.

Между тѣмъ, Польша начала, въ 1656 году, оправляться отъ ужасныхъ ударовъ, воздвигнутыхъ на нее русскими и шведами. Удаленіе Хмельницкаго, слухъ о расположеніи его къ королю ободряли поляковъ. Шведы раздражали побѣжденныхъ. Карлъ Густавъ, вмѣсто того, чтобъ оказывать уваженіе къ республиканскому порядку польской націи, показывалъ видъ побѣдителя, открыто говорилъ, что его сабля предпишетъ законы побѣжденнымъ; шведы начали дѣлать самовольства, оскорблять религію. Ихъ поступки произвели то, что паны мало по малу начали предаваться прежнему королю: гетманы Конецпольскій и Вишневецкій были уже снова слуги Яна Казимира; наконецъ, въ особенности, взволновалъ польскій народъ набѣгъ шведовъ на ченстоховскую обитель, предметъ всеобщаго религіознаго уваженія. Воззванія короля, Чарнецкаго и Любомирскаго возбудили народъ; поляки вдругъ какъ будто переродились; голосъ церкви гремѣлъ противъ враговъ протестантовъ; оживился духъ народный. Чарнецкій одержалъ блистательную побѣду надъ непріятелемъ; Варшава была осаждена поляками; король шведскій удалился въ Пруссію, гдѣ возбуждалъ на Польшу ея вассала бранденбургскаго курфирста.

Среди этихъ успѣховъ, король отправилъ въ маѣ разомъ два посольства къ русскимъ: одно къ Хмельницкому, другое къ царю; Ляндскоронскій пріѣхалъ въ Чигиринъ, былъ встрѣченъ, по обыкновенію, вѣжливо, но съ перваго вида замѣтилъ, что Хмельницкій не тотъ, какимъ надѣялся его застать. Причина была та, что Хмельницкій узналъ о тайнѣ Любовицкаго.

— Я не могу болѣе довѣрять его величеству, говорилъ онъ: —я уже испыталъ, что король столько же высо-

комѣренъ въ счастіи, сколько уклончивъ въ несчастіи.

Ляндскоронскій убѣждалъ его содѣйствовать оружіемъ противъ шведскаго короля, не говорилъ ни слова о московскомъ государѣ, разсыпалъ ничего незначущія обѣщанія дружбы и признательности, но не показывалъ согласія Рѣчи Посполитой признать Украину независимою.

— И только то? и болѣе ничего? сказалъ Хмельницкій съ гнѣвнымъ хохотомъ. — Каково-жъ послѣ этого безуміе вашего короля и всѣхъ вашихъ сенаторовъ! Вы просите себѣ въ союзники казаковъ, которыхъ еще прошлый годъ, во время войны подъ Ставищемъ, грозили истребить однимъ ударомъ, не предлагаете никакихъ прочныхъ условій мира, а хотите употребить для своей защиты кровь русскую! Не говорите какую награду представляете за то, что храбрые воины будутъ падать какъ жертвы вашей прихоти! Довольно обманывать насъ, довольно считать насъ глупцами! Полякамъ, за ихъ всегдашнее вѣроломство, никто въ мірѣ не повѣритъ; было время—мы соглашались на миръ, изъ уваженія къ королю, который всегда въ душѣ имѣлъ противное тому, что показывалъ на видъ. Пусть знаетъ Польша, что мы не войдемъ съ нею въ дружескіе договоры, пока она не откажется отъ цѣлой Руси. Пусть поляки формально объявятъ русскихъ свободными, и тогда мы будемъ жить съ вами, какъ друзья и сосѣди, а не какъ подданные и рабы, и тогда напишемъ клятвенный договоръ на вѣчныхъ скрижалахъ. Но я знаю, пока въ Польшѣ будутъ властвовать паны—не быть миру между русскими и поляками. —

Ляндскоронскій удалился изъ Чигирина [1]).

Посольство въ Москву было успѣшнѣе для поляковъ. Униженныя просьбы и лестныя обѣщанія Яна Казимира склонили Алесѣя Михайловича оказать великодушіе. Посолъ императора австрійскаго, принявшаго въ этомъ дѣлѣ роль посредника, Алегретти, природный славянинъ изъ Рагузы, объясняясь кстати по русски, умѣлъ подѣйствовать на бояръ и духовныхъ. Патріархъ Никонъ, съ своей стороны, убѣждалъ царя помириться съ поляками и обратить оружіе на шведовъ, чтобъ отнять Ливонію и земли, издавна принадлежавшія Великому Новгороду. Царь имѣлъ поводъ къ неудовольствіямъ противъ шведовъ. Въ то время, когда онъ считалъ себя уже государемъ завоеванной Литвы, литовскій гетманъ Янушъ Радзивиллъ, поддался шведскому королю, и такимъ образомъ Карлъ Густавъ казалось вырывалъ у московскаго государя его пріобрѣтенія. Царь отправилъ своихъ полномочныхъ въ Вильну, гдѣ съ полномочными Рѣчи Посполитой, въ сентябрѣ, 1556 года, заключили трактатъ, по которому Рѣчь Посполитая обязывалась, по смерти Яна Казимира, избрать на польскій престолъ Алексѣя Михаиловича, а Алексѣй Михаиловичъ, считая уже Польшу какъ бы своимъ достояніемъ, обѣщался защищать ее и обратить оружіе противъ шведовъ, бывшихъ своихъ союзниковъ [2]). Украинскій лѣтописецъ [3]) говоритъ, будто на этомъ съѣздѣ пословъ, было постановлено, что царь приметъ

---

[1]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 244.

[2]) Полн. собр. зак. I. 405—410, 411

[3]) Лѣтоп. Величка. I. 272. 366.

на себя долгъ усмирить и подчинить казаковъ власти короны польской, которая будетъ ему принадлежать, а въ другомъ мѣстѣ самъ отрицаетъ это. Видно изъ всего только, что такое мнѣніе господствовало въ Украинѣ. Хмельницкому и вообще казакамъ былъ очень не посердцу разрывъ Московскаго Государства со Швеціею; онъ парализовалъ планы казацкаго гетмана, которому хотѣлось бы напротивъ, чтобъ Москва воевала до конца Польшу вмѣстѣ со Швеціею и дружелюбно подѣлилась съ нею пріобрѣтеніями. Отъ этого, когда пріѣхалъ въ Чигиринъ одинъ московскій гонецъ, то его не допустили до гетмана, а писарь вырвалъ у него письмо „сердитымъ обычаемъ“ [4]). Но дѣлать было нечего.

Хмельницкій послалъ на виленскій съѣздъ своихъ пословъ [5]), которые должны были говорить въ пользу Южной Руси, но коммиссары царя Алексѣя Михайловича напоминали имъ, что Хмельницкій и казаки—подданные, а потому не должны осмѣливаться подавать голоса тамъ, гдѣ рѣшаютъ ихъ судьбу посланники государей [6]). Они принуждены были уѣхать, еще до окончанія переговоровъ.

Въ Украинѣ между тѣмъ умы были въ волненіи. Распространился слухъ, что Украину отдаютъ Польшѣ. Воротившись во свояси, казацкіе посланники, какъ потомъ разсказывалъ московскимъ посламъ отецъ писаря Выговскаго, Евстафій, въ присутствіи старшины, бросились къ ногамъ гетмана, плакали, обнимали его ноги, и вопили.

---

4) Акты Ю. и З. Р. III. 549

5) Лѣтоп. самов. 26.

6) Истор. Мал. Росс. т. II. прим. 60.

„Погибло войско запорожское. Нѣтъ намъ помощи ни откуда! Негдѣ головы преклонить! Мы не знаемъ подлинно: какой уговоръ постановили царскіе полномочные послы съ лядскими коммиссарами. Царскіе послы насъ и въ посольскій шатеръ не впустили; мало того до шатра издалека не пускали, словно псовъ въ церковь Божію. А ляхи намъ по совѣсти сказывали, что у нихъ учиненъ миръ по поляновскому договору, чтобъ всей Украинѣ съ войскомъ запорожскимъ быть по прежнему во власти у нихъ ляховъ. А если войско запорожское со всею Украиною, не будетъ въ послушаніи у ляховъ, такъ царское величество будетъ ратью своею помогать ляхамъ и бить войско запорожское“.

Хмельницкій, услышавши это, пришелъ въ умоизступленіе, взбѣсился такъ,—по выраженію старика Выговскаго,—какъ христьянину поступать не годилось. Онъ говорилъ казакамъ въ утѣшеніе: „Не печальтесь дѣтки, треба отступить отъ царя; пойдемъ такъ, какъ повелитъ вышній владыка; будемъ и подъ бусурманскимъ государемъ—не то что подъ христіанскимъ! „И онъ тотчасъ собралъ полковниковъ, на раду. По увѣреніямъ Евстафія Выговскаго, сынъ его писарь валялся въ ногахъ у Хмельницкаго и просилъ оставить злобу противъ Москвы, тѣмъ болѣе, что слухи о договорѣ съ поляками еще могутъ быть невѣрны. Хмельницкій былъ непреклоненъ, ругался, бѣсился, проклиналъ Москву и грозилъ ей. Сошлись полковники. По представленіямъ писаря, они заключили: „Невозможное дѣло, чтобъ царь, показавши свое милосердіе надъ нами, отдалъ бы насъ опять въ руки врагамъ нашей вѣры и поганцамъ. Если намъ, не узнавши подлинно дѣла, да отступить отъ цар-

скаго величества, такъ мы во всемъ свѣтѣ прослывемъ измѣнниками и клятвопреступниками“. Это заставило Хмельницкаго оставить до поры до времени явно злобныя намѣренія противъ Москвы.

Разсказъ этотъ былъ переданъ старикомъ Выговскимъ, очевидно съ намѣреніемъ выставить передъ царемъ заслуги своего сына, и въ этомъ отношеніи могъ быть невѣренъ, но въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, сообразно характерамъ гетмана и писаря, вѣроятно происходило подобное тому, что онъ передавалъ московскимъ людямъ. Писарь Выговскій всегда былъ расположенъ болѣе къ Польшѣ, чѣмъ къ Москвѣ, что и доказалъ впослѣдствіи, но послѣ виленскаго договора, болѣе чѣмъ когда нибудь долженъ былъ показывать себя благопріятелемъ Москвы, когда для Украины въ виду была опасность, что, въ случаѣ неповиновенія и смутъ, поляки съ московскимъ государемъ за одно будутъ укрощать казаковъ. Вспыльчивый нравъ Хмельницкаго давалъ ему случай набросить на гетмана тѣнь, а себя выставить въ благопріятномъ свѣтѣ передъ Москвою.

Какъ бы то ни было Хмельницкій былъ очень недоволенъ такимъ поворотомъ обстоятельствъ. Хмельницкій зналъ поляковъ лучше московскихъ бояръ и понималъ, что поляки обманываютъ царя, желая единственно увернуться отъ опасности и употребить москвитянъ орудіемъ къ возобновленію прежняго состоянія Рѣчи Посполитой. Янъ Казимиръ могъ жить еще долго; Алексѣй Михайловичъ, въ качествѣ будущаго короля Польши, могъ уступить Украину будущему своему владѣнію и, конечно, употребилъ бы силу, когда бы Украинцы воспротивились. Если же случилось бы, что Алексѣй Ми-

хайловичъ скоро сдѣлался королемъ польскимъ (что Хмельницкій считалъ невозможнымъ), то, вопервыхъ, сохраняя весь порядокъ Рѣчи Посполитой и, слѣдовательно, всю власть пановъ, онъ, при своемъ добромъ желаніи, не могъ бы сохранить правъ Украины иначе, какъ при содѣйствіи московскаго войска, и чрезъ это потерялъ бы польскую корону; а вовторыхъ, еслибъ даже при немъ Украина была счастлива, то послѣ него другіе, избранные сеймомъ короли, предали бы ее въ жертву мщенія пановъ. Такъ думалъ Хмельницкій. Но Хмельницкій думалъ не объ одной казацкой Украинѣ. Давно и постоянно при каждомъ приличномъ случаѣ, заявлялъ онъ свое завѣтное желаніе, конечную цѣль своего труда—освободить изъ подъ польской власти и присоединить къ единой русской державѣ всѣ земли, гдѣ издревле процвѣтало православіе и слышалась русская рѣчь. Онъ, понимавшій насквозь Польшу, былъ убѣжденъ, что это желаніе не могло быть достигнуто тѣмъ, что поляки намѣтятъ московскаго государя себѣ въ короли съ избирательнымъ правомъ: это событіе могло только отдалить вожделенную цѣль, что и случилось. По идеѣ Хмельницкаго нужно было продолжать съ Польшей войну, не давать полякамъ отдыха, поражать ихъ силы до тѣхъ поръ, пока они не будутъ имѣть возможности не только удерживать русскія земли, но даже въ крайности, уступивши ихъ, помышлять объ отобраніи ихъ назадъ. Совершенное уничтоженіе польскаго государства и раздѣлъ земель его между воюющими сторонами, должны быть неизбѣжною развязкою всей войны: такъ думалъ Хмельницкій. И на перекоръ ему, тѣ, для

кого онъ трудился, разрушали его планы, подавали Польшѣ помощь и спасеніе, и способствовали къ тому, чтобы рѣки русской крови пролиты были напрасно и русскій народъ продолжалъ еще оставаться подъ прежнимъ гнетомъ. Получивъ извѣстіе изъ Москвы о заключеніи договора, по которому московскому царю обѣщана была польская корона, Хмельницкій высказалъ государю всю правду такъ: „Какъ вѣрные слуги вашего царскаго величества о неправдахъ и хитростяхъ лядскихъ вѣдомо чинимъ, что они этаго договора никогда не додержатъ; они на вѣру нашу православную давно воюютъ и ей никогда желательными быть не могутъ, а теперь они этотъ договоръ для того сдѣлали, чтобъ немного отдохнувъ и наговорившись съ султаномъ турскимъ и татарами и другими посторонними, снова на ваше царское величесво воевать; ибо если они ляхи въ самомъ дѣлѣ ваше царское величество на Корону Польскую и Великое Княжество Литовское выбираютъ, то для чего же воеводу Познанскаго и каштеляна Войницкаго послали къ цезарю Римскому просить брата его роднаго на королевство? Послы эти, октября 12 пріѣхали въ столицу цезарскую и вели переговоры во время конца виленской коммиссіи. Все это знакъ явной неправды лядской. Ясно, что ляхи виленскаго договора не додержатъ и кто знаетъ будетъ ли этотъ договоръ принятъ на сеймѣ отъ чиновъ. Для вышерѣченной неправды мы ляхамъ никакъ вѣрить не можетъ, ибо знаемъ подлинно, что они православному народу нашему недоброхотны. Вторично тебя, великаго государя, единаго въ подсолнечной православнаго царя, молимъ: не отдавай право-

славнаго народа напоруганіе, о которомъ ляхи помышляютъ" [7]).

Москва была глуха къ этимъ совѣтамъ.

Въ то же время Хмельницкому препятствовала не только Москва, но и другіе сосѣди, къ довершенію намѣреній его. Императоръ австрійскій требовалъ покорности Польшѣ, обѣщалъ ходатайствовать о распространеніи правъ казацкихъ, а въ случаѣ упорства [8]), грозилъ послать противъ Украины сильное войско; съ другой стороны, крымскій ханъ послалъ къ нему пословъ, требовалъ возобновленія связи съ Польшею и грозилъ пустить орду по Украинѣ. Турція прислала своего чауша и также обѣщала послать войско на помощь полякамъ. Всѣ боялись усиленія русской державы. Все это подвергло Хмельницкаго въ тоску и уныніе, а потомъ въ болѣзнь [9]). Вѣроятно, въ эти грустныя минуты, гетманъ поэтъ создалъ ту печальную аллегорическую пѣсню, въ которой, подъ видомъ бѣдной чайки, обижаемой двумя птицами, плачущей за дѣтей своихъ, выражена такъ поэтически судьба современной Южной Руси, если только правда, что эта пѣсня сочинена лицомъ, а не создана народомъ.

Между тѣмъ, пользуясь успокоеніемъ польско-литовскихъ предѣловъ со стороны Москвы, Янъ Казиміръ пріобрѣталъ болѣе и болѣе успѣховъ. Варшава была возвращена и лучшій шведскій генералъ, Виттенбергъ, взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Замостье. Чарнецкій

---

[7]) Акты Ю. и З. Р. Ш. 556.

[8]) Истор. Мал. Росс. 11. 12.

[9]) Истор. о през. бр.

повсюду побѣждалъ. Императоръ австрійскій Фердинандъ заключилъ съ польскимъ королемъ дружескій союзъ и грозилъ врагамъ Польши послать противъ нихъ войско. Но и Карлъ Густавъ искалъ также себѣ союзниковъ; убѣдилъ бранденбургскаго курфирста дѣйствовать взаимными силами и продолжалъ просить содѣйствія Хмельницкаго. Въ январѣ, 1656 г., аѳонскій монахъ возвратился изъ Швеціи въ Чигиринъ и привезъ какія то депеши, которыхъ содержаніе неизвѣстно; въ слѣдъ за тѣмъ, въ маѣ, прибылъ въ Чигиринъ Грондскій, уже въ другой разъ посѣщавшій Хмельницкаго, только отъ иного короля.

„Еслибъ (писалъ король) я имѣлъ такое храброе войско, какъ казаки. то выдержалъ бы сраженіе съ цѣлымъ поголовнымъ ополченіемъ польской націи. Я прошу, чтобъ, въ случаѣ необходимости, казаки не отказали мнѣ содѣйствовать, впрочемъ, не прежде, когда я приглашу; ибо я надѣюсь заключить выгодный миръ съ поляками, при которомъ обѣщаю, что, съ своей стороны, я рѣшусь на миръ не иначе, какъ тогда, когда будутъ исполнены всѣ желанія казацкой націи. Прошу заранѣе нарядить коммиссаровъ, изложить требованія и, съ своей стороны. извѣстить меня, какое угодно было бы назначить время и мѣсто для коммиссіи [10]).

Неизвѣстно, что предложили тогда съ своей стороны казаки; впрочемъ, предложенія короля шведскаго о мирѣ относились къ дальнѣйшему времени: Карлъ Густавъ приглашалъ съ собою дѣйствовать новаго союзника,

---

[10]) Hist. belli cos. polon. 268.

Ракочи. Нѣкоторые польскіе дворяне, отчасти, диссиденты, которые искали правъ своей религіи, а еще болѣе такіе люди, которые руководились своекорыстными видами, убѣжавшіе во время суматохи въ Седмиградье, приглашали князя быть королемъ польскимъ. Ракочи обратился къ Хмельницкому и прислалъ своихъ пословъ съ просьбою помогать ему [11]). Хмельницкій далъ тогда его посольству обоюдные отвѣты.

— Ракочи, говорилъ Выговскій Грондскому:—очень желаетъ союза съ нами, а мы не хотимъ соединять наше войско съ такими солдатами, которые выучены за печкою. Однако, чтобъ не вооружить его противъ себя, мы даемъ ему двусмысленные отвѣты. Правду сказать, рана, которую нанесъ нашему пану-гетману Ракочи погибелью сына — неизцѣлима, и гетманъ все еще ищетъ отомстить ему [12]).

Грондскій имѣлъ порученіе ѣхать въ Седмиградь и убѣждалъ Хмельницкаго приступить къ концу. Гетманъ заглушилъ въ себѣ чувство оскорбленія и далъ согласіе. Хмельницкій готовъ былъ на всѣ средства, лишь бы достигнуть своихъ цѣлей.

Вмѣстѣ съ Грондскимъ отправился отецъ Данило. Они проѣхали черезъ Молдавію, чтобъ не попасть въ руки поляковъ, и прибыли къ Ракочи. Ракочи принялъ это посольство съ радостью и отправилъ въ Швецію съ отвѣтомъ, черезъ Москву, отца Данила, Грондскаго оставилъ у себя. Такимъ-образомъ время протянулось до

---

[11]) Jbid. 301.
[12]) Jbid. 366.

зимы, пока отъ Карла Густава прибыли уполномоченные въ Седмиградье. Послѣ виленскаго договора Хмельницкій уже не колебался ни мало и 26-го ноября заключилъ съ Ракочи особый предварительный союзъ, по которому обѣ стороны должны были защищать другъ друга противъ всѣхъ непріятелей и жители обоихъ странъ находиться въ совершенномъ согласіи. Ракочи обязывался подавать украинцамъ помощь въ случаѣ утѣсненія, отъ кого бы то ни было, ихъ вѣрѣ и правамъ.

Вслѣдъ затѣмъ, въ началѣ 1657 года, заключенъ былъ Швеціею, Трансильваніею и Украиною договоръ о раздѣлѣ Польши; это уже вторая попытка къ тому, чего не избѣгла Польша черезъ сто лѣтъ слишкомъ. Королю шведскому должна была достаться Великая Польша, Ливонія, Гданскъ съ приморскими окресностями: бранденбургскому курфирсту всѣ польскія владѣнія въ Пруссіи; Ракочи—Малая Польша, Великое Княжество Литовское, княжество мазовецкое и княжество русское (Червоная Русь) а Украина съ остальными южно-русскими землями долженствовала быть признанною навсегда отдѣльною отъ Польши: Эти договорныя статьи подписаны были, со стороны Ракочи, Стефаномъ Хорватомъ и Топошемъ, со стороны Украины—генеральнымъ судьею—Самуиломъ Богдановичемъ Заруднымъ и генеральнымъ обознымъ Ковалевскимъ [13]). По заключеніи такого договора, Хмельницкій послалъ къ Ракочи на

[13]) Jbid. 358—389.

помощь двѣнадцать тысячъ войска, подъ начальствомъ Ждановича, Зеленецкаго и сотника Попенка [14]).

Напрасно канцлеръ Любомирскій убѣждалъ Ракочи не начинать непріязненныхъ дѣйствій и доказывалъ, что нѣтъ никакого повода къ разрыву между нимъ и Польшею. Леопольдъ, король венгерскій и богемскій, принявшій власть по смерти Фердинанда III-го, чрезъ архіепископа Нитры, Юрія Шелепчена, дѣлалъ ему убѣжденія. Ракочи ссылался на то, что поляки предлагали ему корону и твердилъ, что считаетъ обязанностью защищать свою честь [15]). Въ декабрѣ Ракочи издалъ къ полякамъ манифестъ въ такихъ выраженіяхъ: Коронные чины видя, что Рѣчь Посполитая клонится къ паденію и не ожидая ни основательныхъ мѣръ ни помощи отъ ея настоящаго правительства, какъ прежде такъ и въ недавнее время, чрезъ посредство своихъ великихъ пословъ, предлагали намъ съ извѣстными условіями польскую корону. По давней и, можно сказать, наслѣдственной любви нашей къ благородному польскому народу и по христіанскому благочестію и состраданію, мы, при Божіей помощи, предприняли намѣреніе успокоить нашею особою и нашими войсками смуты въ славномъ польскомъ королевствѣ; по этому считаемъ нужнымъ предупредить и предостеречь всѣхъ вообще, чтобы всякій, если ему дороги жена его, дѣти, пожитки и имущества, по прочитаніи настоящаго универсала, какъ только мы приблизимся съ нашимъ войскомъ къ поль-

---

[14]) Annal. Polon. Clim. II. 197—217.—Истор. о през. бр.

[15]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 327—328.

скимъ предѣламъ, заблаговременно приставалъ къ намъ и такимъ либо другимъ образомъ засвидѣтельствовалъ намъ свое благорасположеніе. Если же кто не захочетъ такъ поступить и пренебрежетъ нашимъ благожелательствомъ, тотъ пусть припишетъ себѣ самому, а не намъ, всякую непріятность, какую онъ можетъ испытать въ военное и безпокойное время. Всѣхъ же тѣхъ, которые пожелаютъ искать нашего покровительства, мы обѣщаемъ принимать милостиво, охранять отъ настоящихъ бѣдъ и военныхъ разореній и, сколько намъ возможно возвратить ихъ нарушенныя вольности. Въ особенности же обѣщаемъ искренно сохранить въ цѣлости свободу совѣсти и стараться о томъ, чтобы, при Божіей помощи, въ польскомъ славномъ королевствѣ расцвѣлъ вожделѣнный миръ и мы могли бы даровать ему снова общественную и частную безопасность“ [16]).

Въ январѣ, 1657 года, Ракочи двинулся въ Польшу.

Кромѣ двѣнадцати тысячъ казаковъ, у него въ войскѣ было своихъ около двадцати тысячъ [17]). Это былъ пестрый сбродъ всѣхъ націй и состояній: здѣсь, кромѣ венгровъ подданныхъ Ракочи, были венгерскіе гайдуки, волохи, поляки и, больше всего, украинцы—поднѣстровскіе левенцы, привыкшіе жить войною [18]). Два бѣглые поляка, диссиденты, взялись преклонять на сторону побѣдителя подданныхъ Яна Казимира: первый былъ извѣстный намъ Грондскій [19]) другой, также знакомый намъ,

---

[16]) Рук. И. П. Б. разнояз. Ѳ. 28.

[17]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 346.

[18]) Annal. Polon. Clim. II. 198.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 332.

[19]) Histor. belli cosac. polon. 371.

Немиричъ, который былъ въ казацкомъ войскѣ, перешелъ къ шведамъ и теперь дѣйствовалъ съ Ракочи для разоренія своего шляхетскаго отечества [20]).

На дорогѣ встрѣтилъ ихъ гонецъ отъ московскаго государя Алексѣя Михайловича.

Онъ уговаривалъ седмиградскаго князя оставить свое предпріятіе, если цѣнитъ дружбу государя.

— Въ противномъ случаѣ, прибавлялъ онъ:—великій государь, его царское величество будетъ оружіемъ защищать Польшу, какъ бы и собственное отечество, потому что онъ избранъ быть королемъ польскимъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Ракочи:—когда царь московскій получилъ приглашеніе быть польскимъ королемъ, но мнѣ, и прежде, и въ недавнее время, поляки предлагали корону. Если его царское величество признаетъ Польшу своею, то объ этомъ мы сдѣлаемъ постановленіе послѣ. Я не отрицаю, что дорожу дружбою его царскаго величества, однако, не до такой степени, чтобъ для нея отказаться отъ польской короны. Если ужъ нарушать миръ, то за царство [21]).

Войско вступило въ Покутію, а отсюда прошло до Львова.

Всѣ убѣжденія Грондскаго къ львовскому магистрату о сдачѣ города и признанія Ракочи остались напрасны. Львовъ обѣщался признать Ракочи королемъ, когда вся Польша его признаетъ, но не измѣнилъ Яну Казимиру [22]). Опасаясь медлить подъ Львовомъ, Ракочи по-

---

[20]) Annal. Polon. Clim. 211.

[21]) Histor. belli cosac. polon. 362.

[22]) Ibid. l. 375—384.

шелъ далѣе. 29-го марта онъ вступилъ въ Краковъ, все еще занятый шведами, взялъ на слѣдующій день присягу на вѣрность отъ гражданъ и дворянства; на другой день онъ выступилъ изъ столицы, повидался съ Карломъ Густавомъ [23]). Оба пошли подъ Замостье. Ракочи уполномочилъ Немирича склонить на свою сторону владѣтеля крѣпости сендомирскаго воеводу Замойскаго [24]).

На всѣ представленія Немирича отвѣчали полнымъ пренебреженіемъ:

„Письмо, полученное мною (писалъ Замойскій), только и можетъ быть написано подобнымъ измѣнникомъ, каковъ Немиричъ. Не пиши ко мнѣ, пока не омылъ своей измѣны болѣе-благороднымъ дѣломъ; ибо я стыжусь имѣть сношеніе съ гадинами терзающими внутренности своего отечества“ [25]).

Союзники поворотили отъ Замостья. Карлъ обратился къ Бресту, взялъ его и принудилъ присягнуть Ракочи. Ракочи покорилъ Люблинъ, нанесъ несчастному городу новое разореніе и принудилъ жителей уже въ третій разъ сложить подданство Яну Казимиру [26]), потомъ оба союзника соединились и пошли къ Варшавѣ. Убѣжденія Ракочи мало дѣйствовали на поляковъ. Въ маѣ онъ издалъ новый манифестъ къ польскому народу. „Мнѣ очень жаль—говорилъ онъ—что безпокойные паны, которымъ выгодно, чтобы въ Польшѣ было смятеніе, кор-

---

[23]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 332—333.

[24]) Wojna dom. Ч. 4. 224.

[25]) Annal. Polon. Clim. II. 212.

[26]) Wojna dom. Ч. 4. 225.

мять васъ суетными обѣщаніями, что придетъ къ вамъ на помощь войско съ сѣвера, востока, запада, юга: но вы этой помощи не дождались и не дождетесь, а между тѣмъ покидаете свои жилища и скитаетесь по дебрямъ и горамъ, ведете жизнь не человѣческую, а звѣриную. Дружески, желая вамъ добра, предостерегаю васъ, не гоняйтесь за вѣстями, какія вамъ приноситъ вѣтеръ, и изберите путь вѣрнѣйшій и безопаснѣйшій, возвратитесь въ домы свои къ своимъ полямъ, давайте моимъ войскамъ умѣренную и скромную стацію и сидите себѣ тихо и свободно, пока Богъ не соизволитъ привести Польское Королевство къ полному и совершеннѣйшему спокойствію. Когда вы исполните мой совѣтъ—жалѣть не будете; упорные же и непокорные будутъ преслѣдуемы огнемъ и мечемъ" [27]). Если вѣрить повѣствованію современныхъ польскихъ историковъ, то полякамъ было отъ чего прятаться по дебрямъ и горамъ, и вести звѣриную, а нечеловѣческую жизнь.

Дикое войско Ракочи повсюду, гдѣ проходило, производило грабежи, убійства, насилія! „Мѣстечки и села (говоритъ современникъ) превращались въ кучи пепла. Жители были истребляемы безъ разбора; не смотрѣли на святыню церквей, мучили священниковъ, не щадили младенцевъ" [28]). Разноплеменные толпы этого войска, непонимавшія другъ друга, дрались и между собою: шведы отбивали добычу у венгровъ, украинцы отнимали ее

---

[27]) Рукоп. И. П. Б. разпояз. Q. 28.

[28]) Ibid. Ч. 3 219.—Annal. Polon. Clim. II. 212.

у шведовъ. Каждый часъ въ лагерѣ — драка, шумъ, убійство [29]). Такое-то нестройное полчище вторглось въ Варшаву. Столица сдалась, надѣясь на Карла Густава, но не спаслась отъ разоренія. Дикія толпы, не повинуясь предводителямъ, оскверняли храмы, грабили домы, сожигали предмѣстья и не пощадили даже дворца [30]).

Но здѣсь положенъ былъ предѣлъ торжеству Ракочи: польскій король, во время вторженія враговъ, убѣжалъ въ Данково, имѣніе краковскаго каштеляна Варчинскаго, недалеко отъ ченстоховскаго монастыря [31]) и дѣйствовалъ противъ враговъ искуснымъ образомъ. Посолъ его, Лещинскій, отправился къ Леопольду [32]) и упросилъ послать въ Трансильванію сильный отрядъ подъ начальствомъ Гарцфельда [33]). Въ то же время и Любомирскій вошелъ съ польскимъ войскомъ во владѣнія Ракочи и приказалъ производить опустошенія, чтобъ отомстить за разореніе Польши и возбудить противъ князя его подданныхъ. Онъ издалъ манифестъ ко всѣмъ жителямъ седмиградскаго княжества, и въ манифестѣ этомъ доказывалъ, что несчастія, понесенныя жителями, они должны приписывать своему владѣтелю, изображалъ его тираномъ, жалѣлъ о потерянной свободѣ венгровъ [34]). Другой посолъ Яскольскій, отправился въ Турцію, счастливо избѣжалъ рукъ матери Ракочи, которая было поймала его, но дол-

---

[29]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 337.
[30]) Annal. Polon. Clim. II. 214.
[31]) Wojna dom. Ч. 3. 228—Annal. Polon. Clim. II. 219.
[32]) Wojna dom. Ч. 3. 223.
[33]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 336.—Wojna dom. Ч. 224.
[34]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 340—341.

жна была отпустить, страшась мщенія турокъ. Опасаясь могущества Московскаго Государства и желая разлучить съ нимъ казаковъ, турецкій дворъ принялъ просьбу короля ласково и посланникъ возвратился съ вѣстью, что ханъ пойдетъ со всею ордою противъ казаковъ [35]).

Еще въ апрѣлѣ, 1657 года, король Янъ Казимиръ посылалъ къ Хмельницкому волынскаго каштеляна— Станислава Беньйовскаго. Это былъ хитрый и ловкій дипломатъ. Неизвѣстно, какъ велись съ нимъ переговоры:—они не состоялись, но, при помощи Выговскаго, издавна благопріятствовавшаго мысли примиренія съ Польшею, Хмельницкій далъ ему надежду. Въ письмѣ своемъ къ королю, отъ 18-го апрѣля, Хмельницкій вычислилъ прежнія заслуги казаковъ, напомнивъ о польской неблагодарности, но изъявилъ согласіе на миръ, выражаясь такъ: „Мы, съ посломъ Беньйовскимъ, изъискивали мѣры, чтобъ ни достоинство вашего величества, ни наша свобода не потерпѣли". Онъ предоставилъ Беньйовскому подробно представить требованія русскихъ и просилъ, чтобъ дѣло приведено было къ окончанію самимъ Беньйовскимъ: видно, что онъ болѣе, чѣмъ другимъ, оказывалъ ему довѣріе [36]). Украинскій лѣтописецъ поясняетъ въ чемъ состояли требованія, сообщенныя Хмельницкимъ Беньйовскому: онъ просилъ присылки коммиссаровъ для разграниченія Украины отъ Польши [37]).

Между тѣмъ Янъ Казимиръ доносилъ царю на Хмельницкаго, что гетманъ со Швецію и Ракочи собира-

[35]) Annal. Polon. Clim. II. 217.

[36]) Памятн. кіевск. комм. III. 3. 190.

[37]) Истор. о през. бр.

ются нападать на московскаго царя. Царь для изслѣдованія этого доноса послалъ въ Чигиринъ стольника Кикина. Хмельницкій увѣрилъ его, что напротивъ того поляки подъучали его отторгнуться отъ московской власти и Беньйовскій сознавался ему, что статьи постановленныя въ Вильнѣ, заключены поляками, единственно для удержанія московскихъ войскъ отъ разоренія Литвы. Хмельницкій съ посланцемъ своимъ Ѳедоромъ Коробкою отправилъ къ царю перехваченныя письма отъ поляковъ къ турецкому двору: изъ нихъ видно было, что поляки искали союза съ Турціею, не въ пользу Россіи. „Ляхи—писалъ Хмельницкій, — видя свою свыше отъ Бога назначенную гибель, вашему царскому величеству покоряются, а въ сердцахъ у нихъ ядъ змѣиной ярости кипитъ. Они къ турскому салтану отправляютъ пословъ, просятъ, чтобъ имъ помогалъ христіанъ воевать. Молимъ тебя, великій государь, не вѣрь отступникамъ ляхамъ“.

Но въ Москвѣ положительно стало извѣстно, что Хмельницкій заключилъ договоръ со шведами и венграми, что войска казацкія посылаются на помощь Ракочи. Царь Алексѣй Михайловичъ, 19-го апрѣля отправилъ къ Хмельницкому съ выговоромъ окольничьяго Ѳедора Бутурлина и дьяка Василія Михайлова.

Между тѣмъ физическія силы Хмельницкаго все болѣе и болѣе истощались. Украинскій историкъ говоритъ будто онъ былъ отравленъ. Пріѣхалъ какой то польскій шляхтичъ хорошей фамиліи, подъ видомъ, будто ищетъ руки дочери Хмельницкаго. Проживъ у него нѣсколько времени, онъ получилъ согласіе гетмана, потомъ снова собрался въ путь подъ предлогомъ приго-

товиться къ браку и обѣщалъ скоро быть въ Чигиринѣ. Выѣзжая изъ дому, на прощальномъ обѣдѣ, женихъ предложилъ будущему тестю выпить вмѣстѣ съ нимъ за здравье невѣсты, привезенной съ собой водки, которою хвалился, какъ рѣдкостью. Отперши свой погребецъ, онъ воспользовался временемъ, когда Хмельницкій отворотился, и налилъ въ его чарку водки не изъ той склянки, изъ которой наливалъ для себя. Въ водку положенъ былъ медленно убивающій ядъ. Нареченный женихъ уѣхалъ и не являлся болѣе въ Украинѣ. Украинскій историкъ говоритъ, что онъ былъ наученъ на такое злодѣйство польскимъ правительствомъ, желавшимъ, избавиться отъ сильнаго врага какими бы то ни было мѣрами. Съ тѣхъ поръ Хмельницкій началъ сохнуть, хирѣть и день ото дня приближаться къ гробу.

Едва ли справедливо это сказаніе и вѣроятнѣе— оно принадлежитъ къ тѣмъ легендарнымъ подозрѣніямъ, которыя во всѣ времена и вездѣ сопровождали преждевременную смерть знаменитыхъ людей, долженствовавшихъ по своему политическому положенію имѣть много враговъ. Совершенно неправдоподобно, чтобъ Хмѣльницкій согласился отдать дочь за какого то польскаго шляхтича, да притомъ, намъ извѣстно, что въ послѣдніе годы его жизни двѣ его дочери (а больше у него дочерей не было) были уже въ замужествѣ, одна— Катерина за Даниломъ Выговскимъ, другая—Елена за Иваномъ Нечаемъ. Гораздо вѣроятнѣе, что медленно убивающій ядъ, низводившій Богдана въ могилу, принесенъ былъ ему не изъ Польши, а изъ Москвы; то была близорукая тупая политика, ломавшая всѣ его широкіе планы уничтоженія Рѣчи Посполитой,

единенія и возрастанія Руси, ломавшая ихъ въ такое время, когда они скорѣе, чѣмъ когда нибудь, могли осуществиться. Онъ прозрѣвалъ въ даль временъ, какъ показываютъ его многіе рѣчи. Онъ видѣлъ, что Москва, для которой онъ работалъ, не только не съумѣетъ воспользоваться ни своими силами, ни благопріятными обстоятельствами, но болѣе, чѣмъ всѣ другіе сосѣди, испортитъ начатое имъ дѣло и оставитъ русскій народъ надолго подъ игомъ католичества и панства. Кромѣ того грубое обращеніе московскихъ людей съ малоруссами, на которое отовсюду приносились ему жалобы, недовѣріе къ нему начальныхъ московскихъ людей, недопущеніе украинскихъ коммиссаровъ къ совѣщаніямъ между Польшею и Москвою о судьбѣ русскаго народа, неудовольствія противъ Москвы митрополита и значительнаго православнаго духовенства, все показывало, что соединеніе Южной Руси, съ Московскимъ Государствомъ не можетъ совершиться безъ раздоровъ и потрясеній. Все это разстроивало гетмана. Ему было подъ шестьдесятъ лѣтъ; много въ жизни у него было ударовъ, но виленскій договоръ со всѣми соединенными съ нимъ обстоятельствами, былъ самый гибельный ударъ для Хмѣльницкаго.

Чувствуя, что ему не долго жить, больной старикъ увлекся любовью къ своему сыну; ему хотѣлось, чтобъ казаки выбрали его гетманомъ послѣ него. Онъ собралъ раду изъ полковниковъ, сотниковъ и выборныхъ казаковъ. Это было въ маѣ. Украинскій лѣтописецъ показываетъ днемъ ея отправленія 6 августа; но это несправедливо: изъ дѣлъ московскаго малороссійскаго приказа, писанныхъ въ апрѣлѣ, видно, что Хмельницкій думалъ

объ этой радѣ, а изъ писанныхъ въ іюнѣ, видно что она тогда уже совершилась. Рада эта сдѣлалась въ народѣ памятнымъ событіемъ и перешла въ народную думу.

При стеченіи казаковъ Хмельницкій говорилъ:

— Братья!—еслибъ я долженъ былъ говорить къ незнающимъ нашихъ плачевныхъ обстоятельствъ, то у меня не достало бы ни времени, ни словъ и здоровья. Но вамъ я считаю излишнимъ разсказывать то, что вы сами знаете: извѣстно вамъ, братья, столько же, сколько и мнѣ, какія страшныя угнетенія, гоненія, разоренія, поруганія, ежедневныя мученія терпѣлъ подъ игомъ поляковъ злосчастный народъ русскій, и какъ страдала мать наша, православная восточная церковь; лишенная своего богослуженія, угнетаемая латинствомъ, стонала она въ молчаніи! Наконецъ, посѣтилъ насъ Богъ свыше милостію благодати своей и подалъ намъ руку помощи, какъ древле Израилю въ Египтѣ; и возвращено прежнее благочиніе церкви нашей, и освободился отъ тяжкаго и постыднаго рабства народъ русскій. Извѣстно вамъ и то, съ какими трудами, потерями, бѣдствіями и кровопролитіями совершилось это избавленіе православной церкви и отечества отъ ига ляхскаго. Волѣ Божіей то было угодно, чтобъ это совершилось мужествомъ вашимъ, совоинственники милые, казаки рыцари, и подъ моимъ предводительствомъ. Десять лѣтъ я посвящалъ себя отечеству, не щадя ни здоровья, ни жизни; но теперь, по волѣ Создателя моего, старость и болѣзни одолѣли меня; изнемогаютъ члены тѣла моего, схожу въ могилу, братья, и оставляю васъ на произволъ судьбы! Благодарю васъ, господа честные и братія возлюбленные, за

ту честь, которую вы оказали мнѣ избраніемъ въ гетманы. Благодарю за довѣренность ко мнѣ, благодарю за непоколебимую вѣрность и искреннее послушаніе. Благодарю васъ за храбрость, оказанную вами въ тридцати четырехъ сраженіяхъ съ поляками, венграми, волохами, татарами; а болѣе всего благодарю васъ за то согласіе и единодушіе, съ которымъ вы подвизались въ трудахъ и переносили бѣдствія. Вотъ булава, бунчукъ, знамена, всѣ клейноты, означающіе власть мою. Изберите себѣ гетманомъ кого угодно. Меня же, милые братья, простите похристіански, если я, по немощи человѣческой, кого нибудь огорчилъ, или противъ кого нибудь изъ васъ погрѣшилъ.—

Гетманъ поклонился собранію и залился слезами. Казаки не отвѣчали ничего и только рыдали. Хмельницкій, отдохнувъ, снова говорилъ къ товарищамъ:

— Богъ знаетъ, братья, чье это несчастіе, что не далъ мнѣ Господь окончить этой войны такъ, какъ бы хотѣлось: вопервыхъ, утвердить навѣки независимость и вольность вашу; вовторыхъ, освободить также Волынь, Покутье, Подоль и Полѣсье, и такъ избавить оружіемъ нашимъ отъ ига польскаго народъ русскій благочестивый, принуждаемый къ уніи,—словомъ, всѣ земли, которыми владѣли великіе русскіе князья наслѣдственно, преклонить подъ высокую руку всероссійскаго монарха. Богу иначе было угодно. Не успѣлъ я окончить своего дѣла, умираю съ величайшимъ прискорбіемъ; но не знаю, что будетъ послѣ меня. Прошу васъ, братья, пока я живъ, изберите себѣ, при моихъ глазахъ, новаго гетмана вольными голосами. Если я буду знать от-

части будущую судьбу вашу, то спокойнѣе сойду въ могилу.—

Никто не отвѣчалъ на предложеніе Хмельницкаго. Старикъ подождалъ нѣсколько времени, потомъ снова самъ прервалъ молчаніе.

— Есть между вами люди опытные и искусные; изберите себѣ, братья, либо Антона Ждановича полковника кіевскаго, или полковника переяславскаго Тетерю, или полковника полтавскаго Мартына Пушкаренка, но, по моему мнѣнію, я бы совѣтовалъ вамъ избрать Ивана Выговскаго: онъ былъ все время при мнѣ писаремъ, знаетъ всю политику и можетъ управлять войскомъ. Его бы я желалъ особенно видѣть моихъ преемникомъ.—

— Нѣтъ, нѣтъ!—закричали голоса:—за твои знаменитыя заслуги предъ войскомъ запорожскимъ, за твои кровавые труды, за твой разумъ и мужество, съ которыми ты избавилъ насъ отъ ярма ляхскаго, прославилъ предъ цѣлымъ свѣтомъ и устроилъ свободнымъ нароромъ, мы должны и по смерти твоей оказывать честь твоему дому. Никто не будетъ у насъ гетманомъ, кромѣ Юрія, твоего сына.—

Кандидаты, которыхъ предлагалъ Хмельницкій, съ своей стороны отказывались отъ начальства и подавали голоса въ пользу Юрія.

— Вижу, братья мои возлюбленные, вижу, что вы любите меня и благодарю васъ, но долженъ вамъ отсовѣтовать: сынъ мой дитя молодое; ему ли исправлять должность гетмана и въ такое опасное время? Нуженъ для этого мужъ опытный и искусный, а не юноша. Сынъ же мой пусть служитъ войску запорожскому по его лѣтамъ, и вы другимъ образомъ будете покрови-

тельствовать ему, и тѣмъ докажете благодарность свою ко мнѣ.

— Хотя сынъ твой и молодъ,—возразили ему:— но мы будемъ окружать его людьми опытными и старыми, которые будутъ наставлять его мудрыми совѣтами. Если сынъ твой будетъ начальствовать надъ нами, намъ будетъ легче, когда гетманомъ у насъ будетъ Хмельницкій, мы будемъ любить его, слушаться и вспоминать и благословлять тебя, милаго батька нашего! —

Многіе въ душѣ вовсе не хотѣли видѣть Юрія гетманомъ, но должны были согласиться изъ желанія угодить отцу, ибо думали, что старикъ, хотя отсовѣтываетъ, а ему хочется чтобъ сына его избрали.

Наконецъ Хмельницкій согласился, подозвалъ Юрія, вручилъ ему знаки гетманскаго достоинства и сказалъ.

— Сынъ мой! не гордись временнымъ господствомъ; воздавай должную честь старшимъ себя; не обременяй подчиненныхъ трудами выше того, сколько могутъ снести; не прилѣпляйся къ богатымъ и не презирай убогихъ; имѣй равную любовь ко всѣмъ. Да будетъ въ сердцѣ твоемъ страхъ Божій, храни заповѣди Божіи, не дерзай нарушить вѣрности его царскому пресвѣтлому величеству, такъ какъ и я одинъ разъ присягнулъ и до смерти остался вѣренъ присягѣ. Если же ты будешь поступать противно этому, то всякое зло, которое произойдетъ отъ тебя, да отвратится отъ другихъ и обратится на твою голову!

Толпа съ радостными восклицаніями провозгласила Юрія гетманомъ.

„Дай Богъ (кричали казаки) и при новомъ молодомъ

нашемъ гетманѣ жить, какъ жили мы при старомъ: хлѣбъ соль его вкушать, города турецкіе раззорять, славы рыцарскія добывать!".

Чиновники прикрывали его знаменами и шапками, по казацкому обычаю; играли на трубахъ, били въ литавры, палили изъ пушекъ и ружей въ знакъ торжественнаго избранія новаго гетмана вольными голосами [38]).

Назначивъ сына гетманомъ, Богданъ до смерти оставилъ за собою власть. Силы его ослабѣвали съ каждымъ днемъ. Московскіе послы явились въ Украинѣ тогда, когда гетманъ едва могъ вставать съ постели.

Подъѣзжая къ Чигирину, іюня 3, эти посланники были встрѣчены за десять верстъ отъ города миргородскимъ полковникомъ Грицькомъ Лѣсницкимъ. Онъ объяснилъ, что разнесся слухъ, что ханъ наступаетъ съ войскомъ на Украину и Хмельницкій поручалъ ему недопускать татаръ". Нынѣ къ намъ дошли слухи—сказалъ Лѣсницкій,—что его царское величество, незнаю за какія вины, положилъ на насъ гнѣвъ свой и хочетъ послать на насъ своихъ ратныхъ людей воевать насъ: мы оставимъ и женъ и дѣтей нашихъ безъ всякаго опасенія! пусть проливаетъ кровь нашу мечь царскій; мы безъ вскаго сопротивленія подложимъ подъ него главы; во всемъ будетъ воля его царскаго величества!"

— Это вамъ кто то наговорилъ воровски на ссору—отвѣчалъ ему Бутурлинъ.—Великій государь держитъ васъ въ своей милости и жалованьѣ, а вамъ слѣдуетъ ему,

[38]) Истор. о през. бр.—Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс. 216—217.—Народ. дума.

великому государю, служить и воровскимъ смутнымъ рѣчамъ не вѣрить.—

За пять верстъ отъ Чигирина встрѣтили пословъ сынъ гетмана Юрій, писарь Выговскій и войсковой ассаулъ Ковалевскій. Сынъ извинялся за отца, что онъ самъ по болѣзни не могъ встрѣтить гостей. 4 Іюня пріѣхалъ къ посламъ Ковалевскій и привелъ двѣ богато осѣдланныя лошади. „Добродій нашъ панъ гетманъ—сказалъ онъ—велѣлъ вамъ ѣхать къ себѣ.“ Они въѣхали на дворъ до крыльца и были встрѣчены въ сѣняхъ Выговскимъ.—„Не майте за зле—сказалъ писарь,—гетманъ лежитъ боленъ и не могъ встрѣтить васъ никакими мѣрами“.

Они застали гетмана на постели. Послѣ взаимныхъ спросовъ о здоровьи, послы раздали по росписи царское жалованье гетману, писарю и полковникамъ и, получивши отъ нихъ благодарность, сказали:

— Наказано намъ съ тобою гетманомъ говорить о государскихъ дѣлахъ, а тебѣ тѣхъ государскихъ дѣлъ отъ насъ выслушать. —

„Мнѣ невозможно слушать теперь государскихъ дѣлъ“—сказалъ гетманъ—„скорбь меня постигла великая; сами видите: пусть войсковой писарь Иванъ Выговскій выслушаетъ великія дѣла его царскаго величества“.

„Мы—отвѣчалъ Бутурлинъ—присланы по указу великаго государя къ тебѣ, гетману, и наказано намъ говорить съ тобою, а не съ писаремъ“.

„Я никакъ не могу въ моей болѣзни говорить и отвѣтъ давать о государскихъ дѣлахъ—сказалъ гетманъ—да чтобы вы и мнѣ говорили, то не будетъ утаено отъ писаря“.

Бутурлинъ отвѣчалъ: „Не пригоже тебѣ, Богданъ, отговариваться никакими замыслами; надобно слушать указъ и повелѣніе великаго государя безъ всякаго прекословія“.

„Указа и повелѣнія государя слушать я повиненъ, да за скорбію говорить мнѣ нельзя о государскихъ дѣлахъ. Вотъ какъ Богъ дастъ отъ болѣзни станетъ легче — я дамъ тогда знать“.

Онъ приказалъ писарю просить гостей сѣсть за столъ обѣдать.

Послы сказали:

„По милости царскаго величества приготовлены у насъ обѣды на господѣ; мы будемъ ѣсть у себя“.

Гетманъ сказалъ имъ:

„Всѣ посланные по милости царскаго величества въ моемъ домѣ ѣдали и за многолѣтнее государево здоровье чаши пивали. Учините и вы также, чтобъ мнѣ не сомнительно было при моей скорби. А если не сдѣлаете такъ, то мнѣ будетъ видѣться, какъ бы отъ его царскаго величества ко мнѣ немилость“. Послы согласились. Столы накрыли близъ постели гетмана. Съ гостьми сѣла жена Хмельницкаго, дочь его Катерина Выговская, писарь и асаулъ.

Въ половинѣ обѣда гетманъ привсталъ, приказалъ себя поддерживать, велѣлъ подать серебрянный кубокъ съ венгерскимъ и проговорилъ желаніе здравія царю, царицѣ, царевичу, царевнамъ, милостивому заступнику и ходатаю Никону, назвавши его архіепископомъ, всему освященному собору, боярамъ, думнымъ людямъ, христолюбивому воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Онъ изъявилъ желаніе, чтобы Господь Богъ

покорилъ подъ ноги великаго государя не только иновѣрцевъ, еретиковъ, но и самаго поганина, бусурмана, туркскаго салтана.

Въ изнеможеніи онъ упалъ на постель и уже болѣе въ этотъ день не подымался.

На другой день посланники царскіе требовали черезъ писаря, чтобъ гетманъ ихъ выслушалъ. Напрасно писарь говорилъ, что гетманъ, по крайней болѣзни, никакъ не можетъ слушать и отвѣчать. Послы твердили, что они присланы отъ своего государя на скоро. Писарь ходилъ два раза къ гетману и приносилъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что гетманъ не можетъ слушать и отвѣчать но пригласитъ ихъ, какъ только ему легче станетъ.

Тогда московскіе послы принялись выпытывать писаря, восхваляли его службу и вѣрность и спрашивали: зачѣмъ Хмельницкій сносится со шведами, Ракочи и господарями, и о чемъ ссылаются?

Писарь глянулъ на образъ Спасителя, перекрестился и увѣрялъ, что ни въ гетманѣ, ни въ войскѣ запорожскомъ нѣтъ шатости, но какъ стали говорить, будто царь отдаетъ Украину Польшѣ, а поляки стали подсылать къ турецкому султану, крымскому хану, венгерскому королю и шведскому, чтобъ они вмѣстѣ съ ними разоряли казаковъ, такъ гетманъ посылалъ къ сосѣднимъ государямъ, чтобъ имъ быть съ войскомъ запорожскимъ въ братской дружбѣ.—„Это все—говорилъ писарь—дѣлалось не для чего иного, только на славу, и честь и хвалу великаго государя. А полковникъ Антонъ ходилъ съ войскомъ на поляковъ не для того, чтобъ Ракочи быть на польскомъ престолѣ, а для того, чтобъ

общіе непріятели поляки не воевали подданныхъ его царскаго величества.

„Великое подивленіе намъ — сказали послы: —что у гетмана ссылки и соединеніе и доброхотѣніе съ царскими непріятелями и безъ воли и повелѣнья царскаго чинится непріятелямъ его царскаго величества вспоможенье.

Потомъ послы объяснились о томъ же съ писаремъ и сыномъ Хмельницкаго вмѣстѣ, и говорили имъ рѣчь по наказу. Вспоминая прежнія страданія православной вѣры, послы сказали: „а какъ корона польская вкупѣ съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ будутъ въ подданствѣ у царскаго величества, тогда вѣра благочестивая будетъ множиться, и то будетъ на хвалу всемилостивому Богу, а вамъ на вѣчную и непосмертную славу“. Здѣсь то и заключалась разница взглядовъ, какіе имѣли на тогдашнія обстоятельства въ Москвѣ и въ Украинѣ. Въ Москвѣ думали что обезпеченіе православной вѣры и независимость русскаго народа можетъ быть достигнута мирными способами; въ Украинѣ находили въ тѣхъ же способахъ величайшее препятствіе общей цѣли.

Между прочимъ, послы, излагая по обычаю, предъидущую исторію сношеній, сказали, что Самойло Богдановичь и Тетеря, бывши послами отъ войска запорожскаго въ Москвѣ, по присоединеніи Малой Россіи, договорились, чтобы московскіе воеводы были въ городахъ: Черниговѣ, Переяславлѣ и Нѣжинѣ.

9 Іюня москвичей позвали къ Хмельницкому. Бутурлинъ говорилъ ему такъ:

„Обѣщались вы въ святой Божьей церкви по непороч-

ной христовой евангельской заповѣди передъ святымъ евангеліемъ служить и быть въ подданствѣ у великаго государя во всей его волѣ и послушаньѣ, добра хотѣть и искать лучшаго, а по нынѣшнему вашему начинанію ваше обѣщаніе и доброхотѣніе и исканіе лучшаго переносится отъ царскаго Величества на Ракоцу. Нынѣ мы слышимъ, что ты съ войскомъ запорожскимъ соединился съ непріятелемъ его царскаго величества свейскимъ Карломъ Густавомъ, и, за вспоможеньемъ войска запорожскаго, онъ взялъ много городовъ и присовокупилъ къ свейскому королевству. Ты велѣлъ, гетманъ, полковнику Антону Жданову чинить вспоможенье свейскому королю. Это ты чинишь, забывши страхъ Божій и присягу свою. Вамъ слѣдуетъ или великому государю служить и промышлять, чтобъ Господь Богъ по милости своей учинилъ и прославилъ нашего государя на польской коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и присовокупилъ эти государства къ московскому государству, а съ такими еретиками, какъ кальвины, соединеніе,—отъ Бога отчужденіе".

Открытый и прямой гетманъ не сталъ вилять и увертываться подобно своему писарю. Слова московскаго посла разсердили его. Онъ съ жаромъ отвѣчалъ:

„Я не буду никогда отлученъ отъ шведскаго короля. У насъ давняя дружба, пріязнь и згода — уже больше шести лѣтъ, какъ еще мы не были въ подданствѣ у царскаго величества. Шведы люди правдивые, они сдерживаютъ слово свое; а царское величество учинилъ надо мною и надъ всѣмъ войскомъ запорожскимъ свое немилосердіе: помирился съ поляками, хотѣлъ насъ отдать въ руки полякамъ. И теперь слухъ до насъ доходитъ,

что царское величество изволилъ послать изъ Вильны на вспоможеніе ляхамъ двадцать тысячъ войска противъ насъ, и шведскаго короля и Ракочи. А мы какъ еще и въ подданствѣ не были у царскаго величества, такъ ему служили и добра хотѣли, крымскаго хана уговаривали, девять лѣтъ не допускали его разорять украинные города царскіе, а ужъ бы они снеслись съ ляхами на разореніе Московскаго Государства. Все это я дѣлалъ служа царскому величеству. И нынѣ мы не отступаемъ отъ высокой руки его, какъ вѣрные подданные, и пойдемъ на войну на непріятелей царскихъ, на бусурмановъ, хоть бы въ нынѣшней скорби мнѣ въ дорогѣ и смерть случилась; для того повеземъ съ собою и гробъ. А вотъ, что вы говорите, будто я приказывалъ Самойлѣ и Тетерѣ, чтобы царскіе воеводы были въ Черниговѣ, Нѣжинѣ и Переяславлѣ и собирали царскіе доходы, такъ этого не было; съ бояриномъ Бутурлинымъ мы договаривались, чтобъ были воеводы только въ Кіевѣ, чтобы всѣ окрестные государи вѣдали наше подданство, что въ стародавней столицѣ великихъ князей россійскихъ есть воевода царскаго величества. Доходы у насъ небольшіе: что присылается, то расходится на пословъ и посланниковъ разныхъ государствъ и на войсковыя потребы. Я никогда не былъ разорителемъ христіанской вѣры, бусурманы-татары меня слушали, бились и кров проливали за церкви Божіи и православную вѣру. Великому государю, царскому величеству во всемъ воля: онъ монархъ великій; только то мнѣ диво, що ему бояре *доброго ничого не порадятъ*; короною польскою еще не овладѣли, мира въ совершеніе еще не привели, а ужъ съ другимъ панствомъ со шведами войну начали! Швед-

скій король сильно укрѣпился со всѣми тамъ курфирстами графами и вольными князьями, что ему помогали на цезаря римскаго воевать, и шестнадцать земель съ нимъ въ соединеніи. Да кабы я не соединился со шведами пріязнію и дружбою, то поляки сошлись бы со всѣми тѣми, съ кѣмъ у насъ теперь згода: со шведами, съ Ракочи, съ волохами, съ мультанами, съ крымскими татарами, и насъ, подданныхъ царскаго величества, побили бы и пожгли и пусто учинили. Царскіе войска на вспоможенье къ намъ скоро бы не подоспѣли, *и ми-бъ усі марно згинули*, не радостно же было бы россійскому государству".

На это отвѣчалъ ему Бутурлинъ:

„Гетмане, говорить тебѣ такіе непристойныя рѣчи стыдно. Бога надобно помнить и присягу свою, какъ обѣщался великому государю служить и прямить и всякаго добра хотѣть; надобно памятовать милость царскую и отъ непріятелей оборону и искать ему, государю, всего лучшаго. А нынѣ, за вспоможеньемъ войска запорожскаго по твоему повелѣнію, свейскій король и венгерскій Ракоца побрали многіе города коруны польской и неизреченное богатство пошарпали и присовокупили къ государствамъ своимъ. Вы же помогаете непріятелю царскаго величества, разоряете и грабите коруну польскую, на которую обрали нашего государя, вы проливаете кровь христіанскую, церквамъ Божіимъ и нашимъ православнымъ христіанамъ чинится великое разореніе и оскверненіе, чего и слышати страшно. Блюдитесь, чтобъ вамъ, за такія неправды, не навести на себя праведнаго гнѣва Божія. Какъ великій государь нашъ изволилъ наступить на непріятелей вашихъ на польскихъ и

литовскихъ людей и какъ поляки побѣдою и одолѣніемъ царскаго величества учинились безсильны, такъ подъ часъ ихъ упадка много у васъ друзей стало на разоренье, грабежъ и шарпанину. А когда эти же непріятели ваши были вамъ сильны и страшны, тогда никто вамъ не помогалъ: только нашъ великій государь. Какъ вамъ отъ непріятелей было тѣсно, такъ ты гетманъ, пословнѣе говорилъ съ посланными царскаго величества, а нынѣ говоришь съ большими пыхами, невѣдомо по какой мѣрѣ. Помнишь, какъ я приходилъ къ тебѣ съ ратными людьми на помощь и оборону отъ непріятелей вашихъ поляковъ и крымцевъ? Ты былъ тогда добрѣ низокъ и къ намъ держалъ большую любовь. Платье держать надобно разноличное, а слово неотмѣнное. Свейскаго короля Карла Густава предъ великимъ государемъ многія неправды и нарушеніе вѣчнаго докончанія тебѣ самому вѣдомы: не то что великому государю, помазаннику Божію невозможно было терпѣть, ты, простой человѣкъ, не утерпѣлъ бы, еслибъ тебѣ кто нибудь такую досаду учинилъ. Служба твоя у великаго государя никогда забвенна не будетъ. И теперь великій государь держитъ тебя въ своей милости и чести и впередъ будь надеженъ на царскую милость, только непристойныя и высокія мѣры отложи. У его царскаго величества и въ мысли того не было, чтобъ васъ отъ своей руки отлучать и отдавать въ подданство польскому королю. А что будто царь хотѣлъ изъ Вильны послать на васъ двадцать тысячъ рати, такъ это говорили тебѣ на ссору; не вѣрь этому“.

„Я вѣрный слуга царскаго величества и никогда не буду отлученъ отъ его высокой руки; памятна мнѣ обо-

рона, какую мы видѣли на Дрыжиполѣ, и мы за то готовы не щадить головъ своихъ противъ непріятелей царскихъ, только теперь дайте покой; обо всемъ подумавши, въ иное время отвѣтъ вамъ учинимъ, а я въ тяжкой болѣзни страдаю еще больше отъ этой трудности, належащей на меня: говорить не могу". Онъ велѣлъ накрыть столъ. „Пожалуйте—сказалъ онъ московскимъ посламъ—по пріятельски ѣсть у меня въ домѣ, чѣмъ Богъ послалъ".

Тогда вышли изъ комнаты жена его и дочь, подчивали гостей и сѣли за столъ; кромѣ прежнихъ лицъ обѣдали на этотъ разъ Юрій и зять Хмельницкаго Данило Выговскій.

Въ этомъ объясненіи москвичей съ украинскимъ гетманомъ выказалось наглядно различіе юга и сѣвера Руси. Раздѣленныя въ продолженіи многихъ вѣковъ половины русскаго міра не могли, при одинаковыхъ цѣляхъ и стремленіяхъ, скоро сойтись и понять другъ друга. А главное, Москва не могла понять, что можно быть истинно русскимъ и вмѣстѣ свободнымъ человѣкомъ, вѣрнымъ подданнымъ государя и говорить прямо правду.

На другой день Выговскій пріѣхалъ къ посламъ и сказалъ:

„Панъ гетманъ велѣлъ вамъ сказати добры день и спросить о вашемъ здоровьѣ: а если вчерашняго дня вамъ выгоды не было, *не майте того за зле*; гетманъ очень болѣнъ, только порадовался тому, что вы у него въ дому хлѣбъ ѣли; *пробачьте* ему, что онъ въ тяжкой своей болѣзни запалчиво съ вами говорилъ; онъ въ скорби своей теперь на всѣхъ сердится, такой у него

нравъ, и насъ всѣхъ бранитъ: за что нибудь малое такъ разсердится, что и подойти къ нему нельзя".

Посланники опять стали выпытывать писаря и, лаская его, говорили:

„Писарь Иванъ Выговскій! помни къ себѣ милость и жалованье государя нашего, служи, работай ему истиннымъ сердцемъ и правою душею безъ всякой хитрости и обмана, а служба твоя не будетъ забвенна у царскаго величества"

Писарь воспользовался этимъ, и, наговоривши краснорѣчивыхъ увѣреній въ своей вѣрности, сказалъ: „Я гетмана и полковниковъ укрѣпляю и отъ шатости отвожу, а на знакъ своей истинной службы и вѣрнаго подданства, я теперь женился на дочери Богдана Статкевича, благочестивой христіанской вѣры: есть у него маетности въ Оршѣ, такъ пусть бы государь пожаловалъ— велѣлъ эти маетности отдать женѣ моей и мнѣ, а я ему вѣрный слуга до кончины живота, какъ началъ служить и работать, такъ и на вѣкъ буду. Есть государева милость и жалованье къ иной шляхтѣ, что государю и не служивала".

„Нашъ милосердый государь—отвѣчали послы—всѣхъ жалуетъ по своему разсмотрѣнію и по ихъ заслугѣ".

Они опять стали требовать, чтобы гетманъ ихъ выслушалъ, есть у нихъ другія дѣла.

Еще не получили они отвѣта отъ гетмана, какъ вдругъ узнаютъ, что пріѣхалъ къ гетману шведскій посолъ и затѣмъ посолъ отъ Ракочи. Хотѣлось знать имъ зачѣмъ пріѣхали они и о чемъ толковали, выпытывали гетманскихъ челядниковъ, подкупали двумя парами соболей подписковъ гетманской канцеляріи, но ничего поло-

жительнаго не узнали, стали допрашивать писаря, но Выговскій увѣрялъ ихъ, что ни о чемъ больше не толковали, кромѣ только о любви и пріязни съ войскомъ запорожскимъ. 13 іюня московскихъ пословъ пригласили опять къ гетману.

Гетманъ говорилъ имъ по малороссійски; и въ такомъ видѣ, съ ошибками въ языкѣ передали рѣчь его московскіе посланники.

Сперва онъ просилъ, чтобъ царь не вѣрилъ тѣмъ, которые оговориваютъ его и казаковъ.

„А что мы прибрали себѣ въ товарищи шведа и Ракочи,—сказалъ потомъ Хмельницкій—такъ это мы сдѣлали ради страха, оттого что ляхи задавали намъ великія фантазіи: увѣряли насъ подъ клятвою, что его царское величество насъ возвращаетъ ляхамъ! Да еще и того ради мы такъ поступали, чтобъ ляхи не соединились со шведами и Ракочи на наше разореніе. Мы никогда не желали и не желаемъ, чтобъ они обладали польскою короною. Пусть его царское величество изволитъ помириться со шведомъ. Мы чаемъ, что шведъ будетъ согласенъ на мирный договоръ. А если не такъ, то въ то время мы иной способъ учинимъ со шведомъ. Теперь же слѣдуетъ привести къ концу начатое дѣло съ ляхами: наступить на нихъ съ двухъ сторонъ,—войско его царскаго величества съ одной, а шведскаго короля войско съ другой, и бить ляховъ, чтобъ ихъ до конца искоренить, и не дать имъ соединиться съ посторонними государствами. Мы достаточно знаемъ: хоть они на словахъ и выбирали нашего государя на польское королевство, да на дѣлѣ этого никогда не будетъ. Они это задумали по лукавому

умыслу—для своего успокоенія, чтобы, пока живъ ихъ король Янъ Казимиръ, усилиться и соединиться съ посторонними государствами, а потомъ воспротивиться. Есть свидѣтельство, обличающее ихъ лукавство: письма ихъ къ турецкому цезарю, которыя я отправилъ къ великому государю съ посланцемъ своимъ Ѳедоромъ Коробкою".

Трудно было москвичамъ возразить на эту правду. Окольничій припомнилъ, какъ во время похода 1655 вмѣстѣ съ бояриномъ Бутурлинымъ, Хмельницкій не велѣлъ брать приступомъ Гусятина и Львова. „Тогда—замѣтилъ онъ—ты говорилъ, еслибъ поддались государю не то, что поляки—хоть бы бусурманы или жиды, не надобно ихъ тѣснить, а держать ихъ въ милости и береженьѣ, да еще приводилъ въ примѣръ шведскаго короля, какъ онъ, наступая на коронные города, не бралъ городовъ приступомъ, не жегъ селъ и деревень, не убивалъ и не бралъ въ плѣнъ людей, и не оскорблялъ тѣхъ, которые ему добровольно поддавались. А теперь? Поляки сами пожелали быть подъ государевою рукою, да отъ вашего гоненія и тѣсноты придется имъ поддаться шведскому королю или Ракочи. Вотъ и черкасы полка Ива́на Нечая чинятъ разоренье шляхтѣ, которая присягала государю на вѣчное подданство".

„Я не для того—отвѣчалъ Хмельницкій не велѣлъ брать города приступомъ, чтобъ ляховъ оберегать, а для того, что въ этихъ городахъ было много православныхъ христіанъ. Думалось такъ, чтобъ сдѣлать главное дѣло: разбивши кварцяное войско и гетмановъ, идти далѣе въ Польшу добывать тѣ города, въ которыхъ ляхи живутъ и приводить ихъ въ подданство великому государю; да

не захотѣли тогда слушаться нашего замысла—пошли за шарпаниною и гонялись за корыстью. Со Львова что я взялъ, то все роздано бѣднымъ ратнымъ людямъ сами мы ничѣмъ не покорыстовались. Да я хоть бы съ ума сошелъ, такъ не велѣлъ бы убивать изъ пушекъ единовѣрныхъ православныхъ христiанъ".

Относительно Нечая, Хмельницкiй объяснилъ, что онъ не знаетъ объ этомъ и пошлетъ сдѣлать сыскъ и прикажетъ казнить виновныхъ.

Тогда разговоръ обратился къ другимъ дѣламъ меньшей важности. Между прочимъ, посланники требовали, чтобы въ городѣ Кiевѣ были отведены дворовые мѣста для поселенiя великорусскимъ стрѣльцамъ. Малоруссамъ это было не по нутру; имъ вовсе не хотѣлось, чтобъ москали, съ которыми они сильно разнились въ нравахъ селились въ ихъ землѣ.

„Трудно поселить—сказалъ Хмельницкiй—на чужихъ земляхъ. Это значитъ право поломать".

Писарь, потакая гетману, сказалъ:

„Если отнять стародавныя мѣста, которыя даны отъ прежнихъ великихъ князей русскихъ и польскихъ королей къ церквамъ, или собственные домы и земли казаковъ и мѣщанъ,—отъ этого можетъ быть лютая бѣда. Какъ бы не навести намъ того же, какъ ляхи у гетмана отняли стародавнюю маетность его Суботово, да и до сихъ поръ за эту кривду кровь льется"!

„Надивиться не можемъ—сказали послы—вы не только своимъ челядникамъ строите покои, но и псамъ конуры, и лошадямъ конюшни, и скотинѣ стойла, а царскаго величества ратные люди, будучи на услугѣ царскаго величества, не имѣютъ гдѣ главы подклонить.

Какъ это вы Бога не боитесь и стыда у васъ нѣтъ! А тебѣ, писарь, и тебѣ, асаулъ, не годится приставлять къ гетмановымъ словамъ и говорить такъ шумно. Это обычай негодныхъ людей".

Гетманъ, чтобы прекратить такой разговоръ, сказалъ:

„Я, въ Кіевѣ давно не былъ; подумаемъ какъ сдѣлать и извѣщу васъ черезъ писаря и асаула".

На другой день Выговскій извинился передъ послами и говорилъ:

„Не держите на меня досады за то, что я вчерашній день говорилъ: это я дѣлалъ по гетманову приказу; мимо его приказанія иначе, мнѣ нельзя было говорить. Всѣхъ пуще въ томъ дѣлѣ помѣха Ковалевскій ассаулъ; онъ передъ гетманомъ о томъ со мною споръ чинитъ. Ему какой нибудь подарокъ дать, чтобъ онъ въ томъ дѣлѣ помѣхи никакой не дѣлалъ".

Послы успѣли коечто выпытать черезъ подписковъ гетманской канцеляріи и нѣкоторыхъ лицъ и на основаніи полученныхъ свѣдѣній доносили царю, что у гетмана съ Ракочи договоръ на томъ, чтобы всѣ русскіе города по рѣку Вислу, гдѣ жили русскіе люди и были благочестивыя церкви, присоединить къ городамъ войска запорожскаго, остающагося подъ властію царскаго величества. Ракочи хочетъ быть на польскомъ королевствѣ, но гетманъ этого не хочетъ; гетманъ хочетъ, чтобы ни Ракочи, ни шведскій король не именовались польскими королями, чтобы короны польской не было вовсе, такъ какъ будто она никогда и не бывала, а города коронные подѣлить между собою за промыселъ военный, гдѣ кому сручнѣе. Ракочи не согласенъ, а шведскій король во всемъ полагается на волю гетмана.

Гетманъ, сохраняя вѣрность царю, долженъ былъ послать приказаніе казакамъ оставить Ракочи, а другихъ казаковъ отправить на помощь Польши. Но прибѣгая къ послѣдней мѣрѣ, онъ черезъ писаря просилъ дозволенія послать къ шведскому королю съ тѣмъ чтобы помирить его съ государемъ и заставить его уступить русскому государю, а потомъ обратить союзное оружіе на уничтоженіе Польши. Ему не суждено было узнать отвѣтъ московскаго правительства на эту просьбу [39]).

Въ іюнѣ въ Чигиринъ явился снова Беньйовскій съ смоленскимъ кастеляномъ Людовикомъ Евлашевскимъ. Въ инструкціи Беньйовскому предоставлялась полная власть заключить договоръ съ Хмельницкимъ и составить актъ, съ приложеніемъ съ обѣихъ сторонъ печатей. Король обѣщалъ за себя и за всѣ чины Рѣчи Посполитой принять и хранить свято и ненарушимо все, что будетъ постановлено съ Беньйовскимъ. Отъ Хмельницкаго требовалось отказаться отъ гибельнаго для Польши договора съ Ракочи и шведами, и послать на помощь полякамъ десять тысячъ войска на первый разъ [40]). Украинскій лѣтописецъ говоритъ, что король прислалъ гетману письмо такого содержанія: „Я знаю, благородный гетманъ твой умъ и надѣюсь, что ты уже удовольствованъ мщеніемъ за обиды, которыя сдѣланы русскому народу. Простри же великодушно руку примиренія и подай помощь падающей Польшѣ, которая была и твоимъ отечествомъ. Ты главная причина бѣдствія Польши: теперь,

---

[39]) Акты Ю. и З Р. стр. 554—599.

[40]) Памят. кіевск. комм. III. 3. 153—160.

быть-можетъ, шведы и венгры раздерутъ ее! Я не прибѣгаю къ суетнымъ средствамъ, не приглашаю наемнаго войска изъ итальянцевъ, французовъ, нѣмцевъ: я обращаюсь къ тебѣ, къ войску казацкому, ко всему мужественному русскому народу. Отъ васъ началось Польшѣ разореніе, пусть же отъ васъ послѣдуетъ и спасеніе"! [41]).

Хмельницкій заплакалъ, прочитавъ эти воззванія, призывалъ имя Бога во свидѣтели, что не желаетъ кровопролитія, прославлялъ имя Яна Казимира и обѣщалъ дѣйствовать для спасенія Польши.

— Для чего же,—замѣтили посланники:—не дождавшись коммиссаровъ, заключенъ союзъ съ Ракочи? для чего Антонъ Ждановичь и Зеленскій разоряютъ теперь съ врагами Королевство Польское?

„Хмельницкій,—по замѣчанію польскаго историка,—хотя уже приближался къ смерти, однако не оставилъ своей привычки хитрить".

— Союзъ съ Ракочи? — говорилъ онъ съ видомъ удивленія:—старымъ врагомъ казаковъ? убійцею моего сына?—никогда! Казаки, помогающіе Ракочи, дѣйствуютъ самовольно; они достойны казни: я отзову ихъ немедленно, если только преступная совѣсть сохраняетъ еще какое-нибудь уваженіе къ власти. Но что дѣлать: власть гетмана ограничена; я не могу поступать вопреки народной радѣ [42]).

Тогда коммиссары опредѣлили границы Украины такимъ образомъ:

---

[41]) Истор. о през. бр

[42]) Annal. Polon. Clim. 217—218.

Отъ устья Днѣстра, вверхъ по Днѣстру, до границъ Покутья, оттуда на сѣверъ до вершины рѣки Горыни (рѣка Горынь служила границею до самаго впаденія ея въ Припеть), оттуда граница шла къ старому Быхову. Неизвѣстно, эта граница шла прямо ли сухопутьемъ отъ устья Горыни, или по теченію Припети до впаденія ея въ Днѣпръ, а потомъ вверхъ по Днѣпру. Слѣдуетъ принять второе предположеніе, потому-что, вопервыхъ, это были бы естественныя границы, а вовторыхъ, потому, что королю не для чего было отдавать казакамъ значительную полосу Литвы, гдѣ не было казаковъ, и которая, притомъ, не была населена народомъ южнорусскимъ и, слѣдовательно, не могла быть предметомъ требованій Хмельницкаго. Отъ стараго Быхова граница шла черезъ Днѣпръ, вдоль рѣки Сожи до вершины ея, или до Рославля, оттуда она спускалась внизъ до Чернаго моря, но неизвѣстно по какому именно направленію и что служило для обозначенія ея; вѣроятно, такъ какъ здѣсь граница украинская прилегала къ Москвѣ, то принималась та граница, которая прежде отдѣляла земли польскаго королевства отъ земель московскаго царства. Съ юга Украина граничила Чернымъ моремъ отъ Днѣпра до Днѣстра. Такъ изображаетъ ее украинскій лѣтописецъ [43]). Польскіе историки не упоминаютъ объ этомъ и очень понятно почему: нѣкоторые могли не знать этого, а Коховскій, который одинъ говоритъ о посольствѣ въ это время, не сказалъ о границѣ, хотя бы и зналъ, по при-

---

[43]) Истор. о през. бр.—Эта лѣтопись говоритъ, что границы эти были обозначены со стороны Польши, не Беньйовскимъ, но Мястковскимъ и Киселемъ.

вычкѣ умалять и скрывать то, что служило къ безчестью его отечества, тѣмъ болѣе, что писалъ уже послѣ смерти Яна Казимира: онъ бы тѣмъ уменьшилъ право Польши на эти земли, которыя, впослѣдствіи, опять сдѣлались ея достояніемъ. Но границы между Польшею и Украиною дѣйствительно въ это время были установлены; это доказываютъ современные акты [44]). Въ сказаніи украинскаго лѣтописца остаются неясности, въ особенности относительно линіи по протяженію отъ Днѣстра до вершины Горыни. Эти границы были неясны и для тѣхъ, которые ихъ обозначали, потому что, по смерти Хмельницкаго, поляки роптали на казаковъ за то, что они овладѣли страною между Случью и Горынью, утверждая, что эти западныя границы Украины по договору должны оканчиваться Случью; казаки же, напротивъ, ссылаясь на тотъ же договоръ, увѣряли, что эта граница ихъ—Горынь и въ то же время захватили страну и по другую сторону Горыни [45]). Между тѣмъ, обозначая границу Украины Горынью, Хмельницкій имѣлъ притязаніе на Пинскъ, лежавшій за предѣлами Украины. Передъ прибытіемъ Беньйовскаго, жители пинскаго повѣта черезъ своего повѣтоваго маршала поддались добровольно Хмельницкому, и гетманъ послалъ туда для принятія владѣнія казацкаго чиновника Грушу [46]) и даровалъ пинскому повѣту жалованную грамату. Въ ней онъ предоставлялъ свободное отправленіе римско-католическаго богослуженія и гражданскія права католиковъ,

[44]) Памятн. кіевск. комм. III. 3. 168, 171, 178.

[45]) Памятн. кіевск. комм. 3. III. 190—191.

[46]) Ibid. 190, 162, 164.

обѣщалъ никого не принуждать къ принятію греческой вѣры, не уменьшать и не отнимать церковныхъ имѣній, если только они были захвачены у православныхъ церквей, но не позволялъ существовать уніи и всѣмъ чужимъ сектамъ. Онъ утверждалъ наслѣдственныя ленныя пожалованныя королями имѣнія за владѣльцами, если они дадутъ присягу въ вѣрности, но предоставлялъ всѣ королевскія имѣнія для доходовъ въ пользу свою, постановлялъ что впередъ такія имѣнія не будутъ отдаваться въ пользу обывателямъ; тѣмъ же, которые владѣли уже ими пожизненно, позволялъ пользоваться только до смерти, а потомъ они должны быть отобраны правительствомъ. Вообще Хмельницкій утверждалъ привилегіи, льготы и суды шляхетскаго сословія, какъ они были при польскихъ короляхъ, но предоставлялъ себѣ право измѣнять и сокращать судопроизводство, чтобъ избавить шляхту отъ судебныхъ издержекъ. Нѣкоторыя гражданскія должности въ повѣтѣ были выборныя, но гетманъ долженъ былъ утверждать ихъ; остальныя давались по назначенію гетмана. съ представленія мѣстнаго начальства. Полковники иазначались полною властью гетмана и опредѣляли полновластно низшихъ чиновъ [47]).

Беньйовскій протестовалъ противъ присоединенія Пинска. Хмельницкій ссылался на желаніе пинскихъ обывателей, добровольно ему поддавшихся. Договоръ съ Польшею былъ подписанъ, но предварительный; окончательное утвержденіе его и разрѣшеніе вопроса относительно Пинска

---

[47]) Ibid 145, 152.

и другихъ статей оставлены до генеральнаго тракта, который долженъ составиться на сеймѣ. Миръ заключенный между Польшею и Украиною, поляки назвали только перемиріемъ; но Беньйовскій заключилъ его съ Хмельницкимъ какъ уполномоченный отъ Польши; король обѣщалъ за себя и за всѣ чины Рѣчи Посполитой не противиться тому, что постановлено будетъ Беньйовскимъ. Это давало договору видъ твердаго, незыблемаго постановленія.

Вмѣстѣ съ польскими коммиссарами были у Хмельницкаго послы отъ крымскаго хана [48]). Гетманъ примирился съ Махметъ Гиреемъ; оба народа возобновили прежній союзъ, и Хмельницкій уступилъ крымскому хану всю полосу земли отъ днѣпровскаго лимана до Міуса. Татарамъ предоставлено было кочевать на этой степи и ходить стадами безъ всякаго препятствія со стороны казаковъ. Татары же обязались доставлять свободный путь въ Черное море украинскимъ купцамъ. Договоры съ поляками и крымцами были утверждены на всеобщей радѣ [49]).

Среди угощеній и пиршествъ, Беньйовскій заговорилъ о царѣ.

— Что мѣшаетъ вамъ говорилъ онъ: — сбросить покровительство московское. Царь никогда не будетъ польскимъ королемъ въ Польшѣ! Соединимся съ нами, старыми соотечествинниками, какъ равные съ равными,

---

[48]) Истор. о през бр.—Annal. Polon. Clim. II. 217. — Истор. Мал. Росс. II. 13.

[49]) Истор. о през. бр.

вольные съ вольными, неразрывнымъ дружескимъ союзомъ.—

— Я одною ногою стою въ могилѣ,—сказалъ Хмельницкій:—на закатѣ дней не прогнѣваю небо нарушеніемъ обѣта царю московскому. Разъ поклялся ему въ вѣрности и сохраню ее до послѣдней минуты. Притомъ же какую пользу могу принесть королю я, дряхлый старикъ? Если, вотъ этотъ сынъ мой Юрій будетъ гетманомъ, тогда никто не помѣшаетъ ему услужить королю и заслужить военными подвигами и преданностью благосклонность его величества, разумѣется, безъ вреда московскому государству, ибо какъ я, такъ и вы, избравъ его публично своимъ государемъ, какъ носятся слухи, обязаны къ нему постоянною вѣрностью [50]).

Въ присутствіи пословъ онъ послалъ предписаніе Ждановичу немедленно оставить Ракочи, подъ страхомъ наказанія, и приказалъ немедленно десяти тысячамъ казаковъ идти на помощь полякамъ. Это приказаніе дано было Хмельницкому и царемъ, вступившимся за Польшу. Начальство надъ войскомъ Хмельницкій поручилъ сыну своему Юрію, шестнадцатилѣтнему мальчику: это былъ первое его военное поприще [51]).

Но случилось такъ, что едва уѣхали польскіе послы, какъ вдругъ прибылъ гонецъ отъ Ракочи, просилъ скорѣйшей новой помощи и извѣщалъ, что онъ въ критическомъ положеніи. Шведскій король, услышавъ о нападеніи на Швецію датчанъ, покинулъ его. Седмиград-

---

[50]) Annal. Polon. Clim. II. 217.

[51]) Истор. Мал. Росс. II. 12.

скій князь узналъ, что поляки и австрійцы опустошаютъ его владѣнія, повсюду собирается войско и грозитъ ему зайти въ тылъ.

Тогда Хмельницкій написалъ Ракочи, что войско уже послано и указывалъ на тотъ отрядъ, который онъ послалъ съ сыномъ своимъ Юріемъ. Такимъ образомъ, каждой изъ двухъ непріязненныхъ сторонъ онъ предостаставлялъ думать, что отрядъ посланъ для нея. Въ тоже время онъ приказалъ казакамъ идти какъ можно медленнѣе: онъ дожидался, чѣмъ кончится война; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ приготовилъ себѣ отговорку; еслибъ побѣдилъ Ракочи, онъ могъ представлять, что послалъ войско и, слѣдовательно, не нарушилъ договора, и требовать исполненія его со стороны союзника; если побѣдятъ поляки, онъ скажетъ Яну Казимиру, что отнявъ у Ракочи казацкій отрядъ, тѣмъ лишилъ его пособія и содѣйствовалъ королю посылкою войска, которое не успѣло дойти прежде, чѣмъ война кончилась. Такъ и случилось.

Ракочи, не дождавшись помощи, двинулся въ обратный путь, преслѣдуемый Чарнецкимъ по пятамъ. Желая пройти удобнѣе, онъ бросился на Волынь, но, подъ Меджибожемъ, былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ. Чарнецкій поражалъ его съ тыла, Любомирскій возвращаясь изъ Трансильваніи, преградилъ ему дальнѣйшій путь съ многочисленнымъ войскомъ; съ одной стороны бросился на него отрядъ литовскаго войска подъ начальствомъ Сапѣги, а съ другой Потоцкій съ кварцянымъ войскомъ [52]). Въ это время казаки, полу-

[52]) Annal. Polon. Clim. I. 229.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 343.

чивъ тайное приказаніе Хмельницкаго, оставили Ракочи [53]). За ними бросились въ бѣгство и самовольно набѣжавшіе въ войско седмиградскіе украинцы, страшась гетмана. Напрасно Грондскій кинулся къ нимъ и разсыпалъ краснорѣчивыя убѣжденія.

— Скажите своему князю, отвѣчалъ Ждановичъ: — что уже теперь нечего и думать о сраженіи, а надобно искать какъ нибудь спасенія. Князь ничего лучше не выдумаетъ, если побросаетъ всѣ орудія и заранѣе убѣжитъ хоть съ остатками войска въ наши стороны. У насъ много молодцовъ: проведутъ его домой.

Войско казацкое пошло въ отечество спокойно, въ виду поляковъ, которые не преслѣдовали его [54]).

Видя совершенную погибель, Ракочи струсилъ и послалъ къ Чарнецкому просить мира.

„Пусть прежде перестанетъ бѣжать (отвѣчалъ Чарнецкій) и подождетъ насъ всѣхъ: тогда на обнаженныхъ сабляхъ поговоримъ объ обидахъ и мирѣ [55]). Гнусно покупать миръ венграмъ, а полякамъ продавать. Нечего толковать о золотѣ, когда въ рукахъ желѣзо [56]).

Но гораздо снисходительнѣе были Потоцкій и Любомирскій: они согласились на переговоры, запретили Чарнецкому, къ его крайней досадѣ, нападать на непріятеля, и 23 іюля заключили договоръ. Ракочи отказался отъ своихъ притязаній, возвратилъ все награбленное и обѣщался заплатить милліонъ злотыхъ за убытки

---

[53]) Annal. Polon. Clim. II. 223.
[54]) Histor. belli. cos. Polon. 420.
[55]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 343.
[56]) Annal. Polon. Clim. II. 231.

на войско; сверхъ того, онъ далъ въ подарокъ вождямъ двѣсти тысячъ злотыхъ. Это-то было причиною, что предводители пощадили его, потому что въ то время и казна была въ истощеніи, и кошельки панскіе пусты [57]). Поляки обязались охранять его отъ татаръ, которые поспѣшали на помощь полякамъ. Но на восьмой день послѣ договора остатки войска Ракочи встрѣтилъ ханъ съ огромнымъ войскомъ, ударилъ на нихъ и разбилъ такъ, что самъ Ракочи съ пятьюстами едва ушелъ отъ плѣна, спасенный единственно милостью Любомирскаго: главнокомандующій Ракочи Кимени, попался въ неволю [58]). Но и въ отечествѣ не ушелъ отъ печальнаго конца нашъ искатель приключеній. Турецкій дворъ лишилъ его седмиградскаго княжества, къ удовольствію подданныхъ, которые злились на него за набѣгъ на Польшу; за него они потерпѣли разореніе отъ поляковъ и союзниковъ ихъ, австрійцевъ [59]). Воспользовавшись побѣдою, Янъ Казимиръ возвратилъ себѣ Краковъ.

Время смерти Хмельницкаго означено современниками различно. Писарь Выговскій въ письмѣ къ путивльскому воеводѣ Зюзину говоритъ, что гетманъ „отошелъ съ сего свѣта дня 27 іюля“ [60]). Лѣтопись самовидца [61]) пишетъ, что онъ умеръ: „о успеніи св. Богородицы“. Согласно съ нимъ и другіе украинскіе лѣтописцы оз-

[57]) Histor. belli cosac. polon. 442.
[58]) Dzieje pan. Jan. Kazim.
[59]) Annal. Polon. Clim. II. 231.
[60]) Акты Ю. и З. Р. т. IV стр. 3.
[61]) Стр. 27.

начаютъ днемъ смерти Хмельницкаго 15 августа. Указываютъ даже время дня, въ которое гетманъ скончался, именно въ полдень [62]). Вопросъ трудно разрѣшимый. Само собою разумѣется, что Выговскому были вполнѣ извѣстны обстоятельства этого событія; гетманъ вѣроятно испустилъ духъ въ его присутствіи. Съ другой стороны однако, трудно представить, чтобы день такого событія, которое потрясло всю Украину, не запечатлѣлся вѣрно въ памяти современниковъ.

Богданъ скончался въ Чигиринѣ, но по свидѣтельству одного лѣтописца онъ сказалъ передъ смертью: „Я не желаю лежать въ Чигиринѣ. Чигиринъ былъ долго подъ господствомъ враговъ русскаго народа: похороните меня въ Суботовѣ, которое я пріобрѣлъ кровавыми трудами, изъ котораго потомъ, когда его у меня отняли, возникъ пламень войны, освободившій Украину“.

23 Августа останки освободителя Руси погребли въ Суботовѣ. Рыданія народа заглушали церковное пѣніе. „То не вѣтры осенніе бушевали въ дубравѣ“ (говоритъ современная дума), то плакали и вопили казаки, погребая батька своего стараго Хмельницкаго.

Въ числѣ зрителей былъ посолъ Яна Казимира, пріѣхавшій съ новыми попытками заключить дружескій союзъ между Польшею и Украиною, и онъ съ честью провожалъ гетмана въ могилу. Домашній секретарь умершаго Зорка, произнесъ на польскомъ языкѣ погребальную рѣчь. Гробъ поставили въ каменной цер-

---

[62]) Ист. о пр. бр.—Лѣт. Грабянки 153.

кви, построенной самимъ гетманомъ [63]). Но напрасно путешественникъ искалъ бы его теперь: впослѣдствіи Чарнецкій, захватилъ Суботово, приказалъ выбросить на поруганіе кости человѣка, боровшагося противъ шляхетскаго своеволія.

---

[63]) Тамъ же. I. 288—298.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

ОБЪ ЭПОХѢ

Богдана Хмельницкаго.

1. Хмельницкій и Барабашъ.

Дума.

(1647).

Якъ изъ день—години,
Счиналися велики войни на Украині,
Оттоді-жъ то не могли обібрати,
За віру християньску одностойно стати;
Тільки обібрався Барабашъ та Хмельницький
Та Клиша (Иляшъ) Білоцерковський.
Оттоді вони одъ своихъ рукъ листы писали,
До кроля Владислава посилали.
Тоді-жъ кроль Владиславъ листи читае,
Назадъ одсилае,
У городі Черкаськомъ Барабаша гетьманомъ постановляе:
Будь ти Барабашъ, у городі Черкаському гетьманомъ,
А ти, Клиша, у городі Білои Церкві полковничимъ,
А ти, Хмельницький, у городі Чигрині хоть писаремъ військовимъ!
Оттоді-жъ небагато Барабашъ, гетьманъ молодий, гетьмановавъ,
Тільки півтора года.
Тоді-жъ то Хмельницький добре дбавъ,
Кумомъ до себе гетьмана молодого Барабаша зазивавъ,
А ще дорогими напитками его витавъ
И стиха словами промовлявъ:
«Эй пане куме, пане Барабашу, пане гетьмане молодий,
Чи не могли-бъ ми у двохъ королевськихъ листівъ прочитати,
Козакамъ козацьки порядки подавати,

За віру христіяньску одностайно стати?»
Оттоді-жъ то Барабашъ, гетьманъ молодий,
Стиха словами промовляе:
Эй пане куме, пане Хмельницький, пане писарю військовий:
На що намъ зъ тобою кролевськи листи у двохъ читати,
На що намъ козакамъ козацьки порядки давати?
Чи не лучче намъ изъ ляхами, мостивими панами,
Зъ успокоемъ хлібъ сіль по вікъ вічний уживати?»
Оттоді-жъ то Хмельницькій на кума свого Барабаша
Велике пересердие мае,
Ще красчими напитками витае.
Оттоді то Барабашъ, гетьманъ молодий,
Якъ у кума свого Хмельницького дорогого напитку напивсь,
Такъ у его и спать поваливсь.
Оттоді-то Хмельницький добре дбавъ,
Изъ правои руки изъ мезинного пальця щирозлотий перстень изнявъ,
Изъ лівои кишені ключи виймавъ,
Зъ підъ пояса шовковий платокъ висмикавъ,
На слугу свого повірного добре клікавъ—покликавъ:
«Эй слуго ти мій повіренний Хмельницького!
Велю я тобі добре дбати,
На доброго коня сідати,
До города Черкаського до пані Барабашевои прибувати,
Кралевськи листи до рукъ добре приймати,»
Оттоді-то слуга, повірений Хмельницькаго, добре дбавъ,
На доброго коня сідавъ,
До города Черкаського скоримъ часомъ пилною годиною прибувавъ
До пані Барабашевои у двіръ уіжжавъ,
У сіни увійшовъ, шличокъ изъ себе знімавъ,
У світлицю увійшовъ—низький поклонъ пославъ,

Тии значки на скамьи покладавъ,
Аще стиха словами промовлявъ:
«Эй пані, каже, ти пані Барабашева, гетьманова молодая!
Ужежъ теперъ твій панъ Барабашъ, гетьманъ молодий-
На славній Украині зъ Хмельницькимъ велики бенкети всчинають;
Веліли вони тобі сіи значки до рукъ приймати,
А мині листи королевски оддати;
Чи не могли-бъ вони изъ кумомъ своимъ Хмельницькимъ
У двохъ прочитати,
И козакамъ козацьки порядки давати?»
Оттоді-жъ то пані Барабашева, гетьманова,
Удариться объ поли руками,
Обільлется дрібними слізами,
Промовить стиха словами:
«Эй не зъ горя—біди моему пану Барабашу
Схотілось на славній Украині
Зъ кумомъ своимъ Хмельницькимъ,
Велики бенкети всчинати!
Нащобъ имъ кралевськи листи у-двохъ читати,
Не луччебъ имъ изъ ляхами
Зъ упокоемъ хлібъ сіль вични: часи уживати?
А теперъ нехай не зарікаеться Барабашъ, гетьманъ молодий,
На славній Украині огнівъ та тернівъ изгашати
Тіломъ своимъ панськимъ комарівъ годувати
Одъ кума свого Хмельницького!»
Оттоді-жъ то пані молодая Барабашевая
Стиха словами промовляе:
«Эй слуго, повіренний Хмельницькаго,
Не могу я тобі листи кралевськиі до рукъ подати,
А велю я тобі до воріть отхождати,
Кралевськи листи у шкатулі изъ землі виймати.»

Оттоді то слуга повіренний Хмелницького
Якъ сі слова зачувавъ,
Такъ скоримъ часомъ пилною годиною до ворітъ одхождавъ,
Шкатулу зъ землі зъ кралевськими листами виймавъ,
Самъ на доброго коня сідавъ,
Скоримъ часомъ пилною годиною до города Чигрина прибувавъ,
Своему пану Хмельницькому кралевськи листи до рукъ добре оддававъ.
Оттоді-то Барабашъ, гетьманъ молодій, одъ сна уставае,
Кролевськи листи у кума свого Хмельницького зоглядавъ;
Тогді-й напитку дорогого не попивае,
А тільки зъ двора тихо зъізжае,
Та на старосту свого Крачевського *) кличе, добре покликае:
«Эй старосто, каже, ти мій старосто Крачевский!
Колибъ ти добре дбавъ,
Кума мого Хмелницького живцемъ узявъ,
Ляхамъ мостивимъ панамъ, до рукъ подавъ,
Щобъ насъ могли ляхи, мостивии пани, за білозорівъ почитати».
Оттоді-то Хмельницький якъ сі слова зачувавъ,
Такъ на кума свого Барабаша велике пересердие мавъ,
Самъ на доброго коня сідавъ,
Слугу свого повіреного зъ собою забравъ.
Оттоді то припало ему зъ правоі руки
Чотирі полковники:
Первий полковниче Максиме Олшанський,
А другий полковниче Мартине Полтавський,
Третий полковниче Иванъ Богуне,
А четвертий Матвій Бороховичу.

*) Кричевскій или Кречовскій переяславскій полковникъ, выпустившій Хмельницкаго изъ-подъ ареста.

Оттоді-то вони на славну Украйну прибували,
Кролевськи листи читали,
Козакамъ козацьки порядки давали.
Тоді-то у святий день у божественний у вовторникъ,
Хмельницький козаківъ до сходу сонця пробуждае,
И стиха словами промовляе:
«Эй козаки, діти, друзі, молодці!
Прошу я васъ, добре дбайте,
Одъ сна уставайте,
Руський очинашъ читайте,
На лядськи табури наіжджайте,
Лядськи табури на три части розбивайте,
Ляхівъ, мостивихъ панивъ, у пень рубайте,
Кровь ихъ лядську у полі зъ жовтимъ піскомъ мішайте,
Віри своеи християнськоі у поругу вичні часи не подайте!
Оттоді-жъ то козаки, друзі-молодці, добре дбали,
Одъ сна уставали,
Руський очинашъ читали,
На лядськии табури наіжджали,
Лядськии табури на трі части розбивали,
Ляхівъ, мостивихъ панівъ, у пень рубали,
Кровь ихъ лядську у полі зъ жовтимъ піскомъ мишали,
Віри своеі християнськоі у поругу вічні часи не подали.
Оттоді-то Барабашъ, гетьманъ молодий, конемъ поіждаже
Плаче ридае,
И стиха словами промовляе:
«Эй пане куме, пане Хмельницькій, пане писарю військовий!
На щобъ тобі кролевськи листи у пані Барабашевої визволяти
На щобъ тобі козакамъ козацьки порядки давати?
Не лучче-бъ тобі зъ нами изъ ляхами,
Зъ мостивими панами,

Хлѣбъ-сіль зъ упокоемъ уживати?»
Оттоді-то Хмельницькій
Стиха словами промовляе:
«Эй пане куме, пане Барабашу, пане гетьмане молодий!
Якъ будешь ти міни сими словами докоряти,
Не зарикаюсь я тобі самому съ плічъ головку, якъ галку зняти,
Жону твою и дітей у полонъ живцемъ забрати,
Турському солтану у подарунку одослати.»
Оттоді-то Хмельницький якъ сі слова зговоривъ:
Такъ гораздъ добре и учинивъ
Куму свойму Барабашеві, гетьману молодому,
Зъ плічъ головку якъ галку знявъ,
Жону його и дітей живцемъ забравъ,
Турському салтану у подарунку одославъ.
Съ того-жъ то часу Хмельницький гетмановати ставъ.
Оттогді-жъ то козаки, діти, друзі молодці,
Стиха словами промовляли:
«Эй гетьмане Хмельницький,
Батю нашъ, Зиновъ Богдане Чигиринський!
Дай Боже, щобъ ми за твоею головою пили да гуляли,
Віри своеи християнськоп у поругу вічни часп не подавали!»
Господи утверди люду царського,
Народу християнського
Всімъ слушащимъ,
Всімъ православнимъ християнамъ
Пошли, Боже, много літъ.

(Метл. стр. 385).

2. ВАРІАНТЪ ПРЕДЪИДУЩЕЙ ДУМЫ.

Изъ день години,
Якъ стала тревога на Украині;
То нихто не може обібрати
За віру христіянську одностайне стати;
Тілки обібрались Барабашъ да Хмельницький,
Та Климъ Білоцерковський;
До короля выступали
Листівъ, наверсалівъ прохали.
То король наверсали писавъ,
Самому Барабашу до рукъ подававъ;
А Барабашъ листи якъ узявъ,
Три годи козакамъ знати не дававъ.
То Хмельницький тее догадавъ,
Кумомъ его до себе прохавъ, добре угощавъ.
А якъ ставъ Барабашъ на підпитку гуляти,
Ставъ ему Хмельницький казати:
«Годі тобі, пане куме, листи королевськи держати,
Дай мені хоть прочитати!»
«На що тобі, пане куме, ихъ знати?
Ми дачи не даемъ,
У війско польске не йдемъ;
Не луччебъ намъ зъ ляхами,
Мосцивими панами,
Мирно пробувати;
А ніжъ пійти лугівъ потирати,
Своимъ тіломъ комарівъ годовати?»
То Хмельницькой тее зачувавъ,

Ще луччихъ напитківъ подававъ.
То Барабашъ якъ упився,
На лижку спати звалився.
Тогді Хмельницький ключи одбиравъ,
Чуру свого до города Черкаса посилавъ;
Велівъ ключи пані Барабашевой подати,
Листівъ королевськихъ питати.
То чура до неі прибувае,
Словами промовляе;
«Пані Барабашова! твій панъ ставъ у насъ гуляти,
А тобі велівъ листи королевськи подати!»
«Де-сь моему панові лихомъ занудилось,
Що съ Хмельницькимъ гуляти схотилось!
Пійди, въ глухімъ конці підъ воритьми
Якъ одъ Брянщины да и до сего жъ то дня
Листи королевськи въ шкатулі візьми».
То чура скоро листи доставъ
День и ніч до Чигрина поспішавъ;
Тогді Барабашъ рано прочинае,
У кармани поглядае, ажъ ключівъ немае.
Вінъ старосту Кричевського пробуждае,
Двома кіньми тихо зъ двора виізжае;
Думае, гадае,
Якъ пана Хмельницького до рукъ прибрати
Ляхамъ отдати!

(Максим. укр. думы 64).

3. Угнетеніе Украины и возстаніе.

Дума.

(1648 г.)

Якъ одъ Кумівщини да до Хмелнищини,
Якъ одъ Хмелнищини да до Брянщини,
Якъ одъ Брянщины й до сего жъ то дня,
Якъ у землі кралевській да добра не було.
Якъ жиди рандари
Всі шляхи козацьки зарандовали,
Що на одній милі
Да по три шинки становили.
Становили шинки по долинахъ,
Зводили щогли по високихъ могилахъ.
Ище жъ то жиди рандари
У тому не перестали!
На славній Украіні всі козацьки торги заорандовали
Да брали мито-промито:
Одъ возового
По пивъ—золотого,
Одъ пішого пшениці по три денежки мита брали,
Одъ небораки старця
Брали кури да яйця,
Да ище питае:
«Ци нема, котикъ, сце, цого?»
Ище жъ то жиди рандари
Утому не перестали:
На славній Украіні всі козацьки церкви заорандовали.
Которому бъ то козаку, альбо мужику давъ Богъ дитину появити,
То не йди до попа благословитьця,

Да пійди до жида рандара, да положъ шостакъ, щобъ позволивъ церкву одчинити,
Тую дитину охрестити.
Ище жъ то которому бъ то козаку, альбо мужику давъ Богъ дитину одружити,
То не йди до попа благословитьця,
Да пойди до жида рандара да положъ битий тарель, щобъ позволивъ церкву одчинити,
Тую дитину одружити.
Ище жъ жиди рандари
У тому не перестали:
На славній Украіні всі козацьки реки зарандовали.
Перва на Самарі,
Друга на Саксані,
Трейтя на Гнилій,
Четверта на Пробойній,
Пята на річці Кудесці.
Который би то козакъ, альбо мужикъ исхотівъ риби зловити,
Жінку свою зъ дітьми покормити,
То не йди до пана благословитьця,
Да пійди до жида рандара да поступи ему часть оддать,
Щобъ позволивъ на річці риби зловити,
Жінку свою зъ дітьми покормити.
Тогді жъ то одинъ козакъ мимо кабакъ иде,
За плечима мушкетъ несе,
Хоче на річці утя вбити,
Жінку свою зъ дітьми покормити,
То жидъ-рандаръ у кватирку поглядае,
На жидівку свою стиха словами промовляе:
«Эй жидівочко жъ моя Рася!
Що сей козакъ думае, що вінъ у кабакъ не вступить,
За денежку горілки не купить,
Мене жида-рандара не перепросить,

Щобъ позволивъ ему на річці утя вбити,
Жінку свою зъ дітьми покормити.»
Тогді-то жидъ-рандаръ стиха підхождае,
Козака за патли хватае.
То козакъ на жида-рандара скоса, якъ ведьмидь, поглядае,
Ище жида-рандара мостивимъ паномъ узивае:
«Эй жиду», каже, «жиду-рандаре,
Мостивий пане!
Позволь мини на річці утя вбити,
Жінку свою зъ дітьми покормити.»
Тогді жидъ-рандаръ у кабакъ вхождае,
На жидівку свою стиха словами промовляе:
«Эй жидівочко жъ моя Рася!
Буть мини теперъ у Білий Церкві наставнимъ равомъ:
Назвавъ мене козакъ мостивимъ паномъ.»
Тогді-то у святий божественний день у четвертокъ,
Якъ жиди-рандари у Білую Церкву на сеймъ збирались,
Одинъ до одного стиха словами промовляли:
«Эй жиди жъ ви, жиди рандари!
Що теперъ у васъ на славній Украіні слишно?»
«Слишенъ» говорить, «теперъ у насъ гетьманъ Хмелницький:
Якъ одъ Білоі Церкви да до славного Запорожа
Не така стоіть жидівська сторожа.»
Тогді озоветця одинъ жидъ Оврамъ
(У того бувъ невеликий крамъ,—
Тілько шпильки да голки,
Що ходивъ по-за Дніпромъ да дуривъ козацьки жінки:)
«Эй жиди жъ ви, жиди рандари,
Якъ изъ Низу тихий вітеръ повіне,
Вся ваша жидівська сторожа погине.»
Тогді жъ то якъ у святий день божественний у вовторникъ
Гетьманъ Хмелницький казаківъ до сходу сонця у походъ виправлявъ

И стихи словами промовлявъ:
«Эй козаки ви, діти, друзі!
Прошу васъ, добре дбайте,
Одъ сна вставайте,
Руський *отчинашъ* читайте,
На славну Украіну прибувайте,
Жидівъ-рандарівъ у пень рубайте,
Кровъ ихъ жидівську у полі зъ жовтимъ пескомъ мішайте,
Віри своеі християнськоі у поругу не подайте,
Жидівському шабашу не польгуйте.»
Отогді-то всі жиди-рандари догадливі бували,
Усі до города Полонного повтікали
Тогді-то Хмелницький на славну Украіну прибувавъ,
Не одного жида рандара не застававъ.
Тогді-то Хмелницький не пишний бувавъ,
До города Полонного прибувавъ,
Одъ своіхъ рукъ листи писавъ,
У городъ Полонного подававъ,
А въ листахъ прописувавъ:
«Эй полоняне, полонянська громада!
Колибъ вы добре дбали,
Жидівъ рандарівъ мині до рукъ подали».
Тогді-то полоняне ему одписали:
«Пане гетьмане Хмелницький!
Хоть будемъ одинъ на одному лягати,
А не можемъ тобі жидівъ-рандарівъ до рукъ подати.»
Отогді-то Хмелницький у другий разъ листи писавъ,
У городъ Полонного подававъ:
«Эй полоняне, полонянська громада!
Нехороша ваша рада.
Есть у мене одна пушка Сирота
Одчинятця ваши залізни широки ворота.
Тогді-то якъ у святий день божественний четвертокъ
Хмелницький до сходу сонця устававъ,

Підъ городъ Поляное ближей прибувавъ,
Пушку Сироту упереду постановлявъ,
У городъ Поляного гостинця подававъ.
Тогді-то жиди рандари
Гіркимъ голосомъ заволали:
«Эй полоняне, полонянська громада!
Колибъ ви добре дбали,
Одъ Польщи ворота одбивали,
Да насъ за Вислу річку хочъ у однихъ сорочкахъ пускали!
То бъ ми за річкою Вислою пробували
Да собі дітей дожидали,
Да ихъ добрими ділами наущали,
Щобъ на козацьку Украіну и кривимъ окомъ не поглядали:
Отогді-то козакамъ у городі Полонозі дана воля на три часа съ половиною:
«Пийте—гуляйте,
Коло жидівъ рандарівъ собі здобу хорошу майте».
Тогді-то козаки у городі Полонозі пили—гуляли,
Здобу хорошо собі коло жидівъ—рандарівъ мали;
Обратно на славну Украіну прибували,
Очертомъ сідали,
Сребро й злато на три части паевали:
Первую часть на Покрову Сичовую да на Спаса Межигорського оддали,
Другу часть на меду да на оковитій горільці пропивали.
Трейтю часть междо собою козаками паевали.
Тогді-то не одинъ козакъ за пана гетьмана Хмелницького Бога просивъ,
Що не одинъ жидівський жупанъ зносивъ».

(Кулиша. Зап. о Юж. Руси. Т. I. стр. 56).

4. Желтоводская битва.

Чи не той то хмель, шчо косо тичинъ вьеться?
Гей то Хмельницкій шчо зъ ляхами бьеться.
Гей поіхавъ Хмельницкій и къ жовтому броду:
Гой не одинъ ляхъ лежить головою въ воду.
«Не пий, Хмельницкій, дуже той жовтои води:
Иде на тебе ляхівъ сорокъ тисячъ хорошои вроди».
·А я ляхіевъ не боюся и гадки не маю;
За собою потугу великую знаю;
Ище и Орду за собою веду,
А все, вражи ляхи, на вашу біду.
Утікали ляхи, погубили шуби;
Гей не одинъ ляхъ лежить вищеревши зуби.
Становили ляхи дубовии хати,
Прийдеться ляшенькамъ у Польщу втікати.
Утікали ляхівъ де-якии повки,
Ляхівъ іли собаки и сіри вовки.
Гей тамъ поле, а по полю цвіти;
Не по однімъ ляху заплакали діти!
Гей тамъ річка, річка, черезъ річку глиця,
Не по однімъ ляху зосталась вдовиця.

(Максим. Сбор. Укр. пѣсень).

---

5. Желтоводская битва.

(1648).

Висипався хлівъ изъ міха
И наробивъ ляхамъ лиха;
Показавъ имъ разуму,
Вивернувъ дідчу думу.
До Жовтоі водпці
Наклавъ имъ дуже хмелниці:
Не могли на ногахъ стати—
Волили утікати.
Гетманчику, небоже,
Не туди на Запороже!
Чи не ти степанку, сараче (?)
Одъ козаківъ бравъ гарачи,
Не тись бравъ имъ хутори?
Есть инші теперъ пори!
Одже побірки прокляті
*)
Підъ Очаковомь узяті.
Пріхали къ вамъ ординці

Не утікай же ляху,
Зъ самого перестраху;
Вождай юнаківъ въ табори,
Готуй деньги за хутори;
Южъ не будешъ ихъ хати

---

*) Стихъ не разобранъ.

Поганьцямъ оддавати,
Не будешъ пересудівъ брати,
А ні ихъ воювати.
Милішъ вамъ жити збойці,
Ніжъ запорозці молодці!
Хоть же маете кримчуки—
Дайтежъ имъ теперъ кожухи.
Отъ же Хмельницкий може!
Помогай ему, Боже,
Тихъ куркоідівъ бити,
И жидівъ не живити.
Южъ утікають зъ валовъ,
Бояться самопаловъ;
Волють татарськоі юки,
Нижь козацькой пуки.

(Изъ рукоп. XVII в.)

6. Корсунская битва.

(1648).

Ой обізветця панъ Хмельницкій,
Отаманъ-батько Чигиринський:
«Гей друзі молодці
Браття козаки запорозці,
Добре дбайте, барзо гадайте,
Изъ ляхами пиво варити зачинайте.
Лядський солодъ, козацька вода;
Лядські дрова, козацькі труда».
Ой зъ того пива
Зробили козаки зъ ляхами превеликее диво.
Підъ городомъ Корсунемъ вони станомъ стали,
Підъ Стеблевомъ вони солодъ замочили,
Ще й пива не зварили,
А вже козаки Хмелницького зъ Ляхами барзо посварили.
За ту бражку
Счинили козаки зъ ляхами велику драчку;
За той *молотъ*
Зробили ляхи съ козаками превеликий колотъ;
А за той незнать—який квасъ
Не одного ляха козакъ, якъ-би скурвого сина за чуба трясъ.
Ляхи чогось догадались,
Відъ козаківъ чогось утікали,
А козаки на ляхівъ нарікали:
Ой ви ляхове,
Пеські синове!
Чомъ ви не дожидаете,

Нашого пива не допиваете?»
Тогді козаки ляхівъ доганяли,
Пана Потоцького ніймали,
Якъ барана звязали,
Та передъ Хмелницького гетьмана примчали:
«Гей пане Потоцький!
Чомъ у тебе й досі розумъ жіноцький?
Не вмівъ ти еси въ Камянськімъ Подільці пробувати,
Печеного поросяти, куриці съ перцемъ та зъ шапраномъ уживати,
А теперь не зумієшъ ти зъ нами, козаками, воювати
И житнеі соломахи зъ тулузкомъ уплітати.
Хиба велю тебе до рукъ Кримському хану дати,
Щобъ навчили тебе кримці нагаі сирої кобилини жовати!»
Тогді Ляхи чогось догадались,
На жидівъ нарікали:
«Гей ви, жидове,
Поганські синове!
На що-то ви великий бунтъ, тревоги зривали,
На милю по три корчми становили,
Великиі мета брали:
Відъ возового—
По півъ-золотого,
Відъ пішого—по два гроши,
А ще не минали й сердешного старця—
Відбірали пшоно та яйця!
А теперъ ви тиі скарби збірайте
Та Хмелницького іднайте;
А то, якъ не будете Хмелницького іднати,
То не зарікайтесь за річку Вислу до Полонного прудко тікати».
Жидове чогось догадались,

На річку Случу тікали.
Которі тікали до річки Случи,
Ті погубили чоботи й онучи;
А которі до Прута,
То була відъ козаківъ Хмелницького доріженька барзо крута.
На річці Случі
Обломили містъ идучи,
Затопили усі клейноди
И всі лядські бубни.
Которі бігли до річки Росі,
То зосталися голі й босі.
Обізветця первий жидъ, Ґичикъ,
Та й хапаетця за бичикъ.
Обізветця другий жидъ, Шлема:
«Ой я жъ пакъ не буду на сабасъ дома!
Третій жидъ озоветця, Оврамъ—
«У мене невеликий крамъ:
Шпильки, голки,
Креміння, люльки.
Такъ я свій крамъ
У коробочку склавъ,
Та козакамъ пятами накивавъ *).
Обізветця четвертий жидъ, Давидко:
«Ой брате Лейбо! уже жъ пакъ изъ-за гори козацькі корогви видко!»
Обізветця пятий жидъ, Юдко:
«Нумо до Полонного утікати прудко!
Тогді жидъ Лейба біжить,
Ажъ живітъ дріжить;
Якъ на школу погляне,

*) Съ козаками пятами накивавъ.

Его серце жидівське зівяне:
«Эй школо жъ моя, школо мурована!
Теперъ тебе ні въ пазуху взяти,
Ні въ кишеню сховати,
Але жъ доведетця Хмелницького козакамъ на срачъ, на балаки покидати!»
Отсе, панове-молодці, надъ Полоннимъ не чорна хмуара вставала;
Не одна пані-ляшка удовою зосталась.
Озоветця одна пані-ляшка:
«Нема мого пана Яна!
Десь его звязали козаки, якъ-би барана,
Та повели до свого гетьмана»,
Озоветця друга пані-ляшка:
«Нема мого пана Кардаша!
Десь его Хмелницького козаки повели до свого коша».
Озоветця третя пані-ляшка:
«Нема мого пана Якуба!
Десь (узяли) Хмелницького козаки та либонь повісили его десь на дубі».

(Кулиша. Зап. о Юж. Руси, I томъ 223).

7. ВАРІАНТЪ ПРЕДЪИДУЩЕЙ ДУМЫ.

(1643).

Ой обізветься панъ Хмельницький
Отаманъ батько Чигиринський:
«Гей друзі-молодці,
Братья козаки запорозці!
Добре знайте, барзо гадайте,
Изъ ляхами пиво варити затирайте!
Лядський солодъ, козацькі вода;
Лядські дрова, козацькі труда».
Ой за тее пиво
Зробили козаки зъ ляхами превеликее диво;
Ой за той пивний молотъ
Зробили козаки зъ ляхами превеликий колотъ;
Ой за той пивний квасъ
Не одного ляха козакъ, якъ би скурвого сина, за чуба потрясъ.
Ой не верби-жъ то шуміли, и не галки закричали:
Тожъ-то козаки изъ ляхами пиво варить зачинали.
Ой обізветься перва пані ляшка:
«Нема мого пана Гриця!»
Де-сь поіхавъ дивиться,
Якъ буде козацьке пиво вариться!»
Ой обізветься друга пані ляшка: «нема мого пана Яна!
Де-сь извязали козаки якъ-би барана!»
Ой обізветься третя пані ляшка: «нема мого пана Якуба!
Ой Якубе, Якубе!

Де-сь тебе зъ Жовтоі води, зъ быстроі рѣчки Прута, и до віку не буде!»
Ой не чорна хмара надъ Польщою встала:
Тожъ-то не одна ляшка удовою стала!
Бо на праву середу
Заняли козаки ляхі въ такъ якъ-би череду.
Ой, которихъ гнали до Прута,
Була доріженька барзо крута;
Которихъ до Бузька,
Була доріженька барзо грузка;
Ті біжучи попотіли;
То кидали козаки ляхівъ у воду
Къ чортовій матері на прохолоду...
«Ой вей-миръ! обізветъся первий жидъ Идько.
Уже-жъ-пакъ изъ-за гори козацькі корогви видно!»
Побігъ до школи швидко:
«Ой школо-жъ моя, школо!
Чи тебе продати,
Чи въ карманъ забрати,
А чи тому пану Хмельницькому
Отаману батьку Чигиринському,
На срачъ подаровати?»
Ой обізветься другий жидъ Абрамъ.
«Ой я маю вельми дорогій крамъ:
Шпильки и голки,
Креміньня и люльки.
Ой я свій крамъ у коробочку склавъ,
Зъ козаками пятами накивавъ!»
Ой обізветься третій жидъ Шлема.
«Ой я-жъ-пакъ не буду на шабасъ дома!»

Гей, обізветься панъ Хмельницькій,
Отаманъ батько чигиринскій
«Гей друзі-молодці,

Братьтя козаки запорозці!
Добре знайте, барзо гадайте,
Одъ села Ситниківъ до города Корсуня шляхъ канавою перекопайте,
Потоцького поймайте,
Мені въ руки подайте!»
Гей Потоцький, Потоцький,
Маешь собі розумъ жіно́цький:
Не годишся-жъ ти воіовати?
Лучче-жъ тебе до пана Хмелницького оддати,
Сирої кобилини жовати,
Або житнеі соломахи бузиновимъ молокомъ запивати!

(Максим. Укр. думы 67).

ПОБѢДНОЕ.

8. Торжество русскаго народа.

(1647—1649).

Честь Богу хвала! Навіки слава войську дніпровому,
Щчо изъ Божой ласки загнали ляшки къ порту висляному.
А родъ проклятий жидівський стятий, чиста Украина,
А віра святая вцале (въ цѣлости) зостала—добрая новина!
И ти Чигирине, місто украинне, не меньшую славу
Теперъ въ собі маешъ, коли оглядаешъ въ рукахъ булаву
Зацного (знатнаго) Богдана, мудрого гетьмана, доброго молодця,
Хмельницкого чигиринського, давного запорозьця.
Богъ бы указалъ и войску подалъ, аби имъ справовалъ,
Ажеби (чтобъ) покорнихъ одъ рукъ о нихъ гордихъ аби справовалъ *)
Учинишъ, Боже, всімъ намъ гоже, аби булавоою...
Войсько тее славне всіму світу явно за его головою!

(Изъ рукописи XVII вѣка. Лѣтоп. Ерлича).

*) Вѣроятно было *ратовавъ*.

9. Плѣненіе польскихъ гетмановъ.

(1648).

Отъ такъ пиха наробила лиха коронному Потоцькому.
Отъ такъ була и тобі скрута польному Калиновскому.
Отъ тамъ жолніре идіте сміло на зимовиско
Въ Білагороді въ загороді майте становиско.
Нехай христіяне ваши подоляне не роспложують куры,
Шчо виловили виносили ваши дзюри (слуги).
А ви въ татарахъ въ тяжкихъ кайданахъ до смерти сидіти;
Акъ ми одъ васъ, такъ ви одъ насъ теперъ потерпіте.

(изъ рукоп. XVII в. Лѣтоп. Ерлича).

10. Пѣсня о пораженіи Потоцкаго.

(1648).

Глянь обернися, стань а задивися котори́й маешъ много
Же ровни́й будешъ тому въ которого не маешъ ничого
Бо той справуеть, шчо всімъ керуеть; самъ Богъ милостиве
Всі наши справи на своей шалі важить справедливе.
Глянь обернися, стань задивися, который высоко
Умомъ літаешъ, мудрости знаешъ широко, глубоко.
Не попсуй мозгу, мудруй по-трошку, въ собі обачайся;

И тихъ рада не лиха, шчо ходять зъ-тиха, и тихъ поражайся.
Глянь обернися, стань задивися, который воюешъ,
Лукомъ стрілами, порохомъ, кулями и мечемъ ширмуешъ.
Бо тежъ рицери и кавалери передъ тимъ бували,
Тимъ воевали, одъ тогожъ меча сами поумірали
Глянь обернися, стáнь задивися и скинь зъ серця бути,
Наверни ока, котори́й зъ Потока идетъ ку Славуті (Днѣпру)
Невинниі души берешъ за уши, вольность одеймуешъ,
Короля не знаешъ, ради не дбаешъ, самъ собі сеймуешъ
Гей, поражайся не запаляйся, бо ти рейментарюешъ,
Самъ булавою въ сімъ польскімъ краю, якъ самъ хочешъ керуешъ.
Мій Бога въ серцю, а не май въ-легце шляхетськои крови,
Бо світъ чорніеть, правда нищиеть, а все къ твоей волі.
Гей каштеляне, коронний гетьмане потреба намъ чола,
Еще памятати и поглядати на задние кола.
Жони и діти где ся мають подиті нашии а потомъ,
Гди насъ молодці тие запорозьсці набавять клопотомъ.
Глянь обернися, стань задивися, шчо ся діеть зъ-нами,
Поручниками и ротмистрами польскими синами.
Глянь обернися, стань задивися, видишъ людей много;
Чи ти воюешь, чи имъ зголдуешъ бо то въ рукахъ Бога!
Чини трактати, а кажи брати гроши за заслуги,
Бо то есть здáвна заслуга славна запорозького люду.

(Изъ рукоп. XVII в. Лѣт. Ерлича).

11. Пѣсня о Потоцкомъ.

(1648).

Онъ глянулъ якъ звіръ, онъ крикнулъ якъ левъ на жолнірскіи слова,
Острая якъ мічъ, грубая якъ пічъ була тамтая мова.
Заразъ синачка своего единачка шлеть на Жолтую Воду.
Тамъ на большую и на горшую собі и всімъ шкоду.
Бо скоро стали ляхи подле Плавли, заразъ поскочили,
Хмелничики, ординчики обозъ заточили,
А скоро привернули, заразъ огорнули, роскопали моцнии-вали,
Однихъ постреляли, другихъ порубали, третихъ живцемъ въ орду по-оддавали.
На томъ не досить; миру не просить Потоцький здумалий (гордый)
На войну встае, штурми готуе, бо мілъ (имѣлъ) встидъ немалий.
Хочеть битися, кривди мститися, подъ Корсунь вступаеть,
А за собою, якъ за свою волю запорозьцівъ потягаеть,
Тамъ же на полю всімъ своимъ силу жолнерскимъ утрачае,
Стрельбу и штуки и всі ринштунки запороцьцямъ нажичае
Турецькіе коні дрогие убіори (уборы) оддае по неволи,
А самъ иде и иннихъ веде до татарськои неволі!

(Изъ рукоп. XVII вѣка. Лѣт. Ерлича).

12. Отправка польскихъ плѣнниковъ.

(1648).

Которіи прийшли Хмельницького аби піймали,
Сами въ неволю у султанську впали,
Поіхали бучно до Криму ридвани,
Зъ совітниками обое польскиі гетмани
А вози скарбовиі козакамъ зостали
Абы зъ ихъ худобу свою полатали.
Хотіли ляхи зъ козаківъ славу мати,
Аже Богъ давъ тому, хто ся радъ смиряти
Той вознесъ нині смиренних русаковъ,
Гордихъ же съ престоловъ низложи поляковъ,
Богатихъ тщихъ въ рубищі одпусти до Криму,
Хотівшихъ руську вольность наклонить до Риму.

(Изъ исторіи о презѣльной брани).

13. Народное возстаніе.

(1648).

Ой почувайте и повідайте
Що на Вкраині повстало,
Що за Дашевомъ, підъ Сорокою
Множество ляхівъ пропало.
Ой бачишъ, ляше, якъ панъ Хмельницькій

На жовтімъ піску підбився!
Одъ насъ козаківъ, одъ насъ юнаківъ
Ні одинъ ляшокъ не скрився.
Ой бачимъ, ляше, якъ козакъ пляше
На сівомъ коні за тобою:
Тихъ рубить мічемъ, тихъ палить огнемъ,
А решту топить водою.
Ой пийте, ляхи, зъ калюжи води, води болотанні,
А що пивали на тій Вкраині
Пива та меди ситніи.
Дивують пани, песькиі сини,
Що козакъ уживае,
Уживае козакъ щуку рибаху,
Ще зъ водою соломаху.
Ой чи бачъ, ляше, що по Случъ наше,
По Костяную могилу,
Якъ не схотіли, забунтовали
Тай утеряли Вкраину.
Ой нуже козаки нутежъ у скоки,
Поберемося въ боки;
Загнали ляхівъ геть ажъ за Вислу,
Не вернуться и въ три роки!

(Записана авторомъ на Волыни).

14. ВАРІАНТЪ ПРЕДЪИДУЩЕЙ ПѢСНИ.

Ой почувайте и повідайте
Що на Вкраині повстало,
Що за Дашовимъ підъ Сорокою,
Множество ляхівъ пропало.
Перебийнісъ просить не много—
Сімсотъ козаківъ зъ собою *)
Рубае мічемъ голови зъ плечей,
А решту топить водою!
Ой пийте ляхи, води калюжи болотяніи
А що пивали по тій Вкраині
Меди та пива ситніи.
Та по чімъ козакъ славенъ?
Наівся риби и соломахи зъ водою,
Зъ мушкетомъ стане, а серце въяне,
А ляхъ одъ духу вмирае!
Ой чи бачъ, ляше, що панъ Хмельницькій
На жовтімъ піску підбився?
Семи козаківъ, добрихъ юнаківъ (!)
Та й за Вислою не скривсе.
Ой чи бачъ, ляше, що козакъ пляше,
На воронімъ коню за тобою?
Ти, ляше, злякнешъ, изъ коня спаднешъ,
Самъ присиплешься землею.
Ой чи бачъ, ляше, що по Случъ наше,
По Костяную могилу.
Якъ не схотіли, забунтовали

*) Поютъ также: трохъ козаченьківъ зъ собою.

Тай утеряли Вкраину.
Ой нависли ляхи, нависли
А якъ ворони на вишні,
Не попустимо ляхові Польщи,
Поки нашоі жизности!

(Кулиша. З. о Юж. Руси. Т. I. 271.)

15. Перебийнісъ

(1648).

Ой не розвивайся, ти зелений дубе;
Бо на завтра морозъ буде!
Ой не розвивайся, червона калино;
Бо за тебе, червона калино, не одинъ тутъ згине,
Ой лугами та берегами розвивалися вити:
«Хочуть тебе, Перебийносе, та ляшеньки вбити.»
—Ой я-жъ ляхивъ, вражихъ жидивъ, я ихъ не боюся;
Бо я зъ ними ище по-лицарськи побьюся.
Бережися, та панъ Перебийнісъ, одъ темного лугу;
Иде ляхивъ сорокъ тисячъ—буде велика потуга!
Ой бережися, Перебийнісъ, відъ гори Шамати!
—Не боюся відъ гори Шамати;
Есть у мене козаченки, одинъ буде сотню гнати.
Ой того Перебийнісъ зовсімъ й не гадае;
Веде коня въ нову станю, самъ въ кури ни гуляе.
Ой відсуне та панъ Перебийнісъ відъ ринку квартирку —
Ажъ бігають ляхи, якъ шашки, по ринку.

И ой крикнувъ же та панъ Перебийнісъ на джуру малого:
«Ой виводь, джура, та виводь, малий, коня вороного,
А собі, джуро, й собі малий, старого гнідого;
Та підтягай, джуро, та підтягай, малий, тугенько попруги,
Й та підціляйся, джура, підъ ляшенька потуга. (?)
Й ой та не вспівъ же й панъ Перебийнисъ на коника сісти,
Якъ почавъ ляхівъ, вражихъ синівъ, на капусту сікти;
Ой якъ повернеться та панъ Перебийнісъ на правую руку,
Й ажъ не вискочить його кінь вороненький изъ ляшського трупу;
Ой повернеться та панъ Перебийнісъ на правое плече,
И ажъ назадъ його коня вороного кровавая річка тече,
Й ой якъ оглянеться та панъ Перебийнісъ на джуру малого,
Й ажъ кладе джура, кладе малий, ще лучче відъ його.
Й ой уже-жъ догнали ляхівъ, вражихъ синівъ, та до річки Жулини,—
Й ой уже ляхи, вражи сини, джуру й уловили;
Й ой стали джурі й та пальци крутити:
Скажи, джура, скажи, малий, й та чімъ Перебийніса вбити?
Й ой відріжте й або відирвите й та срібного кгудзя,
Й то чи не вбьете або чи не скараете вірного мого друзя».
Й ой не схотівъ же ті мені, хлопку, хлопкувати,—
Й будешъ же ти ляхамъ стадо напувати.
«Й ой радъ би я тобі, пане Перебийніси, хлопкувати,
Та угнались ми далеко за ляхами, й доветься погибати.

(Метл. 402).

16. ВАРІАНТЪ ПРЕДЪИДУЩЕЙ ПѢСНИ.

Ой не шуми луже дуже, и ти зелений дубе!
Бо підъ тобою, зелений дубе, вся баталия буде!
Ой за лугами, за берегами зхилилися віти,
Засідають вражи Ляхи Перебийніса вбити.
«Ой я ляхівъ, ой я панівъ—не боюся.
Еще въ мене кінь буланий—зъ ляхами побьюся!
Ой якъ же поіхавъ козакъ Перебийнісъ до куми риби істи,
Ажъ прибігають зъ підъ Дашева препогані вісти.
Ой якъ гляне козакъ Перебийнісъ у кватирку,—
Ажъ бігають ляхи, вражи сини, якъ шашки по ринку;
Ой якъ крикне козакъ Перебийнісъ на джуру малого:
«Ой сідлай, джуро, ой сідлай, малий, мині буланого,
Собі-жъ сідлай другого гнідого старого;
Та підтягай, малий джуро, та попруги стуга,
Бо буде-жъ намъ, малий джуро, велика потуга».
Ой не вспівъ же та козакъ Перебийнісъ та на коня спасти,
Якъ узявъ ляхівъ, вражихъ синівъ, у снопи класти;
Ой якъ оглянется козакъ Перебийнісъ та на лівее плече—
Ажъ изъ-підъ Дашева та до Волохова крівавая річка тече;
Ой оглянется та козакъ Перебийнісъ та на правую руку—
Ажъ не вискочить його буланенький изъ-пидъ лятського трупу:
Ой оглянеться козакъ Перебийнісъ та на джуру малого—
Ажъ кладе джуро, кладе малий, ще лучче за нього.
«Ой поідьмо, малий джуро, та на Сорочу могилу;
Одвідаемъ, джуро малий, вражу лятську силу».

Не вспівъ козакъ Перебийнісъ та до могили доіхати,
Якъ узявъ джуро, та узявъ малий, пистоли заряжати;
Ой не вспівъ козакъ Перебийнісъ на могилу зъіздити,
Якъ узявъ джуро, та узявъ малый, зъ пистолівъ палити...
Й ой теперъ же ляхи, й ой теперъ же пани, ви слави зажили,
Що неживого Перебийніса підъ могилою положили.

(Метл. 400).

17. ГАЙДАМАКИ.

Пани Марусенька.

(1648—1649).

Ой горе, горе, несчастная доле!
Изорала Марусенька мислоньками поле,
Карами очіма та й заволочила,
Дрібними слізоньками все поле змочила!
Ой по горі по високій та яра пшениця,
А по луці, по зеленій, шовкова травиця
А по тій же по травиці два козаки ходять,
Та воронихъ коней водять, не добре говорять:
«Ой поідемъ, пани братці, до Марусі въ гости!»
А въ тіеи Марусеньки весь двіръ на помості.
Приіхали до Марусі два козаки въ гості.
Одинь козакъ край ворітець кониченька въяже,
Другий козакъ підъ віконцемъ добри-вечіръ каже.
—Добри вечіръ, Марусенько чи его мосць дома?

—Нема пана дома, поіхавъ на лови.—
«Марусенько пані! вийди хочъ самая!»—
Марусенька пишна въ черевичкахъ вийшла,
По світлоньці иде, ажъ світлонька гуде,
Въ сінечки вступила, на порозі стала,
На порозі стала, коника пізнала.
—«Не есть ви, козаки, есть ви гайдамаки!
—Що ви мого пана молодого забили!»
«Марусенько пані! Почимъ ти пізнала?»
—Бо я свого пана коника признала.
—Неправдоньку, пані, неиравдоньку кажешъ,
«Неправдоньку кажешъ, нещире говоришъ.
«Ой ми въ его мості коника купили,
«Зъ глибокій криниченьки могоричъ запили,
«На гниленькій колодочці гроши полічили.
Ой суть тому свідки зелені дубочки,
Схилили дубочки, верхи до купочки».
Якъ взяли Марусеньку лугáми-ярами,
Та повезли Марусеньку битими шляхами,
Привъязали Марусеньку до сосни плечима,
До сосни плечима, въ темний лугъ очіма.
Запалили сосну зъ верху до коріня.
Сосенка горить, Маруся кричить.
Уже иі біле тіло та й попеломъ сіло,
Уже иі руса коса до гори димомъ пішла.

(Записана авторомъ на Волыни).

18 Пилявское дѣло.

(Сентябрь 1648)

Ой изъ города изъ Полтави
Виïзжали козаки:
Усіхъ было три табори
Та всі три однаки.
У первому у таборі
Та все лейстровиі,
У другому у таборі
Усе хорунжиі,
У третему у таборі
Усе куренниі.
А що первий таборъ до Пиляви ладить,
Изъ имъ Морозенко,
А зъ другимъ Гайчура
Панъ пишний Харченко,
А третімъ-то вадить
Вовгуря Лисенко.
Ой третімъ таборомъ вадить
Лисенко Вовгуря.
Коникомъ вигляе,
Себе забавляе,
Коникомъ вигляе,
Таки слова промовляе:
Ой панове молодці,
Буде намъ до роботи,

Що у городі у Пиляві
Богацько охоти.

То йдуть вони день и ніч,
У неділю craномъ стали,
По яцькому рогу craномъ стали
Гінця піджидали.
То у нічъ гінець підъізжае,
Лисенка питае,
Та до его укланяе,
Таки річи промовляе:
Панъ гетьманъ Хмельницкій
Здоровъ тобі бути казавъ.
Підъ Пилявою зъ Морозенкомъ
Вже вінъ craномъ ставъ,
Та й ще тебе зъ кравчиною
Підъ Пиляву прохавъ.
Тоді то Вовгуря Лисенко
Кожухъ натягае,
Зъ станку вихожае,
Козаківъ иззивае:
Ой панове молодці,
Чиніть мою волю:
Рубіть мини дороженьку
По пилявському полю.
Рубіть мини дороженьку
До пилявського гаю:
Ой насъ гетьманъ Богданко
До себе піджидае.
Та тоді тиі козаки
    Дорожку рубили,
Підъ городъ підъ Пиляву
    Craномъ виходили.
Изъ підъ Росі, изъ підъ Собі
    Гайчурівці грайці,
А зъ підъ вільного Ташлика

Вільні коротайці,
А зъ підъ Лисоі гори
Степовники Гайчури,
А зъ підъ річки зъ підъ Самари
Самарськи лугарі,
Та вже тиі молодці
По тімь боці Буга...
(Запорожская стар. Срезневскаго).

19. Пилявское дѣло.
(1648).

Ой Семуха волоцюги
Въ Немирівъ ступае,
У Немирові молодцівъ
Своихъ избірае.
А молодці немировці
У сурьми сурьмують,
На коникахъ воронихъ
Голосно гобзують.
Та у нічъ гінець підъізжае,
Таки слова промовляе:
Гею, гею Немирівці,
Та вже ляхи по сімъ боці—
По сімъ боці Случи,
По сімъ боці Случи,
До Пиляви підступають
Козаченьківъ звучи.

По сімъ боці Случи.
        По сімъ боці Случи,
До Пиляви підступають
        Немирівцівъ звучи.
Немирівці молодці
        Спішніше, спішіть,
Та гетьмана Хмельницького
        Підъ Случъ веселіть.
Отто тиі молодці
        Підъ Случъ підступали,
До города до Пиляви
        Швидко привертали.

(Запорожская стар. Срезневскаго)

20. Пилявское дѣло

(1648).

Ой чи довго вамъ, панове,
        Підъ Пилявою стояти?
Ой чи не время вамъ, молодці,
        Таборъ рушати?
Ой время, Морозенку,
        Таборъ рушати:
Ой время, время до Горині,
        До Вишневцівъ поспішати.
Тиі Вишневці добрі молодці,

Добре Вкраину плюндрують,
Добримъ часомъ, добримъ часомъ
Православну віру руйнують.
Ой не спішіть—каже Біда слово—
Ще буде часъ погибнути,
Ще буде часъ ляхівъ звеселити,
Головки у полі зложити.
Ой не спішіть—каже Біда слово—
Вишневці до насъ схаменулись
Бижіть гонець—гею молодці!
Що вже Вишневці та на сімъ боці.
Ой по сімъ боціраномъ стали,
Козаченьківъ звучи,
Приставъ Максимъ Рокитнянський
Порану до Случи.
Тоді тиі ляхи якъ стояли,
Такъ и пропали:
Тілько одні козаченьки
У сурьми сурьмовали,
Ой у сурьми сурьмовали
Пана Ивана Біду оплакали,
Ой пана Біду оплакали
Похоронъ ему відправляли.

(Запорож. стар. Срезневскаго).

Всѣ эти три пѣсни по своему тону, возбуждаютъ невольное сомнѣніе въ дѣйствительной ихъ принадлежности къ народному творчеству, но основываясь на авторитетѣ такого ученаго какъ г. Срезневскій, мы не осмѣливаемся ихъ выкидывать.

21. Збаражская осада.

(1649).

Ой що то за хижка
Тамъ на виріжку:
Виступцемъ,
Пане Вишневецький,
Воеводо грецький,(?)
Та виведи танчикъ
По-німецьки.
Підъ тою хижкою
Пани сиділи,
Виступцемъ и пр.
Пани сиділи,
Собакъ лупили,
Виступцемъ и пр.
Ножи поламали,
Зубами тягали,
Виступцемъ,
Пане Вишневецький,
Воеводо грецький (?)
Та виведи танчикъ
По-німецьки.

Пѣсня эта, какъ видно, пародія на хороводную малорусскую пѣсню.

Ой тамъ на виріжку
Поставлю я хижку
Виступцемъ
Тихо іду
А вода по камiню
А вода по білому
Ище тихше.

(Записана авторомъ въ Воронежской губерніи).

22. Походъ въ Молдавію.
Дума.

(1650).

Якъ изъ низу, изъ Дністра тихій вітеръ повивае,
Богъ святий знае, Богъ святий и відае,
Що Хмелницький думае-гадае.
Тогді-жъ то не могли знати ні сотники, ні полковники,
Ні джури казацькиі,
Ні мужи громадськиі,
Що нашъ панъ гетьманъ Хмелницький,
Батю Зиновъ Богдану Чигиринський,
У городі Чигрині задумавъ, вже й загадавъ:
Дванадцать паръ пушокъ впередъ себе одіславъ,
А ще самъ зъ города Чигрина рушавъ;
За имъ козаки йдуть
Яко ярая пчола гудуть;
Которий козакъ не міе въ себе шабли булатноі,
Пищалі семипьядноі,
Той козакъ кий на плечи забирае,
За гетьманомъ Хмелницькимъ у въ охотно въ війско поспішае.
Оттогді-жъ то, якъ до річки Дністра прибувавъ,

На три части козаківъ перепра̀влявъ,
А ще до города Сороки прибувавъ,
Підъ городомъ Сорокою шанці копавъ,
У шанцяхъ куренемъ стоявъ;
А ще одъ своіхъ рукъ листи писавъ,
До Василия Молдавського посилавъ,
А въ листахъ приписувавъ:
«Эй Василию Молдавський,
Господарю Волоський!
Що теперъ будешъ думати й гадати:
Чи будешъ зо мною биться?
Чи мириться?
Чи города своі Волоськи уступати?
Чи червинцями полумиски сповняти?
Чи будешъ гетьмана Хмелницького благати?...»
Тогді-жъ то Василий Молдавський,
Господарь Волоський,
Листи читае,
Назадъ одсилае,
А въ листахъ приписуе:
«Пане гетьмане Хмелницький,
Батьку Зиновъ Богдану Чигринський!
Не буду я зъ тобою ні биться,
Ні мириться,
Ни городівъ тобі своихъ Волоськихъ уступати,
Ни червинцями полумисківъ сповняти:
Не лучче-бъ тобі покориться меншому,
Не нужли мині тобі старшому?»
Оттогді-жъ то Хмелницькій, якъ сии слова зачувавъ,
Такъ ввінъ самъ на доброго коня сідавъ,
Коло города Сороки поізжавъ,
На городъ Сороку поглядавъ,
Ище стиха словами промовлявъ:

«Эй городе, городе Сороко!
Ще ти моимъ козакамъ дітямъ не заполоха.
Буду я тебе доставати,
Буду я зъ тебе великиі скарби мати,
Свою голоту наповняти.
По битому тарелю на місяць жалованнá давати.»
Оттогді-то Хмелницький, якъ похваливсь,
Такъ гараздъ добре й учинивъ:
Городъ Сороку у неділю рано задобидде взявъ,
На ринку обідъ пообідавъ,
Къ полудній годині до города Сичави припавъ,
Городъ Сичаву огнемъ запаливъ
И мечемъ исплиндровавъ.
Оттогді-то инии Сичавці гетьмана Хмелницького у вічи не видали,
Усі до города Ясы повтікали,
До Василя Молдавського истиха словами промовляли:
«Эй Василю Молдавський,
Господарю нашъ Волоський!
Чи будешъ за насъ одностайне стояти?
Будемъ тобі голдовати;
Коли-жъ ти не будешъ за насъ одностайне стояти,
Будемъ иншому пану кровью вже голдовати.»
Оттоді-то Василь Молдавський,
Господарь Волоський,
Пару коней у коляску закладавъ,
До города Хотині одъїжджавъ,
У Хвилецького копитана станціею стоявъ,
Тогді-жъ то одъ своихъ рукъ листи писавъ,
До Ивана Потоцького, кроля Польского, посилавъ:
«Эй Ивану Потоцький,
Кролю Польский!
Ти-жъ бо то на славний Украині пъешъ, гуляешъ,

А объ моій пригоді ничого не знаешъ;
Що-жъ то въ васъ гетьманъ Хмелницкий, русинъ,
Всю мою землю Волоську обрушивъ,
Все мое поле коньемъ изоравъ,
Усімъ моимъ Волохамъ, якъ галкамъ,
Зъ плічъ головки познімавъ;
Де були въ полі стежки, доріжки—
Волоськими головками повимощувавъ;
Де були въ полі глубокиі долини—
Волоською кровъю повиповнювавъ».
Оттогді-то Ивану Потоцькій,
Кролю Польский,
Листи читае,
Назадъ одсилае,
А въ листахъ приписуе:
«Эй Василию Молдавський,
Господарю Волоський!
Коли-жъ ти хотівъ на своий Украині проживати,
Було тобі Хмелницького у вічниі часи не займати;
Бо дався мині гетьманъ Хмелницький гараздъ добре знати:
У первий войні
На Жовтий Воді
Пятнадцять моихъ лицаривъ стрічавъ,—
Невеликий имъ одвітъ оддавъ:
Всімъ, якъ галкамъ, съ плічъ головки поздиймавъ;
Трохъ синівъ моихъ живцемъ узявъ,
Турському салтану въ подарунку одіславъ;
Мене, Ивана Потоцького
Кроля Польского,
Три дня на прикові край пушки державъ,
А ні пить мині, ні істи не давъ.
То дався мині гетьманъ Хмелницький гараздъ добре знати,

До Хотин прибувавъ, у старшого копитана на квартирі
ставъ;
До Василия Молдавського листи посилавъ,
Словами промовлявъ:
«Що ти зо мною будешъ гадати?
Чи будешъ биться,
Чи будешъ мириться,
Чи на примирье будешъ приймати,
Чи славноі Волощини половину оддавати?»
То Василий Молдавський тее зачувавъ,
До Потоцького листи посилавъ,
Словами промовлявъ:
«Гетьмане Потоцький,
Що у тебе розумъ жиноцький!
Ти за дорогими напитками, бенкетами угоняешъ,
Чомъ ти Хмелницького не еднаешъ?
Уже почавъ вінъ землю конськими копитами орати
Кровью молдавською поливати!—
Тогді ляхи изъ города Сочави утікали;
Василю Молдавському знати давали.
То Василий Молдавський до Яссъ прибувае;
Словами промовляе:
«Ой ви, Яссы мои, Яссы,
Були есте барзо красні!
Да уже не будете таки
Якъ прийдуть козаки!»
То панъ Хмелницький добре учинивъ:
Польшу засмутивъ;
Волощину побідивъ,
Гетьманщину звеселивъ!
Въ той часъ була честь, слава,
Війскова справа,

Буду його во вікъ вічний памятати!»
Оттогді-то Хмелницький померъ,
А слава його козацька не вмре не поляже.
Теперешнього часу, Господи, утверди и подержи
Люду царського
И всімъ слушащимъ,
И всімъ православнимъ християнамъ,
Сьому домодержавцю,
Хозяину й хозяйци,
Подай, Боже, на многа літа!

(Метл. 391).

23. ВАРІАНТЪ ПРЕДЪИДУЩЕЙ ДУМЫ.

(1650).

Изъ низу Дніпра вітеръ вие, повивае:
Війско козацке у походъ виступае.
Тільки Богъ святий знае,
Що Хмелницький думае, гадае!
Объ тимъ не знали ні сотники,
Ні отамани куреннні ні полковники:
Тільки Богъ святий знае,
Що Хмелницький думае, гадае!-..
Якъ до Дністра прибували,
Черезъ три перевози переправу мали;
Самъ Хмелницький напередъ всіхъ рушавъ,

Сама себе на сміхъ не давала,
Неприятеля підъ ноги топтала!

(Максим. Укр. думы 72).

24. Нечай.

Ду́ма.

(1651).

Та изъ-підъ лісу, изъ-підъ лісу, съ-підъ зеленого гаю,
Ой крикнули пани козаченьки: Утікаймо, Нечаю!
А Нечай того не думае, та Нечай не гадае,
А зъ кумасею изъ Хмелницькою медъ-вино кружае.
Ой поставивъ та Нечаенко та сторожу на місці,
А самъ пійшовъ до кумасеньки та щуки-риби істи.
Озирнеться—ажъ нема сторожи та стороженьки на місці;
Ой сівъ же та Нечаенко та щуки-риби істи,
Охъ и прилетили до Нечаенка та не мудриі вісти:
«Охъ и же ти, та панъ Нечаенко, та медъ горілку кружаешъ,
А вже твоій стороженки та на місці немае».
Ой кривнувъ та Нечаенко та на журу малого:
«Сідлай, журо, коня вороного, а підъ мене гнідого старого;
Ой підтягай, та малий журо, та попруги истуга:
Буде на ляхівъ, та на тихъ панівъ, та велика потуга!»
Охъ та не вспивъ та Нечаенко та на коня изсисти:
Задрижали въ коня вороного та ніженьки на місці,

Якъ поіхавъ та панъ Нечаенко та одъ башти до башти,
Охъ и ставъ панівъ, охъ и ставъ ляхівъ, такъ якъ снопики класти.
Озирнеться та Нечаенко та по лівую руку,—
Охъ не вискочить та кінь вороненький та изъ лядьского трупу.
Озирнеться та Нечаенко та на правее плече,—
А за нимъ річка кривавая та бистренькая тече.
Озирнеться та Нечаенко та на лівее плече,—
Ой полетіла та Нечаенко та головонька зъ плечей.
Та підъізджались та пани стали сумовати:
Ой де-жъ бо намъ Нечаенкову головоньку сховати?
Ой сховаймо його головоньку а де церковь-Варвара,
Ой щобъ розійшлась по усьому світу Нечаенкова слава!

(Метл. 403).

25. ВАРІАНТЪ ПРЕДЪИДУЩЕЙ ДУМЫ.

(1651).

Не вспівъ та Нечай козакъ щуки-рибп зъісти,
Якъ гляне въ оконечко—ажъ уже ляшкп въ місті.
Ой и крпкнувъ та Нечай козакъ на хлопця малого:
«Сідлай хлопче, сидлай, малий, коня вороного,
А підъ мене старого гнідого!,,
Ой не вспівъ же та Нечай козакъ на коника впасти, —
Почавъ ляшківъ, вражихъ синівъ, якъ снопиківъ, класти....
Ой повернувъ та Нечай козакъ на правее плече,—
Тече річка та крівавая, що й конемъ не втече....
Ой бросився та Нечай козакъ зъ мистечка..... утікати,
За нимъ, за нимъ та панъ Потоцькиї та почавъ здоганяти.
Ой побігъ же та Нечай козакъ зъ полі на долину,—
Та исхвативъ панъ Потоцький Нечая ззаду за чуприну:
«Ой чи це той хміль, що по тину въется?
Чи це той Нечай козакъ, що зъ ляшками бьеться?
Годі тобі, хмелю, та по тину виться!
Годі тобі, Нечай козакъ, вражий сину, изъ ляшками биться,

Збіглися козаченьки, стали раду радити:
Де його тіло поховати-похоронити?
Похоронили його тіло у польскимъ костьолі,
А сами козаченьки розійшлися по своій господі...

(Метл. 404).

26. ВАРІАНТЪ ПРЕДЪИДУЩЕЙ ДУМЫ.

(1651).

Ой у саду, въ саду, у садочку бистра річка протікае;
Гей тамъ козакъ, козакъ Нечаенко да кониченка наповае:
«Ой пий коню, сю холодну воду, бо не будешь уже пити,
Гей будешь ти, коню буланенький, самъ на оркани ходити».
Гей поставивъ козакъ Нечаенко вінъ стороженьку въ місті,
А самъ пішовъ вінъ до Хмельницького щуки-риби істи;
Та не довелося та Нечаенкові щуки-риби істи.
Гей довелося та Нечаенкові та въ кватирочці сісти.
Гей якъ крикне козакъ Нечаенко а на хлопця малого:
«Сідлай, хлопче, а ти хлопче малий, а коня буланого!»
Гей якъ вискочивъ козакъ Нечаенко самъ кониченька сідлати,
Гей підъ кониченькомъ, чей підъ вороненькимъ, стали ніженьки дрiжати.
Гей якъ проіхавъ козакъ Нечаенко а одъ башти до башти,
Гей взявъ ляшківъ, а взявъ недоляшківъ якъ снопики на візъ класти,
Гей якъ гляне козакъ Нечаенко а на правее плече
Гей за коникомъ та за буланенькимъ кривавая річенька тече,
Эй біжи-жъ хлопче, охъ и біжи, малий, до високого мосту;
Гей дамо ляхамъ, а превражимъ синамъ, превеликую хлосту!

Ой чи се-жъ той хміль, ой чи се-жъ той хміль, а що на тину вьется,
Ой ще той козакъ Нечаенко, що изъ ляхами бьется.

(Метл. 405).

27. ВАРІАНТЪ ПРЕДЪИДУЩЕЙ ДУМЫ.

(1651).

Съ-підъ темного лісу, съ підъ зеленого гаю,
Ой крикнули наши козаченьки, утікай Нечаю.
А нечай же та Нечаенко того й не чуваe,
Съ кумасею зъ Хмелницькою медъ-вино кружляе.
Ой не вспівъ же та Нечаенко щуки-риби істи,
Ой якъ гляне та въ віконечко-ажъ ляшеньки въ місці!
Ой якъ крикне та Нечаенко на джуру малого:
«Сідлай, джура, сідлай, малий, коня вороного;
Сідлай, джура, сідлай, малий, коня вороного,
А другого та гнідого підъ мене старого!»
Ой не вспівъ же та Нечаенко та на коника спасти—
Якъ ставъ ляхівъ, ураговихъ синівъ, якъ снопики класти.
Ой якъ гляне та Нечаенко та на лівее плече,
А за нимъ же, за Нечаенкомъ, крівавая річка тече.
Ой якъ гляне та Нечаенко та на правую руку,—
Кінь вороний, самъ молодий, та не вискочить зъ трупу...
Не за великий часъ, то за малую годину,—
Покотилась Нечаенкова головка въ долину.

(Метл. 406).

28. ВАРІАНТЪ.

Крикнувъ козакъ, крикнувъ Нечай одъ гаю до гаю;
Ой крикнули козаченьки: Втікаймо, Нечаю!
Козакъ Нечай молодъ бувавъ—на те не вповае, —
Изъ панею Хмелницькою медъ-вино кружае.
Не вспівъ козакъ, не вспівъ Нечай кінець стола сісти,
Подивиться въ квартирочку—ажъ ляшеньки въ місти.
Не вспівъ козакъ, не вспівъ Нечай на коника спасти, —
Якъ взявъ ляшківъ, якъ ставъ панківъ, якъ снопиківъ класти.
Не вспівъ козакъ, не вспівъ Нечай на коника сісти, —
Якъ взявъ ляшківъ, якъ ставъ панківъ якъ капусту сікти.
Обернувся козакъ Нечай одъ брами до брами,—
Виклавъ ляшківъ, виклавъ панківъ у чотирі лавіи.
Оглянувся козакъ Нечай на правую руку,
Не вискочить кинь козацький изъ ляцького трупу.
Оглянувся козакъ Нечай на лівее плече,
За нимъ річка крівавая, що й конемъ не втече.

(Метл. 407).

29. Битва подъ Берестечкомъ.

(1651).

Висипали козаченьки зъ високоі гори:
Попереду козакъ Хмелницький на воронімъ коні.
Ступай, коню, дорогою, широко ногами;
Недалеко Берестечко и орда за нами.
Стережися, пане Яне, якъ Жовтоі Води:
Йде на тебе сорокъ тисячъ хорошоі вроди.»
Якъ ставъ джура малий хлопецъ коника сідлати.
Стали въ того кониченька ніженьки дріжати.
Якъ заговорить козакъ Хмелницькій до коня словами!
Не доторкайся, вражій коню, до землі ногами.
Чи не той то хміль, хміль, що на тички вьешься?
Чи не той то козакъ Хмелницькій, що зъ ляшками бьешься
Ой не я той хміль зелений—по тички не вьюся;
Ой не я той козакъ Хмелницькій зъ ляшками не бьюся
— «А дежъ твои, Хмелниченьку, воронии коні?»—
— «У гетьмана Потоцького стоять на пригоні.»—
— «А дежъ твои Хмелниченьку, кованиі вози?»—
— «У містечку Берестечку заточені въ лози!»—
Що я зъ вами, вражи ляхи, не по правді бився:
Якъ припустивъ коня вороного, — містъ мині вломився!»—

(Записана авторомъ на Волыни).

30. Пораженіе казаковъ подъ Берестечкомъ.

(1651).

Кину перомъ, ли..у орломъ, конемъ поверну,
А до свого отамана таки прибуду.
Чоломъ пане, нашъ гетьмане, чоломъ, батьку нашъ!
А вже нашого товариства багацько не машъ!
Ой якъ же ви, панове молодці, ой якъ ви ставали,
Що ви свое товариство на віки втеряли?
Становилась, пане гетьмане, плечемъ объ плече,
Ой якъ крикнуть вражи ляхи: у пень посічемъ!
—«Ой щожъ ви, панове молодці, що за здобичъ мали?»
—«Мали коня у наряді, та ляхи одняли!»—
Зима прийшла, хліба нема, тожъ намъ не хвала;
Весна прийшла, лісъ розвила, всіхъ насъ покрила!

(Записана авторомъ на Волыни).

31. Украина послѣ Бѣлоцерковскаго мира.

(1652).

Дума.

Эй чи гараздъ, чи добре нашъ гетьманъ Хмелницький учинивъ,
Що зъ ляхами, зъ мостивими панами, у Білій Церкві замиривъ?
Да велівъ ляхамъ, мостивимъ панамъ, по козакахъ, по мужикахъ стаціею стояти,
Да не велівъ великої стациї вимишляти.
То ще жъ то ляхи, мостивиі пани, по козакахъ и по мужикахъ стаціею постали,
Да великую стацію вимишляли.
Одъ іхъ ключі поодбирали,
Да стали надъ іхъ домами господарями.
Хазяіна на конюшню одсилае,
А самъ изъ его женою на подушкахъ почивае.
То козакъ, альбо мужикъ изъ конюшні прохождае,
У кватирку поглядае—
Ажъ ляхъ, мостивий панъ, ище зъ его жоною на подушкахъ почивае.
То вінъ одинъ осьмакъ у кармані мае,
Пійде зъ тоски да зъ печалі у кабакъ, да й той прогуляе.
То ляхъ, мостивий панъ, одъ сна уставае, юлицею иде,
Казавъ би якъ свиня нескребена попереду ухомъ веде,
Ище слухае-прослухае,
Чи не судить его де козакъ, альбо мужикъ...

У кабакъ ухождае,—
То ему здаетця, що его казакъ медомъ шклянкою, або горілки чаркою витае,
Ажъ его козакъ межи очи шклянкою шмагае,
Ище стиха словами промовляе.
«Эй ляхи жъ ви, ляхи,
Мостивиі пани!
Хотя жъ ви одъ насъ ключі поодбірали,
И стали надъ нашими домами господарями...
Хотя бъ ви на нашу кунпанію не нахождали».
Тогді жъ козаки стали у раді, якъ малиі діти,
Одъ свіихъ рукъ листи писали,
До гетьмана Хмельницького посилали,
А въ листахъ прописували:
«Пане гетьмане Хмельницькій,
Батьку Зиновъ нашъ Чигиринський!
За що ти на насъ такий гнівъ положивъ?
На що ти на насъ такий ясиръ наславъ?
Уже жъ ми теперъ не въ чому волі не маемъ:
Ляхи, мостивні пани, одъ насъ ключи поодбірали
И стали надъ нашими домами господарями».
Тогді то Хмелницький листи читае,
Стихи словами промолвляе:
«Эй козаки, діти, друзі, небожата!
Підождіте ви мало, трохи, небагато,
Якъ одъ святоі Покрови до світлого тридневного Воскресения.
Якъ дасть Богъ, що прийде весна красна,
Буде наша вся голота рясна»
Тогді то панъ Хмелницький добре дбавъ,
Козаківъ до сходъ сонця у походъ випровожавъ,
И стиха словами промовлявъ:
«Эхъ, козаки, діти, друзі!

Прошу васъ, добре дбайте,
На славну Украину прибувайте,
Ляхівъ, мостивихъ пановъ у пень рубайте,
Кровъ іхъ лядську у полі зъ жовтимъ піскомъ мішайте;
Віри святоі християнськоі у поругу не подайте».
Тогді ляхи, мостивиі пани, догадливи бували,
Усі по лісахъ, по кущахъ повтікали.
То козакъ и лісомъ біжить,
А ляхъ за кущемъ и лежачи дрижить
То козакъ ляха за кущемъ знахождае,
Келепомъ межи плечи наганяе
И стиха словами промовляе:
«Эй ляхи же ви, ляхи,
Мостивиі пани!
Годі жъ вамъ по за кущами валятьця,
Пора до нашихъ жінокъ на опочивокъ ити:
Уже наши жінки и подушки поперебивали,
Васъ, ляхівъ, мостивихъ панівъ, ожидали».
Тогді-то ляхи козаківъ рідними братами узивали:
«Эй козаки рідниі братці!
Колибъ ви добре дбали,
Да насъ за Вислу річку хоть у однихъ сорочкахъ пу-
пускали!»
Оттогді-то ляхамъ Богъ погодивъ,
На Вислі річці лідъ обломивъ,
Тогді козаки ляхівъ рятовали—
За патли хватали,
Да ще й далі підъ лідъ підпихали,
И стиха словами промовляли:
«Эй ляхи жъ ви, ляхи!
Мостивиі пани!
Колись наши діди надъ сіею річкою козаковали
Да въ сій річці скарби поховали.

Якъ будете скарби находити,
Будемъ зъ вами пополамъ ділити,
Тогді будемъ зъ вами за рідного брата жити.
Ступайте! тутъ вамъ дорога одна —
До самого дна».

(Кулиша. Зап. о Южн. Руси. т. I. стр. 51.)

32. ВАРІАНТЪ ПРЕДЪИДУЩЕЙ ДУМЫ.

(1652).

Ой чи добре панъ Хмелницькиӣ починавъ,
Якъ изъ Берестецького року
Всіхъ ляхівъ-панівъ на Украину на чотирі місяці висилавъ,
И велівъ панамъ-ляхамъ на Украині чотирі місяці стояти,
А ні козаку, ні мужику жадноі кривди починати.
Да вже жъ пани ляхи на Украині трі місяці стояли,
Стало на четвертий місяць повертати,
Стали пани-ляхи способъ прибірати;
Одъ козацькихъ, одъ мужицькихъ коморъ ключи одбирати;
Надъ козацькимъ, надъ мужицькимъ добромъ господарами знахожатись.
То вже де бідний козакъ розгадае пятакъ,
То нельзя по улиці пійти, побуяти,
Що-бъ у корчмі пятакъ прогуляти.

То вже-жъ одинъ козакъ, доброго клича и луччой руки,
одинъ шостакъ розгадавъ,
Да й той къ катовій матері у корчмі прогулявъ.
То вже-жъ, ляхъ містомъ иде,
Якъ свиня ухомъ веде;
То ляхъ до корчмі прихожае,
Якъ свиня ухо до корчми прикладае;
А слухае ляхъ, що козакъ про ляхівъ размовляе.
То ляхъ у корчму убігае, и козака за чубъ хватае.
То козакъ козацький звичай знае:
То будто до ляха медомъ и оковитою горілкою припивае,
А тутъ ляха за чубъ хватае,
И скляницею межи очи морскае,
И келепомъ по ребрамъ торкае.
Не дуччебъ тобі, ляше, превражі сину,
На Украині съ козацькою жінкою спати,
А ніжъ въ корчму вхождати?
Да вже-жъ на Украині не одна жінка курку зготовала;
Тебе ляха, кручого сина, на нічь чекала!
То вже-жъ козаки и мужики
У неділю рано Богу помолившись, листи писали
И въ лістахъ добре докладали,
И до пана Хмелницького у Полонне посилали:
—Гей пане Хмелницький,
Отамане Чигиринський,
Батьку козацький!
Звели намъ підъ Москалей тікати,
Або звели намъ зъ ляхами великий бунтъ зривати.
То Хмелницький листи читае,
До козаківъ словами промовляе:
«Гей, стойте, діти,
Ладу ждіте!

Не благословляю вамъ ні підъ Москаля тікати,
Ни зъ кяхами великого бунту зривати».
То вже-жъ Хмелницький до козаківъ приізжае,
Словами промовляе:
«Гей, нуте, діти, по три по чотирі зъ куренівъ вставайге,
И до дрючківъ и до оглобель хватайте,
И ляхівъ-панівъ, у нічку у четвертеньку, такъ якъ кабанівъ заганяйте».
То вже-жъ, изъ куренівъ по три, по чотирі вставали,
До дрючківъ и до оглобель хватали;
И Ляхівъ-панівъ; такъ якъ кобанівъ, у нічку у четвертеньку заганяли.
То вже-жъ одинъ козакъ лугомъ біжить,
Коли дивиться на кущъ, ажъ кущъ дріжить,
Коли дивиться у кущъ, ажъ у кущі ляхъ якъ жлукто лежить.
То козакъ козацький звичай знае, изъ коня вставае,
И ляха за чубъ хватае, и келепомъ по ребрахъ торкае
То ляхъ, до козака словами промовляе:
—Луччебъ, козурю, могли мої очи на потилиці стати,
Такъ би я могъ изъ-за річки Висли на Украину поглядати!

(Максим. Укр. думы стр. 74).

33. Жванецкая битва.

(1653).

Ой зъ города зъ Немирова хмара вихожала,
А кравчина запорозька до Хотиі поспішала.
А въ Хотиі добрі люди сами себе знали,
Та польского пана Яна до себе іднали.
Та не тільки шчо поляківъ до себе іднали,
Щей супротивъ Хмелницького увъ одно зъ имъ стали.
Увъ одно зъ имъ стали, у въ одно зъ имъ стали,
Та паня волощина підъ Жванці прохали.
Ой будешъ будешъ, пане гетьмане та насъ шановати,
Будешъ землю волоську добромъ поминати.
Ой будешъ будешъ пане гетьмане та тее знати,
Якъ землю мультанську до себе іднати.
Ой будешъ будешъ, пане гетьмане, та тее чтити
Якъ Студеньку брати сина щитити.
Ой будешъ, будешъ, пане гетьмане, за тее молиться,
Якъ підъ тими Студеньками станомъ становиться!
Виходь, виходь пане гетьмане, у жваньскее поле:
Чи то наша буде Вкраина, чи твое Подолье?
Виходь, виходь, пане гетьмане, до жванського гая:
Чи то наша буде Вкраина, чи твоя святая?
Виходь, виходь, пане гетьмане, до жванського луга:
Чи то наша буде Вкраина, чи твоя друга?
Повій, повій, пане гетьмане, якъ той вітеръ віе:
Чи то наша буде Вкраина, чи твоя Хотия?
Вийшовъ панъ Хмелницькій підъ Жванці изъ ханомъ:
Ой лядуй же ляше, это буде зъ насъ паномъ?

Вийшовъ панъ Хмелницькій до святого гаю:
«Ой покликни пана Яна, друже мій Нечаю!»
Вийшовъ панъ Хмелницькій підъ Жванці зъ кравсиной;
«Ой прощайся, ляше та изъ Волощиной!
Вийшовъ панъ Хмелницькій по жваньскому полю;
Ой запекли хлівоньку ляхи та тому Подолью!
Ой поклинувъ Нечай ляхівъ де той вітеръ віе;
По за Дністромъ, по за ребромъ блещить тая Хотия.
Ой пізнали тоді ляхи де имъраномъ стати,
Якъ гетьмана Хмелницького до себе іднати!

(Запорож. стар. Срезневскаго).

34. Разоренія отъ татаръ.

(1653).

Ой Хмеле, Хмельниченько!
Учинивъ еси ясу,
И межъ панами великую трусу!
Бо-дай тебе, Хмельниченьку, перва куля не минула,
Що велівъ Орді брати дівки й молодиці!
Парубки йдуть гукаючи, а дівчата співаючи,
А молоді молодиці старого Хмеля проклинають:
Бодай тебе, Хмельниченьку, перва куля не минула!

(Записана авторомъ).

35. Присоединеніе Украины къ Россіи.

(1654).

Зажурилась Украина, що нігде ея діти:
Витоптала орда кіньми маленькіи діти,
Малихъ потоптала, старихъ порубала,
А молодихъ середульшихъ у полонъ забрала.
Ой служивъ же я служивъ пану католику,
А теперъ ему служити не стану до віку!
Ой служивъ же я служивъ пану бусурману,
А теперъ служити стану восточному царю!
Ходить ляшокъ по риночку, шабельку стискае:
Козакъ ляха не боиться—шапки не знімае.
Ось ляшокъ до канчука, а козакъ до дрюка:
Оттутъ тобі, сучій сину, зъ душею розлука!

(Записана авторомъ).

36. Освобожденіе отъ Польши.

(1654).

Та немае лучче, та немае красче якъ въ насъ на Вкраині,
Та немае ляха, та немае жида, не мае униі.

37. ВАРІАНТЪ.

Та немае лучче, та немае красче, якъ въ насъ на Вкраині;
Та немае ляха, та немае пана, не буде изміни!

38. На смерть Хмельницкаго.

(1657).

Зажмурилася Хмелницького сідая голова;
Що при ему ни сотниківъ полковниківъ нема;
Часъ приходить умирати,
Нікому поради дати!
Покликне вінъ на Ивана Луговського,
Писаря військового:
«Иванъ Луговський,
Писарь військовий,
Скорийше біжи,
Да листи пиши,
Щобъ сотники, полковники до мене прибували,
Хоть мало пораду давали!»
То Иванъ Луговський,
Писарь війсковий
Листи писавъ,
До всіхъ розсилавъ.
То сотники, полковники, якъ ихъ прочитали,
Усе покидали;
До гетьмана Хмелницького скорійшъ прибували.
То гетьманъ добре ихъ приймае
Словами промовляе:
«Панове молодці! добре ви дбайте,
Собі гетьмана наставляйте;

Бо я старъ, болію
Больше гетьманомъ не здолію!..
Коли хочете, панове, Антона Влочая Киевского,
Або Грицька Костиря Миргородського,
Або Хвилона Чичая Кропивянського,
Або Мартина Пушкаря Полтавського».
То козаки тее зучували,
Смутно себе мали,
Тяжко вздихали,
Словами промовляли:
—Не треба намъ Антона Волочая Киевского,
Ні Грицька Костиря Миргородсько,
Ні Хвилона Чичая Кропивянського:;
Ні Мартина Пушкаря Полтавського;
А хочемъ ми сына твого Юруся молодого,
Козака лейстрового!—
«Вінъ, панове-молодці, молодий розумъ мое,
Звичаївъ козацкихъ не знае!»
—Будимь ми старихъ людей біля его держати,
Будуть вони его научати:
Будемъ его добре поважати,
Тебе батька нашого гетьмана споминати!
То Хмелницький тее зачувавъ, великую радость мавъ,
Сідою головою поклонъ оддавъ,
Слезы проливавъ.
Скоро після того ще й гірше Хмелницький знемогавъ:
Опрощенье зо всіми приймавъ;
Милосердному Богу душу оддавъ.—
То не чорнії хмари ясне сонце заступали,
На буйнії вітри въ темніемъ лузі бушовали:
Козаки Хмельницького ховали,
Батька свого оплакали.

(Метл. стр. 77).

39. ВАРІАНТЪ ПРЕДЪИДУЩЕЙ ПѢСНИ.

(1657).

Эй зажуриться, захлопочеться Хмельницького старая голова,
Що при йому-то не было ні сотниківъ, ні полковниківъ нема;
Тілкі пробувавъ при йому Иванъ Луговський,
Писарь війсковий,
Козакъ лейстровий.
Тогді-то вони стали у раді,
Якъ малиі діти;
Одъ своіхъ рукъ листи писали,
По городахъ, по полковихъ, по сотеннихъ розсилали,
А до козаківъ у листахъ приписували:
«Эй козаки, діти, друзи!
Прошу васъ, добре дбайте;
Борошно зсипайте,
До загребелной могили прибувайте.
Мене Хмельніцького къ собі на пораду ожидайте».
Оттогді-жъ то козаки добре дбали;
Борошно зсипали,
До загребелиои могили прибували;
Воскресения Христового дожидали,—
Хмельницького въ вічи не видали;
Вознесения Христового дожидали,—
Хмельниннького въ вічи не видали;
Духа-Тройці дожидали,—
Хмельніцького въ вічи не видали;

Петра й Павла дожидали,—
Хмельницького въ вічи не видали;
Ильі Пророка дожидали,—
Хмельницького въ вічи не видали.
Тогді-жъ то козаки стали у раді,
Якъ малиі діти.
«Хвалився намъ гетьманъ Хвельницький,
Батю Зіновъ Богдану Чигиринський,
У городі Суботові
На Спаса Преображение ярмолокъ закликати....»
Тогді-жъ то козаки добре дбали,
До города Суботова прибували,
Хмельницького стрічали,
Штихи у суходілъ стромляли,
Штихи изъ себе скыдали,
Хмелніцькому низький поклонъ послали:
«Пане гетьмане Хмелницький,
Батю Зиновъ нашъ Чигиринський!
На-що ты насъ потребуешь?»
Тогді-жъ то Хмелницький стиха словами провляе:
«Эй козаки, діти, друзи!
Прошу я васъ, добре дбайте:
Соби гетьмана наставляйте,
Чи нема между вами которого козака старинного,
Отамана курінного?
Вже-жъ я часъ одъ часу хорію,
Міждо вами гетьмановати не здолію;
То велю я вамъ междо собою козака на гетьманство обирати,
Буде междо вами гетьмановати,
Вамъ козацькі порядки давати».
Тогді-то козаки стиха словами промовляли:
«Пане гетьмане Хмелницький,
Батю Зиновъ нашъ Чигиринський!

Не можемъ ми сами міждо собою козаками гетьмана обірати,
А жолаемъ одъ вашой милости послихати».
Оттогди-жъ-то Хмелницький стиха словами промовляе:
«Эй козаки, діти, друзи!
Прошу я васъ, добре дбайте;
Есть у мене Иванъ Луговський,
Которий у мене дванадцять літъ за джуру пробувавъ,
Всі мої козацькі звичаі познавъ;
Буде междо вами козаками гетьмановати,
Буде вамъ козацьки порядки давати!»
Тогді-то козаки стиха словами промовляли:
«Пане гетьмане Хмелницький,
Батю Зиновъ нашъ Чигиринський!
Не хочемъ ми Ивана Луговського:
Иванъ Луговський близько ляхивъ, мостивихъ панивъ живе;
Буде зъ ляхами, мостивими панами, накладати;
Буде насъ козакивъ за не-вищо мати».
Тогди-то Хмельницький стиха, словами промовляе:
«Эй козаків, діти, друзі!
Коли ви не хочете Ивана Луговського,
Есть у мене Павелъ Тетеренко».
—Не хочемъ ми Павла Тетеренка.—
«Дакъ скажите, говоритъ, кого ви желаете».
— Ми, кажуть, жолаемъ Евраха Хмельниченка.—
«Ще-жъ, каже, мойму Евраху Хмельниченьку
Тількі всього дванадцать літъ отъ роду;
Ще вонъ возрастомъ малъ, розумомъ не дійшлий».
—Будемъ, говорять, попличъ його дванадцать парсонъ сажати,
Будутъ його добрими ділами наущати,
Буде междо нами козаками гетьмоновати,
Намъ порядки давати.—
Оттогді-то козаки добре дбали;

Бунчукъ, булаву положили
Евразя Хмельниченька на гетьманство настановили;
Тогді изъ разныхъ пищаль погримали,
Хмельниченька гетьманомъ поздоровляли.
Оттогді Хмельницький, якъ благословение сынови здавъ,
Такъ и въ домъ одправився,
И сказавъ йому:
«Гляди-жъ, говорить, сыну мій!
Якъ будешь немного Ташликомъ рикою гуляти,
На бубни, на цурумки виграватп,
Дакъ будешъ отця живого заставати;
А якъ будешъ Ташликомъ рікою гуляти,
На бубни, на цуромки виграватп,
Дакъ не будешъ отця живого заставати».
Тогди-жъ-то Еврась, гетьманъ молодий,
Ташликомъ рікою долго гулявъ,
На бубни, на цуромки вигрававъ,
До дому приіжджавъ,
И отця живого не застававъ.
Тогда-то веливъ у Штоминомъ двори,
На високій гори,
Гробъ копати,
Тогді-жъ-то козаки штихами суходилъ копали,
Шлпками землю виносили,
Хмельницького похоронили;
Изъ разнихъ пищаль подзвонили,
По Хмельницькому похоронъ счинили.
Ттогді-жъ-то козаки, поки старую голову Хмельницького зачували
Поти и Евраса Хмельниченька за гетьмана почитали;
А якъ не стали старой голови Хмельницького зачувати
Не стали и Евраса Хмельниченька за гетьмана почитати:
«Эй, Еврасю Хмельниченьку, гетьмане молодий!

Не подобало-бъ тоби надъ нами козаками гетьмоновати;
А подобало-бъ тоби наши козацкі курені подмітати.

(Метлинскій 395).

40. Надпись подъ гербомъ Хмельницкаго.

(1650).

Старожитності; то тилко якъ би обновила.
Же вікопомность явно знову ся одкрила.
Клейнотъ, котрий Хмельницькихъ домъ приоздобляеть,
Въ мужности, въ правді, въ вірі моцно утверждаеть.
Не дивъ, бо Абданкъ знакъ есть щодрой поволности,
Крестъ за фараментъ віри Хмельницькихъ мужности.
Незвитяжоний, кролю, въ христіанскомъ панстві,
Кеди повольность Хмельницькихъ маєшъ у подданстві.

(Украинецъ Максимов. 1859. стр. 167).

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

—

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.
